

Народная архитектура финно-угорского населения Северо-Запада России

в чертежах
и рисунках
Р. М. Габее

*At the Tavern, Liberty, Vermont
July 20, 1850*

Министерство культуры Российской Федерации

**Народная архитектура прибалтийско-финского
населения Северо-Запада России в чертежах и рисунках**

Научное наследие

Р. М. Габее

Санкт-Петербург
2019

Автор-составитель: Н. И. Ивановская, кандидат исторических наук.
Сканирование рисунков: Я. И. Андреева
Научный редактор: О. М. Фишман, доктор исторических наук.

Народная архитектура прибалтийско-финского населения Северо-Запада России в чертежах и рисунках: научное наследие Р. М. Габе / Авт.-сост. Н. И. Ивановская. — СПб. Издательство «Гйоль», 2019 — 176 с.: илл.

ISBN 978-5-90479-076-9

Настоящее издание посвящено научному наследию Руфина Михайловича Габе (1875–1939) — известного архитектора, художника, одного из первых в нашей стране исследователей, обратившихся к малоизученной части национального архитектурного достояния — крестьянским жилым и хозяйственным постройкам.

Книгу открывает биографический очерк, прослеживающий жизненный путь Р. М. Габе и характеризующий его как творческую личность.

В основной части издания — уникальные рисунки Р. М. Габе, сделанные в 1926–1930 гг. во время работы в Северо-Западной этнологической экспедиции Этнографического отдела Русского музея на территории Кингисеппского уезда Ленинградской области и запечатлевшие памятники народной архитектуры прибалтийско-финского населения (ижоры, води, ингерманландских финнов).

Большинство представленных рисунков публикуется впервые.

Материалы экспедиционных исследований Р. М. Габе дополнены его публикациями по народной архитектуре, содержащими глубокий профессиональный анализ полученных данных.

Книга предназначена для историков, этнографов, архитекторов и всех интересующихся традиционной народной культурой.

© Ивановская Н. И., автор-составитель, 2018
© Российский этнографический музей, 2018
© Издательство «Гйоль», 2019

*«Мне хорошо знаком тот трепет душевный,
который испытываешь, когда стоишь
перед лицом северных построек...»*

Р.М. Габе

*Руфин Михайлович Габе. Санкт-Петербург. 1914 г.
Из личного архива Б. И. Габе*

К читателю

Настоящее издание посвящено научному наследию Руфина Михайловича Габе. Он был не только известным архитектором, художником-графиком, но и видным исследователем деревянного зодчества.

Материалы, составляющие научное наследие Р. М. Габе, сосредоточены в нескольких учреждениях. Значительная коллекция графического материала, состоящая из акварельных и графических рисунков, планов и чертежей по народной архитектуре Русского Севера, выполненных в период с 1921 по 1939 г., находится в отделе архитектурной графики Государственного исторического музея. Материалы Р. М. Габе хранятся также в Национальном музее Республики Карелии (рисунки и планы народных построек) и Национальном архиве Республики Карелии (документы, связанные со строительством Мурманской железной дороги). Кроме того, небольшое количество его рисунков находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Санкт-Петербург).

В Российском этнографическом музее хранится обширная коллекция рисунков и чертежей крестьянских жилых и хозяйственных построек, выполненных Р. М. Габе в 1926–1927 гг. во время его работы в составе Северо-Западной этнологической экспедиции (руководитель Д. А. Золотарев). Это собрание из 90 номеров содержит, кроме нескольких зарисовок, отражающих традиционный быт местного населения, 21 чертеж, а также 64 акварельных и графических рисунка, запечатлевших типичные для прибалтийско-финского населения Кингисеппского уезда Ленинградской

области образцы народной архитектуры, характерные для второй половины XIX – первой трети XX в.

Эти материалы составили две коллекции: № 5230 (водь, 12 номеров) и № 13144 (ижора и финны савакот, 78 номеров). Последняя была передана Этнографическому отделу Русского музея автором рисунков и чертежей Р. М. Габе в 1926 г. и зарегистрирована под номером 4696. В 1955 г. при переучете пострадавшего во время Великой Отечественной войны коллекционного фонда она была ошибочно исключена из музейного собрания. В 2014 г., когда возникла идея обратиться к научному наследию Р. М. Габе с целью публикации, коллекция была атрибутирована и зарегистрирована под новым номером 13144.

Чертежи, входящие в эту коллекцию, зафиксировали планировку деревень и усадеб с жилыми и хозяйственными постройками (хлевами, сараями и прочими строениями). На акварельных и графических рисунках запечатлены типы крестьянских жилищ с ещё сохранившимися тогда в немало количестве курными избами, отдельно стоящими хозяйственными постройками — амбарами, ригами, банями; конструкции печей — русских печей с дымоходом, отдельной топкой для кухонного очага и духовым шкафом; каменок. Р. М. Габе в своих рисунках отразил главные особенности крестьянского строительства в данном регионе — дома на сплошном каменном фундаменте, каменные скотные дворы, сложенные из крупных валунов на известковом растворе, наличие на домах резных наличников со ставнями, в ряде районов расписанных масляной краской.

Часть рисунков, вошедших в коллекцию № 13144, была опубликована Р. М. Габе в 1930 г. в статье «Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа», в которой он обобщил результаты изучения одного из аспектов традиционной культуры прибалтийско-финского населения Ленинградской области.

Основную часть данного издания, содержащую материалы научных исследований Р. М. Габе, предваряет глава биографического характера, в которой описан жизненный путь этой незаурядной личности. Здесь впервые публикуются фотографии из архива семьи Габе.

Следующая глава посвящена непосредственно научному наследию Р. М. Габе. Это не только рисунки из коллекции, переданной им в РЭМ, но и три его публикации по народной архитектуре прибалтийско-финского населения Ленинградской области, вышедшие в свет достаточно давно небольшим тиражом и практически превратившиеся в библиографическую редкость. Кроме того, они были опубликованы в узкоспециальных изданиях, что затрудняет доступ к ним широкой аудитории.

Первой воспроизводится статья Р. М. Габе «Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа» (1930) с авторскими чертежами и рисунками, в том числе и теми, которые не были переданы им в музейное собрание. Это расширяет рамки коллекции № 13144, как источника по этнографии ижоры и финнов савакот.

Качество печати этого издания оставляет желать лучшего, и, если чертежи, всё же, сохраняют свой информативный потенциал, то рисунки зачастую не дают исследователю возможности хорошо рассмотреть и проанализировать детали того или иного объекта архитектуры или его фрагмента. Поэтому некоторые рисунки из этой статьи, включенные в 1926 г. в музейный фонд и составившие коллекцию № 13144, представлены в современном полиграфическом исполнении. Их легко отличить по отсутствию отметки «публикуется впервые». Всего в издание вошли 78 рисунков

Р. М. Габе из коллекций РЭМ, 47 из которых публикуются впервые. Все рисунки снабжены авторскими подписями.

Здесь же помещены две другие статьи Р. М. Габе, представляющие собой свод интереснейшей информации по народной архитектуре. В первой из них («Архитектурные формы в деревянном зодчестве и возможности применения их в колхозном строительстве», 1937) автор, предлагая воспользоваться традиционным народным опытом в строительстве при создании новой деревни, приводит в качестве примеров образцы карельской народной архитектуры, зафиксированные им в виде рисунков и чертежей во время полевых исследований. Этот материал, дополненный научным анализом проблем изучения деревянного зодчества, дает цельное представление о крестьянской архитектуре Карелии первой четверти XX в. Эта статья практически является кратким изложением более позднего труда Р. М. Габе «Карельское деревянное зодчество», которая вышла в свет в 1941 г., уже после смерти автора, небольшим тиражом, часть которого бесследно исчезла. В наши дни — это безусловный библиографический раритет, обладающий большой научной ценностью, но доступный очень узкому кругу специалистов. Таким образом, публикация этой статьи восполняет образовавшуюся информационную лауну.

В следующей своей работе «Интерьер крестьянского жилища», опубликованной в 1955 г. в издании «Архитектурное наследство», приводятся неизвестные ранее материалы исследований Р. М. Габе, посвященные русской народной архитектуре на территории Ярославской и Вологодской областей, а также Лужского района Ленинградской области в 1936–1938 гг.

Все три статьи, собранные вместе, не только расширяют информационное поле современной этнографической науки и искусствознания, но и характеризуют Р. М. Габе как ученого-исследователя, этнографа и историка архитектуры.

Основную часть издания дополняет список научных трудов Р. М. Габе и публикаций, содержащих биографическую

информацию о нём, анализ его научной деятельности, а также литература по этнографии финнов, ижоры и води.

В целом все материалы, представленные в данном издании, в полной мере свидетельствуют о том значительном вкладе, который Р. М. Габе внес в изучение деревянного зодчества упомянутых народов.

Подводя итог краткой характеристике издания, следует отметить, что эта книга является первой наиболее полной публикацией научного наследия Р. М. Габе.

Введение в научный оборот неизвестных до сих пор учёным и широкой публике рисунков Р. М. Габе, запечатлевших всё разнообразие народной архитектуры прибалтийско-финского населения Ленинградской области, существенно пополнит источниковедческую базу этнографической науки, а получившие

«вторую жизнь» его научные труды ещё и значительно расширят знания всех, кто интересуется историей и культурой коренного населения данного региона.

Автор выражает глубокую благодарность за предоставление неизвестных ранее материалов и фактов о жизни и деятельности Р. М. Габе его внуку, Борису Иосифовичу Габе, а также художнику-дизайнеру, краеведу, бывшему сотруднику Российского этнографического музея и Историко-этнографического музея-заповедника «Ялкала» Владимиру Борисовичу Зернову за помощь в регистрации для музейного собрания коллекции рисунков и чертежей Р. М. Габе, предшествовавшей настоящей публикации. Кроме того, именно последний оказался связующим звеном между автором и издателем, совместными усилиями которых вышла в свет эта книга.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ Р. М. ГАБЕ — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕТЕРБУРГА

В декабре 2015 г. исполнилось 140 лет со дня рождения архитектора и художника-графика Руфина Михайловича (Рувима Михелевича) Габе (1875–1939). Он был не только известным архитектором, но и видным исследователем народного деревянного зодчества. В архиве Российского этнографического музея (РЭМ) хранятся выполненные им материалы — рисунки и чертежи памятников архитектуры прибалтийско-финского населения Ленинградской обл. (ижора, водь, ингерманландские финны). Р. М. Габе — один из исследователей, обогативших этнографическую науку сводом источников для изучения ушедшей в прошлое традиционной народной культуры.

Жизнь Руфина (Рувима) Михайловича Габе (1875–1939) была насыщенной, в ней немалое место занимала художественная и научная деятельность; многогранность натуры, разносторонняя одаренность и высокий профессионализм позволили ему занять достойное место в различных сообществах творческой петербургской интеллигенции.

В его судьбе отразились все противоречия и изломы эпохи, в которой ему довелось жить.

Жизненный путь Р. М. Габе, в отличие от многих исследователей народной культуры, участвовавших в формировании коллекционного фонда музея, не является для нас «закрытой книгой». Результаты профессиональной деятельности отражены в его собственных публикациях, а также в статьях, освещающих его вклад в изучение народной

архитектуры и опубликованных в различных изданиях, включая Интернет¹. Его потомки — четверо детей, внуки — не только сохранили память о нём, как родном и близком человеке, но и сберегли его научное наследие, включающее неопубликованные статьи, рисунки и чертежи памятников народного зодчества. Эти документы, как указывалось ранее, наряду с материалами научных исследований, переданных самим Габе, хранятся в архивах и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска.

Р. М. Габе родился в Петербурге, в еврейской семье, ему пришлось разделить со своим народом все сложности существования в условиях государственного антисемитизма. Его отец, Михель Яковлевич Габе (1842–1908) — резчик штемпелей (с 1870 г.), а затем и мастер (1885) медальерного отделения Санкт-Петербургского монетного двора, где проработал свыше 30 лет², — был уроженцем

1 *Габе Р.М.*: Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР. Л., 1930. № 16. С. 107–145; *Он же*. Карельское деревянное зодчество. М., 1941; *Он же*. Архитектурные формы в деревянном зодчестве и возможности применения их в колхозном строительстве // Проблемы архитектуры. М, 1937. Т. 2. Кн. 1. С. 337–363; *Он же*. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. М., 1955. Кн. 5. С. 81–104; Проф. *Р. М. Габе*: Некролог // Архитектура Ленинграда. 1939. № 1; С. 90; *А. Я. Свирский*. Исследователь архитектуры Севера // Архитектура Ленинграда. 1940. № 2. С. 59–62; *Шмакова В. Т.* Новые материалы по народному творчеству (графические работы Р. М. Габе) // Ежегодник ГИМ. 1962. М., 1964. С. 182–184. М. Р. Габе. К столетию со дня рождения профессора Р. М. Габе (машинописный материал хранится в семейном архиве Б. И. Габе); *Зернов В. Б.* Неизвестные портреты известных художников-этнографов // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3. Шестые междуна. Шёгреновские чтения. СПб., 2014. С. 406–411.

2 *Гриликес Ц.* Медальеры Гриликесы. Биографические заметки // Народ мой. 2000. № 1. URL — Режим доступа: <http://jews.spb.ru/amii/>.

Виленской губ., входившей в черту постоянной еврейской оседлости (граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное проживание евреев). Ему удалось перебраться в Петербург благодаря высокому профессиональному мастерству, опираясь на Закон от 22 июня 1865 г., позволивший евреям-ремесленникам и членам их семей проживать в России повсеместно³. В многонациональной столице Российской империи Петербурге евреи, начиная с пореформенного времени, постоянно занимали четвертое место среди нерусских групп, доля которых по численности населения варьировала от 1 до 2%⁴. Петербургские евреи очень быстро утрачивали традиционную бытовую культуру и язык. С пореформенного времени и до начала Первой мировой войны в столице шёл интенсивный процесс языковой ассимиляции: в 1869 г. почти не было евреев, считавших родным языком русский, в 1910 г. доля их составила уже 42%. В начале XX в. второе поколение, к которому относился и Р.М. Габе, было практически полностью русскоязычным. Интеграция образованной части еврейского населения в русскую культуру привела к появлению такой страты российского общества как русско-еврейская интеллигенция⁵. Обычно под этим термином понимается та часть евреев, которая отошла от традиционного

религиозного мировоззрения и находилась под влиянием идей европейского гуманизма.

В конце XIX – начале XX в. жившие в Петербурге евреи (и сохранившие свою религиозную принадлежность, и принявшие православие) внесли большой вклад в русское искусство, науку, литературу⁶. Например, композитор А. Г. Рубинштейн, поэты С. Я. Надсон, Саша Черный, художник Л. С. Бакст и многие другие. Большую роль в жизни Санкт-Петербурга играли и рядовые представители еврейской интеллигенции — врачи, юристы, финансисты, ученые и др. В эту категорию входила и семья высококвалифицированного художника по металлу М. Я. Габе. В конце своей жизни он уже относился к сословию почетных граждан, был уважаемым мастером Санкт-Петербургского монетного двора.

Рувим Габе, унаследовав художественные способности отца, прошёл подготовку по рисунку в Нормальной рисовальной школе при Академии художеств, одновременно учась в классической Введенской гимназии, по окончании которой возник вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути. Здесь необходимо остановиться на проводимой правительством царской России политике в области образования⁷. В 1908 г. Совет министров принял постановление о введении во всех государственных высших учебных заведениях, «за исключением консерватории», процентной нормы для евреев; в ряд высших учебных заведений прием их был полностью запрещен. К таким высшим учебным заведениям Петербурга относились Военно-медицинская академия, Электротехнический институт,

3 Ведерников В. Еврейский вопрос в политике самодержавия (1860–1870 гг.). URL — Режим доступа: <http://www.ijc.ru/istoki.html>.

4 Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века. Л., 1984; Она же. Евреи Петербурга в период реформ 1860-х годов: социально-демографическая характеристика // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. СПб., 1989. С. 81–112 Она же. Русские евреи как субэтническая общность: проблема этнического выживания // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. М., 1992. С. 41–52.

5 Клар Джон. О русско-еврейской интеллигенции (к постановке вопроса) // Евреи в России: история и культура / Труды по иудаике Петербургского еврейского университета. СПб., 1995. Вып. 3. URL — Режим доступа: <http://www.jewish-heritage.org/tp3a8r.htm>.

6 Дымшиц И. А. Евреи // Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. СПб, 2002. С. 389–405.

7 Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века: каким оно было: Опыт социокультурного портретирования. М., 2007.

*Руфин Михайлович Габе. Студент института гражданских инженеров СПб. Санкт-Петербург. 1896 г.
Из личного архива Б. И. Габе*

*Руфин Михайлович Габе — выпускник Института гражданских инженеров с родителями. Санкт-Петербург. 1902 г.
Из личного архива Б. И. Габе*

Театральное училище, Горный институт. Существование процентной нормы для евреев при поступлении в высшие учебные заведения порождало разгул чиновничьей коррупции, поэтому преимущество было на стороне наиболее богатых слоёв еврейского населения. Габе, выбрав профессию архитектора, сделал несколько неудачных попыток преодолеть процентный барьер при поступлении в Институт гражданских инженеров. Посоветовавшись с отцом, он принимает христианство (лютеранство). Имя его приобрело немецкое звучание — Руфин Габбе. Мечта его сбылась: он поступил на архитектурное отделение Санкт-Петербургского института гражданских инженеров. Со времени его окончания (1902) и вплоть до 1916 г. его карьера архитектора успешно развивается. Как архитектор-практик он проектировал и наблюдал за постройками жилых и общественных зданий в Санкт-Петербурге и Карелии. По его проекту в Петербурге было возведено несколько доходных домов, которые сохранились до настоящего времени⁸. Он принимал участие в конкурсных проектах, его проект здания музея 300-летия дома Романовых в Петрозаводске получил 1 премию; преподавал в Школе десятников, готовившей специалистов-строителей, а с 1906 г. — на Высших женских политехнических курсах, первом в России женском высшем техническом учебном заведении (Женский политехнический институт, 1916–1918; Второй политехнический институт, 1918–1924). Габе преподавал на архитектурном отделении института. В 1918 г. ему было присвоено звание профессора по кафедре графического изучения памятников архитектуры. Педагогическая деятельность Р. М. Габе в различных высших и средних учебных заведениях длилась 30 лет.

8 Доходный дом. 11-я линия, 60 (1910); Доходный дом К.Г. Чубакова. Наб. р. Карповки, 30 — ул. Всеволода Вишневского, 13 (1911–1912); Доходный дом К.Г. Чубакова. Чкаловский пр., 58 (1913); Доходный дом. Полозова ул., 3 (1913); Доходный дом. Ул. Воскова, 6 (1914).

В течение всей жизни круг его общения составляли представители петербургской творческой интеллигенции — художники (он являлся членом Общества поощрения художеств, объединявшего многих известных русских живописцев), писатели, книги которых он оформлял как художник-график, а также ученые-этнографы, работавшие в музеях и научных учреждениях. Появление в профессиональной жизни архитектора и художника такой категории специалистов связана с ещё одной гранью его творческой деятельности, которая была связана с исследованиями народного зодчества.

После окончания института Габе проходил практику на строительстве Витебского вокзала в Петербурге. В связи с намечающейся профессиональной специализацией молодой архитектор был привлечен к проектированию вокзальных и других путейских сооружений на территории Карелии для строящейся Мурманской железной дороги. По его проекту были выстроены железнодорожные вокзалы в Карелии — на станциях в Соробе (ныне — г. Беломорск) и Медвежьегорске (1914). Знакомство с первозданной могучей природой этого северного края, самобытной культурой населения открыло новые страницы его жизни. Он создает серию рисунков и акварелей, на первых из которых запечатлены северные водопады, реки, леса. В дальнейшем он фиксировал архитектурный пейзаж, а затем уже памятники народной архитектуры и её детали⁹.

Габе писал: *«Мне хорошо знаком тот трепет душевный, который испытываешь, когда стоишь перед лицом северных построек <...> и я счастлив возможностью опубликовать эти жемчужины вдохновенного народного творчества, полные величественной простоты и искренности мысли»*¹⁰.

9 Карельское деревянное зодчество / Предисл. Я. О. Свирского. М., 1941. С. 1–2.

10 Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. С. 1.

Именно в Карелии, в Петрозаводске, он встретил свою будущую жену Лию Осиповну — дочь военного кантониста¹¹ О. Я. Свицкого, девушку образованную, учившуюся в Швейцарии. Отец его избранный, религиозный ортодокс, не соглашался на брак своей дочери с лютеранином. По всей вероятности, конфессиональная принадлежность не слишком волновала молодого человека, и, выбрав личное счастье, он возвращается в лоно иудаизма, вновь получив фамилию Габе.

Пребывание в этом северном крае стало для М. Р. Габе поистине судьбоносным. Оно не только принесло ему перемены в личной жизни, но и расширило рамки профессиональной деятельности. Продолжая заниматься практической архитектурой, с 1908 г. Р. М. Габе обращается к серьезному изучению народного зодчества, прослушав в связи с этим в 1908–1909 гг. полный курс в Санкт-Петербургском археологическом институте. Темой его научно-исследовательской работы стала народная архитектура Севера России, изучению которой он посвятил почти всю свою жизнь. В дореволюционные годы поездки на Север предпринимались им по собственной инициативе, позднее — при поддержке государства.

После революции Р. М. Габе прекратил архитектурную деятельность. Архитектор-традиционалист, он не смог принять конструктивистские идеи, преобладавшие в то время в архитектуре, а его приверженность классике оказалась невостребованной. В этой ситуации он делает очень важный жизненный выбор — полностью уходит в изучение сельской народной архитектуры. Теперь все

11-я линия ВО, дом 60

Ул. Воскова, дом 6

Наб. Карповки, дом 30

Ул. Полозова, дом 3

Чкаловский пр, дом 58

¹¹ Евреи-кантонисты — принудительно взятые на военную службу в Царской России дети евреев с 12 лет (детей других национальностей не призывали). Их военная служба сопровождалась насильственным обращением в христианство в том числе с применением издевательств. Была возможность возвращения в иудаизм по достижении 18 лет. *Прим. ред.*

Ст. Медвежьгорск. Фото А. Витасало, 17.12.1941 г.

Ст. Сороки. Фото С.М. Прокудина-Горского, 1916 г.

силы и профессионализм Руфин Михайлович отдает изучению традиционного народного деревянного зодчества. В то же время он продолжил работу в различных высших и средних учебных заведениях, преподавая архитектурную графику.

Результаты исследования народной архитектуры Карелии Р. М. Габе обобщил в книге «Карельское деревянное зодчество»¹². Как уже упоминалось, это уникальное по своему содержанию издание в наши дни является библиографической редкостью. Книга содержит структурированное и практически исчерпывающее описание планировки деревень Заонежья, типы домов в различных районах Карелии, жилых домов и интерьеров, хозяйственных построек, включая амбары, бани, риги, мельницы. Кроме того, тщательно зафиксированы конструктивные детали построек: крыши, кровли, балконы, ворота, крыльца, взвозы, а также отмечены приемы возведения новых построек. В книге размещены 238 иллюстраций, выполненных автором. Р.М Габе одним из первых обратился к изучению народной жилой архитектуры (преимущественным вниманием историков архитектуры при изучении народного деревянного зодчества в конце XIX – начале XX вв. пользовались культовые памятники). Его задачей было показать, что «избы северных областей, амбары, риги и другие произведения крестьянского зодчества отмечены в такой же мере творческим гением народа, как и церкви»¹³. Но при этом он полагал, что «этнографический подход к изучению избы имел перевес над изучением её с точки зрения искусства». Он рассматривал объекты народной жилой архитектуры не только по функциональному назначению и этнической принадлежности, но и «по красоте архитектурных

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 3.

форм, по своим конструктивным особенностям и по исконным традициям», считая её отраслью народного искусства. Таким образом, этот труд, объединяющий текстовое описание, обмеры, зарисовки, фотографии и глубокий архитектурный анализ памятников народного зодчества, представляет собой бесценный научный источник как для истории архитектуры, так и этнографической науки.

Активная и плодотворная деятельность Габе по изучению народной жилой архитектуры поставила его не только в ряд историков архитектуры, но и ввела в круг специалистов-этнографов. Зарекомендовав себя серьезным исследователем народной культуры, он являлся членом Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава населения (КИПС) Академии наук, созданной для работы по углубленному изучению этнического состава населения страны, а также членом Русского географического общества.

1920-е гг. были временем организации широкомасштабных комплексных экспедиций. Интенсивное изучение Северо-Западного региона связано с деятельностью талантливого ученого, известного антрополога и этнолога профессора Давида Алексеевича Золотарёва (1885–1935)¹⁴. Ему принадлежит заслуга организации крупнейших этнологических экспедиций. Одной из них была Северо-Западная этнологическая экспедиция Этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей, РЭМ). В 1926–1927 гг. Р. М. Габе как участник этой экспедиции работал на территории Кингисеппского уезда Ленинградской области, изучая памятники народной архитектуры прибалтийско-финского

населения (ижора, воль, ингерманландские финны). Так же, как и в Карелии, он производил обмеры, делал рисунки и этюды с натуры наиболее типичных жилых и хозяйственных построек. При изучении народной архитектуры западных финнов он так же, как и ранее, считал, что необходимо полное исследование образцов крестьянского зодчества и с научной (этнографической), и с художественной точки зрения¹⁵. Он так писал о своем исследовательском методе: *«Думаю, что подход мой к данному вопросу не только не противоречит задачам этнографии, но дает возможность охарактеризовать народное зодчество и с этнографической, и с художественной точек зрения, тем более, что на мой взгляд этнография неразрывно связана с народным искусством и отделять их не только не рационально, но и невысказано»*¹⁶. Состав собранных им материалов, хранящихся в архиве РЭМ, вполне отражает данную методику изучения народного зодчества. Научная достоверность и документальность его графических работ дополнялась виртуозной художественной выразительностью и техникой. Сочетая в себе художника, архитектора и этнографа, Р. М. Габе в своих работах наряду с общим видом строения фиксирует и отдельные его части, мастерски раскрывает в рисунках не только конструкцию здания, но и отдельные детали, включая украшающий их орнамент. Чертежи и рисунки, сделанные им в Кингисеппском районе зафиксировали планировку деревень, различные типы жилых домов и интерьеров, хозяйственных построек. *«Рисунки, — писал Р. М. Габе — следует делать законченными, вполне ясными, точными, не оставляя в них ни одну деталь невыясненной <...> В своих зарисовках с натуры*

¹⁴ Шангина И. И. Д. А. Золотарев и его деятельность в Этнографическом музее // Ремесла и промыслы и народов СССР. Л., 1986. С. 170–177; Шангина И. И., Аксянова Г. А. Давид Алексеевич Золотарёв — этнограф, антрополог, организатор науки в России начала XX века // Три века Российской этнографии: Страницы истории. М. 1917. С. 221–244.

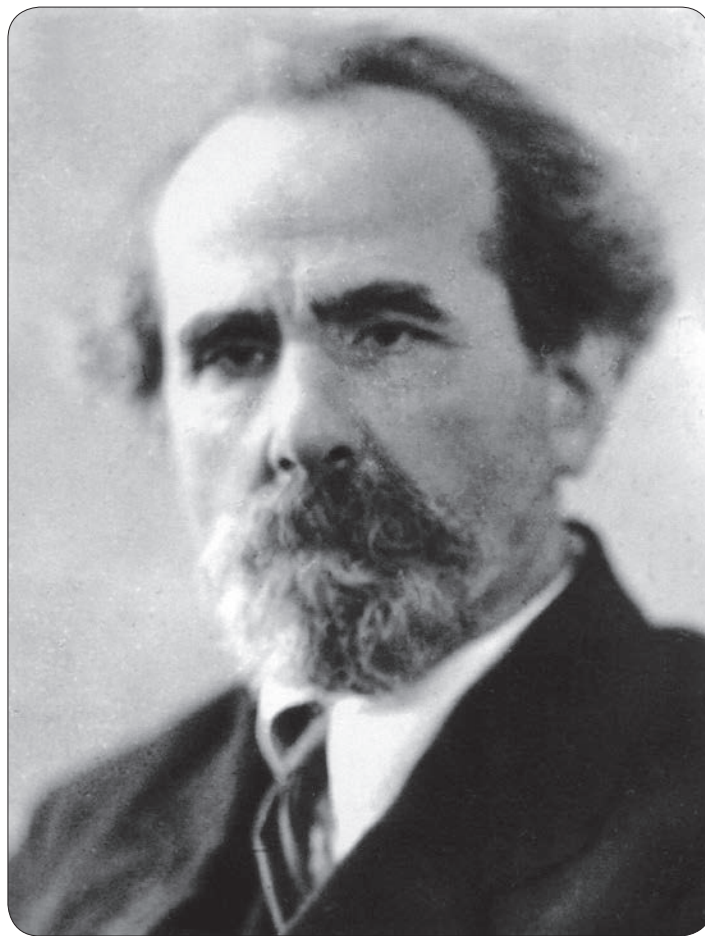
¹⁵ Габе Р. М. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР. Л., 1930. № 16. С. 108–109.

¹⁶ Габе Р. М. Указ. соч. С. 110–111.

следует быть правдивым и искренним, как правдиво, искренне само народное творчество. Необходимо показывать народную архитектуру со всеми ее ценными сторонами, а не демонстрировать самих себя, бравируя той или иной манерой изображения и тем самым заслоняя самое главное в народном творчестве, полном величественной простоты и ясности»¹⁷. Любовь к изучаемому предмету — народной архитектуре делала Габе — художника и ученого, ещё и поэтом. Привожу пример описания, приведенного в одной из его работ: «Красивы бревенчатые стены избы. Капризна на них игра света и тени в различные моменты солнечного освещения. Полны очарования и старые темно-серые избы, темные бревна которых лучи солнца окрашивают в самые разнообразные тона, и новые срубы, отливающие золотистым блеском, подчеркнутым темными полосами мха.»¹⁸. По словам Габе, «о народном творчестве нельзя говорить, его можно только воспевать».

По воспоминания его сына, художника и скульптора М. Р. Габе, его отец был горячим энтузиастом своего дела, а его изучение народной архитектуры — это подвижнические

поисковые поездки по бездорожью и выезды в деревни на всё лето вместе с женой и четырьмя детьми.

Руфин Михайлович Габе. Фото 1930-х гг.
Из личного архива Б. И. Габе. Публикуется впервые

Благодаря деятельности Р. М. Габе по изучению народной архитектуры финнов Ленинградской обл. мы располагаем сегодня уникальным источником для изучения ещё одной важной составляющей традиционной, а ныне уходящей в прошлое, культуры прибалтийско-финских этносов Северо-Запада России.

В 1936–1937 гг. по заданию Академии художеств он исследовал интерьеры и конструкции жилых домов Лужского р-на Ленинградской обл. и Ермаковского и Пошехонского р-нов Ярославской обл. Свою последнюю поездку летом 1938 г. в Вологодскую обл. (Усть-Кубенский, Тарногский и Тотемский р-ны) Р. М. Габе совершил от секции народного творчества Ленинградской организации Союза советских архитекторов, в работе которой он принимал активное участие.

Говоря о профессиональной деятельности Габе, необходимо под-

черкнуть, что свой талант художника он использовал не только в научных целях. Он был прекрасным художником-графиком, тонким акварелистом; состоял членом Общества художников им.

¹⁷ Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. С. 3.

¹⁸ Цит. по: А. Я. Свирский. Исследователь архитектуры Севера. С. 60.

А. И. Куинджи; неоднократно устраивал персональные художественные выставки¹⁹, последняя из которых состоялась в Ленинграде в 1939 г. Р. М. Габе оформлял обложки книг, среди них — собрание сочинений писателя А. П. Чапыгина и сборник стихов своего друга, Н. А. Клюева.

Многогранной личности Р. М. Габе было присуще такое качество, которое можно назвать мудрым прагматизмом. Это свойство его натуры вкупе с высочайшим профессионализмом помогало ему выстоять в критических жизненных ситуациях, когда судьба ставила его перед необходимостью выбора, будь то выбор профессии или решение о смене конфессиональной принадлежности, или отказ от выполнения конъюнктурных архитектурных проектов в советское время и т. д.

Жизнь Р. М. Габе завершилась в 1939 г. Он похоронен в Петербурге на Серафимовском кладбище. То, что он успел сделать, безусловно, обогатило и этнографическую науку, и историю архитектуры.

Обложка книги Р. М. Габе «Карельское деревянное зодчество»

¹⁹ Юбилейная выставка изобразительных искусств (1917–1927): Каталог. Л., 1929. С. 5–6; Выставка картин Общества им. А. И. Куинджи: Каталог. Л., 1929. С. 6, 15.

Обложка первого издания сочинений Алексея Павловича Чапыгина, выполненная Р. М. Габе. 1927–1928 гг.

Обложка сборника стихов Николая Клюева, выполненная Р. М. Габе. 1928 г.

Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа

Искренность всегда присутствует в народном искусстве, вследствие чего так сильно и действует оно.

Лев Толстой.

Исследование, изучение и способы изображения народного зодчества являются задачей чрезвычайно сложной. Необходимы специальные знания в отрасли народного искусства — зодчестве; необходима, кроме этого, большая чуткость художника, так как прежде всего нужно помнить, что народное зодчество является выражением заложенных в самом народе вкусов. Народное искусство совершенно непосредственно и подлинно. Оно настолько ясно, что доступно пониманию самых широких кругов, независимо от степени образованности последних. Оно глубоко трогает самого утонченного знатока искусства и одинаковое чувство вызывает в совершенно неискушенном вопросах искусства.

Исследование и изображение народного зодчества с этнографической точки зрения — задача еще более трудная. Трудность ее заключается в том, что выполнение ее должно удовлетворять и ученого, и художника.

Если мы будем рассматривать зодчество лишь с точки зрения быта, будем давать самые подробные описания, наиточнейшие обмеры и самые детальные иллюстрации, то из всего этого, может быть, и получится весьма почтенная работа, но такой труд скорее придется назвать очень подробно составленным протоколом с присущей последнему скукой и сухостью. Художника такой протокол не удовлетворит, так как прежде всего он обнаружит в подобном исследовании отсутствие самого ценного для него — проникновения в тайны самого народного творчества, отсутствие любования зодчеством, как искусством. Изображенные предметы искусства должны быть так переданы, чтобы в зрителе они вызвали те же чувства, какие испытывал сам исследователь, когда он изображал изучаемое им произведение. Но одного этого условия недостаточно.

Много опытных и одаренных художников интересовалось и занималось изображением народного искусства и, в частности, народного зодчества. Имеются прекрасные произведения живописи

из этой области, прекрасные рисунки. Значительная часть их едва ли удовлетворит ученого-этнографа, так как в них в большинстве случаев отсутствует научный подход. Представить исследование в таком виде, чтоб оно удовлетворяло и ученого этнографа, и художника — в этом-то и заключается вся трудность задачи.

Имея в виду то обстоятельство, что значительная часть материала, относящегося к изучению народного зодчества с точки зрения выявления характера архитектуры и архитектурных форм, должна служить и материалом для лиц, занимающихся теоретической и практической архитектурой, — становится очевидным, что качество передачи изучаемого произведения имеет огромное значение, так как от этого зависит тот интерес, с которым подходит изучающий народные произведения искусства к собранному материалу. Доказывать в настоящее время необходимость использовать в самых широких пределах народное зодчество занимающимися практической архитектурой, в особенности в области деревянного строительства, значит ломиться в открытую дверь. На все, что есть наиболее ценного в народном зодчестве, должно быть обращено самое тщательное внимание, и все это должно быть использовано в архитектуре города.

Во всех других отраслях искусства народное творчество всегда имело огромное значение. Особенно широко использовано оно нашими русскими композиторами, и все, что было создано ими на основе народного творчества, — особенно ярко и колоритно. Использование материалов народного зодчества для создания новой деревянной архитектуры города даст произведения не менее яркие и колоритные, чем это сделано в музыке.

Занимались изучением народного творчества и раньше. Но оно велось односторонне, так как объектом изучения являлись исключительно церкви, — в них, главным образом, видели выражение народных вкусов. Избы и все постройки крестьянской

усадьбы, по большей части, оставались вне поля изучения. На них смотрели как на произведения в художественном отношении стоящие значительно ниже произведений церковного зодчества. Во все многотомные исследования народного зодчества включено всего несколько изб, представляющих скорее историко-археологический интерес, нежели художественный. И только благодаря работам А. А. Бобринского, И. Я. Билибина, В. В. Плотникова, М. Б. Едемского и других, а также и трудам, появившимся в самое последнее время¹, можно отметить, что мы вступаем на новый путь в деле изучения народного зодчества, обращая исключительное внимание на архитектуру изб и других построек крестьянской усадьбы. В авангарде изучения всего этого интересного и ценного материала находится этнография, и она должна произвести окончательный сдвиг в сторону интереса к крестьянским постройкам как произведениям искусства. Только при таком изучении возможно полное исследование и с научной, и с художественной точки зрения образцов крестьянского зодчества.

Народным зодчеством бывшей Ленинградской губернии почти не интересовались и не занимались. Что за причина такого пренебрежения к архитектуре целого края, трудно даже объяснить. Литературы по этому предмету почти не существует. Некоторое удовлетворение дают появившиеся в 1925–1926 г. два тома ежегодника Эстонского Народного Музея («Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat»), где в статьях I. Manninen «Setude ehitused» (Постройки сетукезов) и, в особенности, в статье архитектора E. Ederbergf «Hiiumaa taluehitused», в которой умелой рукой даны хорошие иллюстрации, мы знакомимся с народной архитектурой хотя и не Ленинградского округа, но с архитектурой, очень близкой по характеру к постройкам западных финских племен, населяющих Ленинградский округ. Предположения Эстонского Народного Музея в ближайшем будущем заняться изучением культуры финских племен этого края — делают этот журнал особенно привлекательным. Далее следует отметить солидный труд Dr. Bielenstein «Die Holzbauten der Letten», изданный в 1907 г. на

немецком языке Академией Наук. Здесь дано обстоятельное описание и многочисленные рисунки деревянной архитектуры, близкой по характеру к архитектуре финнов Ленинградского округа.

Настоящая статья вызвана собранным материалом по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа в течение двух экспедиций в б. Кингисеппском у., организованных в 1926 и 1927 гг. Первая Этнологическая Экспедиция Этнографического отдела Русского Музея, под руководством Д. А. Золотарева, проведена была в течение летних 2½ месяцев 1926 г. На меня была возложена задача исследования и изучения крестьянского зодчества финских племен — ижор и савакот, населяющих побережье Финского залива, путем производства архитектурных обмеров, рисунков и этюдов с натуры наиболее типичных построек. Вторая Этнологическая Экспедиция, организованная Академией Наук, также под руководством Д. А. Золотарева, проведена была в течение летних месяцев 1927 г. в том же б. Кингисеппском у. преимущественно среди финского племени водь, осевшего в деревнях бывших Котельской и отчасти Наровской волостей. Ижоры расселились, главным образом, на Финском побережье в Сойкинской и Наровской волостях, племя савакот — в б. Наровской волости.

Так как меня интересовали не только факты быта, но и факты художественного творчества народа, то я, при выполнении возложенной на меня задачи, невольно отвлекался в сторону архитектуры, как искусства. Я чрезвычайно признателен Д. А. Золотареву, предоставившему мне полную свободу в выборе объектов исследования. Думаю, что подход мой к данному вопросу не только не противоречит задачам этнографии, но дает возможность охарактеризовать народное зодчество и с этнографической и с художественной точек зрения, тем более, что, на мой взгляд, этнография неразрывно связана с народным искусством и отделять их не только не рационально, но и немислимо.

В район изучения, намеченный Этнологической Экспедицией 1926 г., вошло побережье Лужской Губы и отчасти Копорской. Центром внимания являлись восемь деревень б. Сойкинской волости Кингисеппского района, входящих в состав Горковского общества, а именно: Александрово, Гамолово, Горки, Глинки, Залесье, Логи, Репино и Колгомпя. Наиболее детально изучению подлежала большая деревня Логи, состоящая из 103 дворов с населением, превышающим 800 человек. Тут были произведены

¹ А. Н. Некрасов. Русское народное искусство; Д. П. Осипов. Крестьянская изба на Севере России, 1924 г., изд. Научного Общества изучения Местного Края и Томского Музея Вологодской губ.; Э. Сыропятов. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края, изд. Пермского Художественного Музея; В. Воронов. Крестьянское искусство; Н. Ф. Калинин. О русском крестьянском зодчестве, и другие.

самые детальные антропологические и этнографические исследования, и в отношении изучения архитектуры мною обращено было особое внимание.

Многочисленны произведены обмеры этой деревни; и на генеральном плане, составленном в масштабе $\frac{1}{800}$ натуральной величины, нанесены все, как жилые, так и хозяйственные постройки и в каждом отдельном здании показаны входящие в него части, как-то: изба, сени, двор, амбар, кладовая и т.д.; нанесены фруктовые и ягодные сады, находящиеся почти у каждого дома, и участки земель, занятых под огороды и пашни.

Помимо восьми вышеупомянутых деревень б. Сойкинской волости, в сферу изучения вошли несколько деревень б. Наровской волости, расположенных недалеко от эстонской границы, Липово и Кургалово, со смешанным населением ижор и савакот в первой деревне, и с населением савакот во второй, а в б. Сойкинской волости деревни Валяницы, Вистино, Пахомово (Водский конец) и Сойкино с ижорским населением и деревня Ручьи со смешанным русским и ижорским населением, а также деревня Криворучье, населенная финнами.

В район исследования, намеченный экспедицией 1927 г., вошли следующие деревни: Котлы (Большой и Малый конец), Ундово, Рассия, Пумолицы, Пиллово, Понделово, I-е, II-е и III-е Бабино, Савикино, Великино, Маттиа, Корвитино и Ицепина, населенные сильно обрусевшим в настоящее время племенем воедь.

Из помещенного ниже плана деревни Логи видно, что одна из самых больших деревень этого района планирована достаточно правильно. Избы по обоим сторонам довольно широкой улицы поставлены таким образом, что ряд их образует почти прямую линию. Поперечные улицы и переулки имеют приблизительно перпендикулярное направление к главной улице. Все огнеопасные строения, как-то: черные бани и риги, находятся в отдалении, на расстоянии 53–60 м от жилья.

Другая большая деревня Глинки планирована подобным же образом с главной длинной и широкой улицей и поперечными небольшими и более узкими переулками. Большинство деревень обследованного района по характеру планировки имеют много общего с вышеуказанными. Во всех деревнях очень приняты зеленые насаждения из березы, рябины, ясеня и фруктовых деревьев, чаще всего яблони, и почти у каждой избы имеется садик из ягодных кустов: красной и черной смородины, малины,

крыжовника. Встречаются деревни, буквально утопающие в зелени, как, напр., Валяницы и Вистино.

Высокие холмы и бугры, особенно частые в б. Сойкинской волости, в значительной мере нарушают правильность планировки деревни, и в таких случаях расположение усадеб зависит от рельефа местности, как, напр., в деревнях Залесье, Горки, Репино. Косогоры и ручьи также препятствуют правильному расположению усадеб и придают деревне такой вид, что на первый взгляд кажется, будто никакого порядка при застройке деревни и не имелось в виду. И только при детальном ознакомлении можно установить, что здесь преследовалась та же общепринятая планировка, только с отступлениями по условиям рельефа местности. Таковы деревни: 2-е Бабино, Пумолицы, Криворучье. Что касается последней деревни, расположенной по берегам очень извилистого, действительно, «Кривого» ручья, то обычного расположения изб по одной главной улице здесь, конечно, нет, но такие хозяйственные строения, как риги, находящиеся на значительном расстоянии от изб уже на ровной местности, поставлены в одну почти прямую линию. Это обстоятельство служит доказательством того, что при застройке деревень у населения имеется стремление к правильной планировке.

Что касается порядка расположения построек на усадебной земле, то обычно он таков: близ улицы ставится изба, одинокая или двойная, с сенями и скотный двор сбоку или позади нее. Перед избой в большинстве случаев небольших размеров ягодный садик, а рядом или позади часто фруктовый сад и крупные древесные насаждения. Излюбленным деревом здесь является рябина, и осенью эти густые пышные деревья так и рдеют своими гроздьями у каждой избы. Зеленые насаждения здесь настолько приняты, что нередко при застройке новой усадьбы для избы еще только привезены бревна, а ягодные кусты и деревья уже посажены. О планировке двора с хлевами, сараями и прочими хозяйственными постройками я подробно буду говорить ниже. Амбары ставятся отдельно, обычно вблизи избы; только в редких сравнительно случаях их помещают во дворе. Если усадебная земля продолжается и по другую сторону улицы, то можно встретить расположение амбара против избы по линии улицы. В этом случае он всегда на виду у хозяев. За амбаром несколько поодаль ставится сарай для сена, если такового нет в самом дворе, или если находящийся во дворе недостаточно велик по потребностям хозяйства. Далее идут огороды, картофельные поля, капустные,

а иногда и ржаные и других злаков. За огородом или посреди его ставится баня, а несколько далее рига. Между двумя соседними усадьбами имеется обычно изгородь из тонких жердей, расположенных горизонтально и укрепленных в коротких стойках, воткнутых попарно. Изгороди у садов и палисадов более прочные и густые. Состоят они также из парных вертикальных стоек, между которыми укреплено несколько рядов горизонтальных жердей; эти жерди переплетаются прутьями в виде густой плетенки.

Колодцы ставятся обычно у дороги, реже на самой усадьбе, так как представляют собой большей частью учреждения общественные; количество их зависит от размеров деревни.

Малоземелье ижор, живущих по берегам Финского залива, невольно направило их на рыболовство, и рыбные промыслы являются главным источником существования и даже некоторого материального благополучия. Весь улов салаки и корюшки (другие породы рыб здесь мало встречаются) сбывается в Ленинград; улов и сбыт происходят преимущественно в зимнее время, когда устанавливается хороший санный путь. Соседи ижор водь, живущие вдали от моря, в отношении возможных заработков обставлены значительно хуже и сами говорят про ижор, что те рыбной ловлей богаты. Население б. Котельской волости, помимо занятий земледелием, которое здесь развито значительно шире, чем у ижор, прирабатывает разного рода промыслами: занимаются извозом, печными работами, приготовлением извести и т.д. Здесь некоторые деревни, как, например, Ильково, Райково, Семейское, населены сплошь печниками, работающими и на свою волость и на ижор.

Отсутствие железнодорожного сообщения и, следовательно, некоторая оторванность края, населенного ижорами, от центра — Ленинграда допускала вероятность встретить здесь культуру, до некоторой степени самобытную. Наши предположения оправдались. Прежде всего обращало на себя внимание то обстоятельство, что местное население плохо владеет русским языком, несмотря на то, что издавна носит русские фамилии, имена и отчества, и большая часть населения православного вероисповедания. Мужчины, которым приходится ездить с салакой и корюшкой в Ленинград, по-русски говорят, а ижорские женщины знают русский язык слабо, старики же и старухи в большинстве случаев совсем не понимают русской речи. В деревне Курголово б. Наровской волости, населенной финским племенем савакот лютеранского вероисповедания, русский язык еще в меньшем обиходе. В этой местности

сохранилось и больше самобытности в костюме. Здесь до настоящего времени женщины среднего и пожилого возраста во время будничных работ одевают особые головные уборы-сапаны, в виде удлиненной прямоугольной формы платка, одним концом надеваемого на лоб при помощи шнурков, завязываемых на затылке, а другим концом спускающимся по затылку на плечи. Этот свободный конец вышит прекрасным густым узором геометрического рисунка несколькими тонами. Опясывающая лоб часть платка тоже вышита узором, но более простым и узким; под этот платок надевают на голову поперечный валик, чтобы придать сапану вид головного убора. Праздничные женские наряды чрезвычайно яркие и красочны. Сочетания пунцово-красных, голубых, ярко-зеленых красок, пестрых лент создают необычайно пышную гамму тонов.

То же отсутствие железнодорожного сообщения, а вследствие этого оторванность края, населенного ижорами и савакот, от культурного центра Ленинграда, несмотря на относительную близость к нему (всего 130–140 км), способствовало тому, что здесь до настоящего времени сохранился свой собственный архитектурный облик, не испорченный пригородной и дачной архитектурой. То, что край полон еще старых традиций, на это указывает большое количество курных изб, являющихся не только памятниками былого прошлого, но представляющих жилье настоящего времени. В то время, как в отдаленном от нас Заонежьи, части б. Олонецкой губ., можно только с большим трудом отыскать жилую курную избу, здесь у ижор, в б. Сойкинской волости, почти в каждой деревне встречаются такие избы. Среди черных изб попадаются иногда прекрасно сохранившиеся, которые, несмотря на свой 60- или 80-летний возраст, имеют вид недавно построенных, благодаря тому, что владельцы содержат их в порядке. Свеже крашенный желтой масляной краской пол курной избы и черный, пречерный, лоснящийся от копоти потолок — сочетание, необычное для глаза, — мне пришлось встретить в одной из больших деревень б. Сойкинской волости, в деревне Ручьи.

Несомненно, что не одна только склонность к старым традициям способствовала сохранению в крае до сего времени жилых черных изб. Тут были и другие причины. К этим последним можно отнести значительную бедность населения, вследствие малоземелья, скудных заработков в тех семьях, где некому заниматься рыболовством. Этим только и можно объяснить такие явления, как установка новой глинобитной печи по-черному всего около

двух лет тому назад в одной из изб деревни Логи б. Сойкинской волости. В этой самой большой деревне всего района, по свидетельству местных жителей, 33 года тому назад было всего две избы по-белому, остальные все были черные.

С художественной точки зрения печи по-черному представляют значительный интерес. Невольно сравниваешь их с новыми печами, сложенными по-белому; и в большинстве случаев по красоте деталей, в виде деревянного подпечья с резными концами, прорезных досок его, массивного печного столба, красиво изогнутой деревянной лежанки, коника с весьма умеренной, но изящной резьбой, черные печи производят более выгодное впечатление.

Если черные печи выходят в настоящее время из употребления, то все же уверенность в том, что рациональное использование тепла может дать лишь печь по-черному, настолько крепка в народе, что новые бани исключительно строятся с каменкой по-черному. К бане по-белому прибегают лишь в том случае, когда ставят баню вблизи жилья и, следовательно, для соблюдения требований пожарной безопасности принуждены выводить печи с трубой. А так как конструкция каменки без трубы очень несложна, не требует затраты большого количества материала и, следовательно, устроить ее обходится недорого, то и соображения экономические также играют немаловажную роль в том, что и в настоящее время охотно строят бани по-черному. Если же принять во внимание, что у ижор бани служат не только для мытья, но и для просушки рыболовных сетей, то использование тепла каменки нельзя не признать рациональным. Несмотря на примитивность конструкции каменки, ставят ее обычно специалисты печники, и чем опытнее специалист, тем более вкладывает он мастерства даже в такое простое дело. Применение колосникового железа, укладываемого над топливником, необходимо не только для удержания груды камней, но и для получения, по словам местных мастеров, более мягкого пара. И это железо укладывают в несколько большем количестве, нежели нужно лишь для удерживания груды камней.

Печи в ригах до сего времени также ставят по-черному, и мне самому пришлось в 1926 г. присутствовать при кладке новой печи по-черному, взамен пришедшей в негодность старой. Опасность пожара в ригах содействовала некоторому усовершенствованию типа печей путем уменьшения размеров отверстий в каменке и увеличения размеров самого колпака. Этими мерами, по мнению местных мастеров, достигается то, что во время топки пламя

не выбрасывается из отверстий и из самого топливника. Отсюда и эволюция в конструкции и форме печи. И нужно сознаться, что устройство последней вполне отвечает требованиям, поставленной задачей высушивания зерна.

Как я уже сказал, значительное большинство черных изб приходится на долю б. Сойкинской волости. В деревне Липово б. Наровской волости черные печи переделаны в белые, а в деревне Курголово той же волости влияние более новой архитектуры настолько сильно, что черных изб совершенно не сохранилось. Во всей Котельской волости в настоящее время трудно встретить черную избу хорошей сохранности, представляющую сколько-нибудь художественный интерес. Они или обращены в кладовые, причем печи разобраны, а если и существуют, как жилье, то имеют весьма жалкий вид.

Если печи с трубой не столь интересны своим внешним видом, то в конструктивном отношении, в отношении использования объема и поверхности для получения тепла, они заслуживают всяческого внимания и изучения. В среде специалистов города часто делают нападки на русскую печь, указывая на несоответствие ее размеров и затрачиваемого топлива с количеством получаемого тепла. Проф. В. Д. Мачинский, отмечая недостатки русской печи, считает, что она, расходуя много топлива, мало греет избу, потому что не имеет оборотов, что жар слишком быстро пролетает в трубу, не успев нагреть печь. Этого совершенно нельзя сказать про печи, существующие и вновь возводимые в б. Сойкинской, Наровской и Котельской волостях, так как русская печь проделала здесь большую эволюцию и не похожа на ту старую печь, о которой говорят нападающие. Устройство ее вовсе не так примитивно, как об этом думают и пишут. При мне возводились новые печи хорошими специалистами из деревень Котельской волости. Современная печь имеет от четырех до пяти оборотов. Продукты горения, подымаясь в колпак, расположенный над шестком, идут горизонтальным коротким ходом, опускаются по вертикальному ходу до низа печи, направляются далее по горизонтальному каналу вдоль длинной стороны печи, делая в конце поворот под прямым углом, направляются горизонтальным ходом вдоль задней стенки печи и, наконец, уходят в дымовую трубу, достаточно охлажденные на своем длинном пути. Принимая во внимание большие размеры печи, а следовательно длинный путь, проделываемый продуктами горения, нельзя не согласиться с отступлениями, делаемыми местными

печниками от тех правил пожарной безопасности, которые мы соблюдаем в городах. Местные печники допускают расстояние коренной трубы от стены в один вершок, причем толщина стенок трубы всего в полкирпича. Разделки у труб на уровне потолка здесь также не считают нужным устраивать по причине значительно охлажденного дыма. Помимо описанного выше хода, проделываемого продуктами горения, имеется другой ход, используемый в летнее время. Этот последний также над шестком подымается до верха печи и затем горизонтальным ходом, расположенным под верхней плоскостью печи, несколькими поворотами достигает дымовой трубы. При таком расположении каналов согревается лишь верхняя часть печи. Этим же ходом пользуются при сырых дровах, создавая более сильную тягу. Количество дровец вполне обеспечивает прочистку дымоходов в случае их засорения. Таким образом, те трудности по усовершенствованию русской печи, о которых говорит проф. В. Д. Мачинский, здесь решены вполне хорошо. Все печи более позднего времени имеют в шестке чугунную плиту с отдельной самостоятельной топкой под ней, а зачастую и духовой шкаф. Продукты горения из топки плиты попадают в дымовую трубу совершенно независимо от дымоходов русской печи. Нововведения в виде кухонной плиты при печи и горизонтальные дымоходы для летней топки заимствованы, по-видимому, из Эстонии и Финляндии. С финнами ижоры имеют непосредственное соприкосновение, благодаря рыбным промыслам, заставляющим их выезжать за Сейскарские острова, принадлежащие Финляндии.

Фундамент печи устраивается достаточно прочным, и конструкция его такова, что вполне обеспечивает устойчивость печи. В случае сырого грунта, под основу фундамента укладываются два сплошных, взаимно перекрещивающихся, ряда $3\frac{1}{2}$ –4 вершковых (15–18 см) бревен; поверх их делается кладка из валунов, сначала мелких, а выше более крупных, с засыпкой промежутков землею. При устройстве пода принята во внимание одна из важных функций русской печи — выпекание хлеба. Под подовый кирпич насыпают песку толщиной в 6–8 вершк. (26–36 см) с примесью гравия; это делается для того, чтобы хлеб не пригорал с нижней стороны. Топливнику печи в настоящее время придают следующие размеры. Ширина — «ширник» — 1 аршин 4 вершка (90 см) с увеличением к концу печи до 1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершк. (1 м); длина — «длинник» — 1 арш. 5 вершк. (94 см); высота до свода у устья печи 10 вершк. (44 см), у конца топливника 12 вершк. (53 см). Ширина устья печи 9 вершк. (40 см), высота $7\frac{1}{2}$ вершк. (33 см).

Встречаются печи, устроенные по финскому образцу, т. е., с колаком в виде усеченной пирамиды, придающей печи очень живописный вид. Котельские печники хорошо знакомы с таким типом печей. Целый ряд, а иногда и два ряда впадин, называемых печурками, идет по боковой стене печки в верхней ее половине. Печурки служат для просушки рукавиц, варюшек и другой одежды.

Выдвижная выюшка, помещаемая обыкновенно перед входом последнего дымохода в дымовую трубу, делается размером $5 \times 7\frac{1}{2}$ вершк. (22 × 33 см). На печь обычного размера идет до 1.500 шт. кирпича. Стоимость работ по кладке такой печи от 25 до 30 руб. в зависимости и от размеров ее, и от конструкции, причем стоимость возрастает при постановке дымовой трубы позади самой печи, так как при таком расположении усложняется ход дымовых каналов.

Основным недостатком нашего крестьянского строительства на севере является отсутствие фундамента под зданием. Например, все огромные двухэтажные избы Олонецкого края и все хозяйственные сооружения в большинстве случаев ставятся прямо на почву, с подкладкой лишь под углы и пересечения стен камней-валунов большого размера. Благодаря этому нет ни одного здания, которое по истечении нескольких десятков лет не подверглось бы деформации вследствие осадки. Здесь же на побережьи Финского залива и во всей Котельской волости под каждым зданием — жилым или хозяйственным — имеется хорошо устроенный каменный фундамент. Глубоко заложенная подошва его устраняет возможность промерзания, а солидные размеры фундамента обеспечивают устойчивость здания. Для устройства фундамента применяются в большинстве случаев валуны, более крупные у подошвы и более мелкие в верхней части. Кладка ведется или на-сухо с засыпкой землею, или на известковом растворе. В сыром грунте под подошву фундамента укладываются тонкие бревна в два ряда крест на крест. В б. Котельской волости, богатой известняками, для возведения фундамента применяется преимущественно известковая плита. Поверх фундамента кладется высокий цоколь до одного аршина и более из крупных, грубо обтесанных, гранитных камней или же из валунов на известковом растворе. Не всегда кладка фундамента предшествует возведению здания; иногда последний подводят, когда здание закончено вчерне. В таких случаях оно устанавливается временно на больших валунах до замены их настоящим фундаментом и цоколем.

Обилие камня и относительная дороговизна леса в этом районе направили местное население на использование камня, как

строительного материала, для возведения, главным образом, скотных дворов. В б. Сойкинской и Наровской волостях очень много дворов выстроено из крупных валунов на известковом растворе. Величина камней и солидные размеры стен производят внушительное впечатление. Сочетания камней различных оттенков с светло-желтым, почти белым, известковым раствором, в который вкраплены в качестве декоративного материала мелкие куски гранита темного и черного цвета, оконные и дверные отверстия и ворота, обрамленные красным кирпичем, создают чрезвычайно живописный вид, дополняемый нависающей, покрытой зеленым мохом, соломенной крышей.

Развитию в этом крае каменного строительства, несомненно, содействовало соседство с Эстонией, где постройки из камня весьма распространены. После русско-германской войны возведение каменных дворов почти совсем прекратилось по причине дороговизны рабочих рук и извести.

Толщина стен этих дворов обыкновенно не превышает 1 арш. (71 см); такая толщина недостаточна в нашем климате, стены зимой промерзают и, по словам местных жителей, скот в таких хлевах хворает больше, чем в деревянных. Благодаря этому главному недостатку каменных стен, строительство жилых изб из валунов особого распространения не получило. В Котельской волости, наряду с вышеописанными каменными дворами, распространены постройки из местной известковой плиты, сложенной на местной же извести. Возводятся не только дворы, риги, амбары, но и жилые дома, причем оконные и дверные отверстия часто обрамляются кирпичными наличниками. Толщина стен в 1 арш. (71 см) или немного больше все-таки недостаточна, и хозяева таких домов жалуются на промерзание стен. И только здания, где применена внутренняя кирпичная облицовка с прослойкой воздуха (называемая здесь «футровкой»), сложенная в один или в полкирпича, этим недостатком не обладают.

Здания риги в б. Котельской волости возводят или целиком из плиты, или только одно помещение риги, где поставлена печь, или, наконец, только нижнюю часть риги, а верхнюю часть и само помещение гумна строят из дерева. Столбы, поддерживающие прогоны под стропилами, возводят из известковой плиты. К числу недостатков в крестьянском строительстве нужно отнести конструкцию пола жилых изб. Настлают пол всего из 2–2½ дюймовых (5–7,5 см) досок, уложенных по балкам-лагам без черного пола и смазки.

Поэтому он не может быть теплым. Хотя местное население и уверяет, что фундамент под всеми наружными стенами и цоколь не пропускают холода. Подполье, приспособляемое здесь, главным образом, для хранения картофеля, устраивается в виде ямы под частью избы, глубиной до 2 арш. (1,42 м), по ширине равной расстоянию между двумя лагами, а по длине в $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$ длины избы; яма эта располагается ближе к русской печи, так что съемная крышка лаза в подполье, сколоченная из 2½ дюйм. (7,5 см) досок, находится в расстоянии 2–2½ арш. (1,42–1,78 м) от самой печи.

Конструкция потолка вполне удовлетворительна, а изолирующий слой, состоящий из моха или сухих листьев, защищает избу от охлаждения. Обычного размера изба 3 x 3 саж. (6,39 x 6,39 м) перекрывается двумя балками-матицами, а у стен параллельно матицам прибиваются толстые доски, служащие опорой концам потолочных досок.

Преобладающая форма крыши — четырехскатная с небольшими треугольными фронтонами вверху с торцовых сторон. Эти фронтоны или оставляются совершенно открытыми, или заделываются оконным переплетом с наличником, или забиваются досками. Такая форма крыши удобна и потому, что дает возможность осветить чердачное помещение, и потому, что упрощает конструкцию соединения стропильных ног, так как допускает уменьшение числа врубок. При такой конструкции к двум угловым стропильным ногам прибивается вверху ригель из толстой доски, служащий опорой концам двух-трех промежуточных стропильных ног. Эти преимущества такой четырехскатной крыши сделали ее весьма распространенной. Ее можно встретить в Эстонии и в Латвии, а также и на Украине, хотя украинская форма крыши имеет существенные отличия, а именно: плоскость треугольника над ригелем наклонна, не имеет оконного отверстия, и кровля над ними не свешивается.

Другая форма крыши на жилых и хозяйственных постройках — двускатная с фронтоном из бревен. Старые амбары особенно часто перекрыты таким образом. В избах с двускатной крышей во фронте оставляется оконное отверстие или дверь, ведущая из чердачного помещения на балкон, огражденный резными досками в виде балясин.

Что касается материала для покрытия крыш, то здесь применяется, главным образом, солома и щепя (лучина), причем в Сойкинской волости, где ощущается недостаток соломы, более

распространена кровля из щепы, а в б. Котельской волости наоборот преобладает соломенная крыша. Применяется щепа или лучина следующих размеров: длина 38–40 см, ширина 5–8 см и толщина 1½–2 мм. Она готовится обычно местными мастерами в ручную, и большей частью этим делом занимаются старики. В течение дня такой мастер вырабатывает обычно от 3.000 до 4.000 шт., получая 50 коп. с тысячи. Кроется такая кровля по опалубке из досок горбылей (оболонок) в ¾ дюйма толщиной, с оставлением небольших промежутков в ½–¾ вершк. — (2–3,5 см) между ними. Для этой работы обычно нанимаются специалисты кровельщики. Не вдаваясь в подробности описания устройства такой кровли, так как способы покрытия щепой или лучиной изложены в курсах частей зданий и достаточно детально описаны многими исследователями этнографами, укажу только, что местными специалистами она устраивается настолько хорошо и прочно, что нередко, при разборке обветшалого и пришедшего в негодность строения, снимают хорошо сохранившуюся крышу вместе с опалубкой, чтоб использовать ее для вновь возводимого здания. Срок службы лучинной крыши местными жителями определяется в 60 лет. Особенно прочно и красиво кроются углы кровли, да и вся она производит впечатление построенной на долгое время и хорошо гармонирует с бревенчатыми стенами здания. Стоимость квадратной сажени (4,54 кв. м) такой кровли вместе с материалом составляет 4 руб. 14 коп.²

2 Привожу примерный подсчет количества материалов, рабочих рук и стоимости кровли из щепы для здания, размером 4 саж. × 6 саж. (8,52 м × 12,78 м), с приблизительной площадью крыши в 40 кв. саж. (182 кв. м):

Щепы шт. 35.00	на сумму	1 р. 50 к. X 35 = 52 р. 50 к.
Гвоздей 2 дм. (5 см) для прибивки щепы 2 п. (32 кг)	— " —	16 р. —
Гвоздей 3 дм. (8 см) для прибивки обрешетин к стропилам ½ п. (8 кг)	— " —	4р. —
Досок для обрешетин (оболонок) шт. 80	— " —	30 к. X 80 = 24 р. —
Кровельщикам 40/1,5=26,7 (кровельщик в течение дня кроет 1,5 кв. саж. (6,8 кв. м), получая 2 р. в день)	— " —	(2 р. X 40)/1,5° = 53 р. —
Стоимость пищевого довольствия кровельщиков за время работ.	— " —	(60 к. X 40) / 1,5° = 16 р. —
	— " —	Итого 165 р. 50 к.
Стоимость кв. саж. (4,54 кв. м) 165 р. 50 к. / 40 = 4 р. 14 к.		

В б. Сойкинской волости, как я уже заметил, вследствие недостатка соломы, крестьяне предпочитают для кровли щепу и прибегают к соломенной крыше лишь тогда, когда удастся либо собрать достаточное количество соломы, либо выгодно прикупить ее; сама же работа по устройству соломенной крыши обходится дешевле, да зачастую хозяева сами кроют соломой, обходясь без специалистов. Распространенный здесь способ покрытия соломой «под лопату» достаточно известен и описан во многих курсах архитектурных построек. Своеобразную деталь соломенной кровли в этой местности представляет перекрещивающийся на коньке ряд парных тонких бревен или толстых жердей, прижимающих верхнюю часть кровли к стропилам, чтобы ее не снесло ветром. Торчащие концы каждой пары жердей, перекрещивающихся над коньком, обработаны большей частью в виде птичьих голов, и у ижор носят название «харакки», что в переводе значит сороки. Иногда встречается и другая форма обработки этих концов. В б. Котельской волости эти жерди называются притисками. В местах перекреста таких сорок просверливаются в жердях сквозные отверстия и вставляется тонкий деревянный стержень в виде чеки. Ряд парных птичьих голов, торчащих над коньками, четко вырисовывающихся на фоне неба, особенно вечером, когда эти парные, высоко вздымающиеся на тонких шеях, головы птиц словно вычеканены, производит чарующее впечатление.

Способы рубки бревенчатых стен и углов зданий довольно однообразны. Углы рубятся «с остатком», «в обло», или «в присек», называемый здесь «в крюк». Лет 20–25 назад применялся и другой способ, известный в курсах архитектурных конструкций под названием шведской рубки или в шестиугольник. Этим способом срублены углы всех старых амбаров б. Сойкинской и Наровской волостей, а в Котельской волости и в настоящее время углы вновь возводимых амбаров рубят по такому же способу. Рубка углов «в лапу», как более сложная и дорогая, применяется здесь реже.

Тяжелые экономические условия настоящего времени отразились и на самой технике постройки деревянных зданий. Весьма часто ограничиваются рубкой углов в обло или в лапу на высоту всего 6–7 венцов и ставят поверх них угловой вертикальный столб, тесанный на четыре канта, к которому с двух сторон прибивают бруски, называемые здесь шпонками. Последние входят в пазы, оставляемые в торцах бревен. Такой удешевленный способ соединения углов допускался раньше лишь при постройке дворов,

а также при соединении избы с двором помощью коротких тонких бревен, вставленных в пазы стоек.

Стены скотных дворов часто строят из более тонких бревен, чем избы, и для защиты от холода и ветра снаружи прикрывают пучками хвороста, вертикально поставленными и тесно прилегающими друг к другу. Вид этой защиты в сочетании с соломенной или лучинной крышей и бревенчатыми стенами чрезвычайно живописен.

В постройках новейшего времени замечается также стремление к изменению конструкции и формы карниза. Кровля на курицах с потоками отходит в прошлое. Появляются карнизы подшивные по выпущенным концам балок или шпал.

Изготовление самих стропил и сборка всех стропильных ферм происходит обычно внизу, на земле, после чего их разбирают, втаскивают на верх возводимого здания, вновь собирают и сколачивают. Распор стропильных ног погашается затяжками из толстых досок, прибитых к стропилам на высоте около 2 аршин (1,42 м) от конька, а при больших пролетах и двумя затяжками: одной близ конька, другой на высоте 2–2½ арш. (1,42–1,78 м) от пола чердака. Если мы обратимся к устройству стропил на ригах, окруженных большими навесами, то тут мы встретимся с конструкциями, значительно более сложными, чем на избах. Здесь чувствуется прекрасное знание дерева, как строительного материала, и умение обращаться с ним. Благодаря этому конструкция отличается удивительной осмысленностью, целесообразностью, без малейшего нагромождения лишних частей. Стоит только взглянуть под огромные навесы риг, чтобы убедиться в справедливости только что сказанного.

Концы стропильных ног покоятся на прогонах из одного или двух, положенных друг на друга, бревен. Громадные столбы, представляющие большей частью толстейшие стволы деревьев, не обтесанные, а только очищенные от коры и сохранившие свою естественную форму, подпирают прогоны. Толщина таких столбов доходит до 1 арш. (71 см) и более в диаметре; в верхнем торце их устраивается седлообразное углубление, в которое и вкладывается прогон. При большом расстоянии между столбами ставятся еще подкосы.

Задача перекрытия дворов, часто весьма больших по площади, решена также смело и оригинально, как и в ригах. Продольный прогон, поддерживающий свес крыши, примыкающий к избе, подпирается всего двумя столбами. На этот прогон

и противоположную наружную стену укладываются потолочные балки, являющиеся затяжками для стропильных ног. Эта простая конструкция оказывается вполне достаточной для поддержания громадной высокой крыши.

Переходя к рассмотрению крестьянских построек этого района в отношении композиции планов, можно отметить довольно значительное разнообразие приемов и в каждом приеме несколько вариантов. Можно решительно утверждать, что планировка крестьянского здания не является чем то неподвижным, что здесь происходит эволюция, хотя и медленная. Здесь, как и во всем народном творчестве, основной чертой является уверенность в своей правоте, и в этой то уверенности и лежит причина медленности эволюции. Вторая причина стойкости применяемого плана заключается в закреплённости его с условиями быта.

Для того, чтобы отметить недостатки в плане крестьянского дома и предложить устранить их с уверенностью, что эти изменения будут приняты, необходимо, чтобы они не шли в разрез с бытом и жизненным укладом крестьянина. Поэтому все поправки, предложенные городскими специалистами, незнакомыми с крестьянским бытом, для улучшения плана едва ли могут рассчитывать на проведение в жизнь. Пропаганда, которая велась в довоенное время земствами, а в настоящее время Губернскими Земельными Отделами огнестойкого строительства, новых способов покрытия крыши, изменения конструкции русской печи и т.д., не имела и не имеет сколько-нибудь значительного успеха по выше указанным причинам. Все, критикующие крестьянское строительство, стараются найти в нем одни только недостатки и совершенно упускают из вида те огромные достоинства, которыми оно обладает. Я вполне уверен, что, если отказаться от взгляда, что способы строительства у крестьян примитивны, что крестьяне не обладают достаточными техническими знаниями, — а начать серьезно изучать технику крестьянского строительства, то обнаружатся большие достоинства и высокий технический уровень крестьянской стройки.

Проф. В. Д. Мачинский, предлагая изменения в планировке избы, утверждает, что для удобства размещения и для санитарного улучшения жилья должна быть выделена прежде всего кухня, как самое грязное помещение, откуда по всему жилью распространяется парный и угарный воздух. Стремление отделить место приготовления пищи от остальной части избы встречается в избах

нашего севера, где иногда устраивают «стряпушную», ставя переборку не до самого потолка. Деление всего помещения избы на переднюю, комнату и кухню мне самому пришлось видеть в Олонецком крае, в Заонежьи, причем переборки с украшенным резным верхом не доходили до потолка. Но нельзя признать, что такое дробление большого пространства избы на мелкие помещения дает удобства. Создается ненужная теснота отдельных помещений и отсутствие уюта, между тем, как просторное помещение избы и красивая своими формами и деталями русская печь находятся во взаимной гармонии. Хорошо сложенная печь с колпаком над шестком не дает чада или угара, а потому нет необходимости прятать ее в каморку, называемую кухней.

В постройках более позднего времени, так называемых пятистенках, применена такая распланировка избы, при которой имеется еще одна или две комнаты сравнительно небольших размеров. Но даже при таком расположении самой избы с русской печью придается главное значение, и вся домашняя жизнь протекает в этом помещении. В деревне Кургалово б. Наровской волости мне пришлось побывать в одной избе хуторского хозяйства крестьянина финна, построенной в 1923 г. пятистенком с двумя небольшими в одно окно комнатами и большой избой с печью финского образца, чрезвычайно красивой по своим формам. Внутренний вид этой избы изображен мною акварельным рисунком. Печь, изящная мебель, исполненная самим хозяином, удобно вделанные в стену шкафчики — придают особый уют и красоту всему помещению. Необыкновенная чистота в самой избе, блестящий крашеный пол с разостланными домотканными дорожками, потолок, подшитый вагонкой, подчеркивают весь блеск помещения и внушают к себе невольное почтение. Несмотря на то, что скотный двор помещается непосредственно за сенями, это соседство жилых помещений со скотным двором нисколько не мешает соблюдению в избе необыкновенной чистоты. Тут, конечно, играет роль привычка к опрятности, при отсутствии которой самая идеальная распланировка помещения не даст никаких благоприятных результатов.

При изучении планов крестьянских построек можно установить все время происходившие в них изменения в сторону совершенствования их. В настоящее время наблюдаются постройки очень старого типа, доживающие свой век, недостатки которых вполне признаны самим населением, и постройки более позднего времени, в которых многие прежние дефекты уже устранены.

К наиболее древним приемам планировки относится такая, при которой имеется открытый посредине двор. Последний ограничен с одной стороны избой с сенями, с другой крытыми с навесом воротами, а с третьей и четвертой стороны хлевами, сараем, амбаром и прочими хозяйственными строениями. Этот тип постройки уже лет 30–35 как перестал применяться. Недостатки его, указываемые самим населением, состоят в том, что открытый двор, являясь летним помещением для скота, а следовательно и хранилищем навоза, подвергается слишком большому действию атмосферных осадков, причем дождевая вода стекает в него со всех окружающих крыш; навоз при этом получает слишком много влаги и теряет отчасти свои удобрительные свойства. Затем открытый двор неудобен еще и тем, что через него приходится проходить во все хозяйственные помещения, и в дождливое время трудно сохранить чистоту пола в избе.

Другой тип планировки зданий имеет сходство с первым по расположению помещений, но отличается перекрытием всего двора. Таким образом, жилая часть постройки перекрыта одной двускатной или четырехскатной крышей, а хозяйственный двор со всеми пристройками к нему второй, причем коньки обеих крыш параллельны. Скаты их встречаются над краем площадки, соединяющей жилую часть с двором там, где начинаются ступеньки для спуска во двор. Под узкую щель между двумя крышами подвешивается длинный деревянный желоб, по которому дождевая вода со скатов крыш стекает в поставленную вне здания или внутри у самой стены большую бочку. Собранную дождевую воду употребляют для скота. Этот тип постройки считается удобным, почему и до настоящего времени применяется в новом строительстве. Но не вся вода, стекающая с крыш, может быть собрана подвешенным желобом, и часть ее попадает во двор и способствует образованию сырости и грязи.

В стремлении устранить этот недостаток и, кроме того, сделать двор более теплым, население пришло в настоящее время к третьему, более совершенному, типу плана, так называемому «под одну связь». Он состоит в том, что жилая часть, сени и двор со всеми хлевами и прочими хозяйственными сооружениями располагаются по одной продольной оси и перекрываются общей двускатной крышей, причем для освещения двора имеется одно или два окна в стене. Самый двор перекрыт потолком из наката, и под крышей таким образом получается большое помещение

для сена. Этот тип постройки только недавно стал применяться в б. Сойкинской и Наровской волостях и пока еще широкого распространения не получил, но население считает его наиболее совершенным. На севере Карелии, в Архангельской и Вологодской губ. постройки под одну связь издавна и широко применяются. Но там над двором и хлевами возводится второй этаж, служащий для хранения сена, соломы и всего сельскохозяйственного инвентаря, и снаружи во второй этаж ведет солидный пологий помост из наката, по которому лошадь, запряженная в телегу или сани, свободно подымается в помещение. Некоторое видоизменение постройки «под одну связь», заимствованное, по мнению местного населения, из Эстонии, отличается тем, что двор стоит перпендикулярно к дому, упираясь в торец избы частью здания.

Кроме вышеуказанных типов, существует еще способ застройки с открытым двором, при котором изба, хлевы и прочие хозяйственные строения стоят отдельно друг от друга и обведены двором, обнесенным оградой, в которой имеются ворота и калитка. Такой прием планировки можно считать почти индивидуальным решением, пример которого мне пришлось видеть в деревне Логи б. Сойкинской волости. Существенный недостаток его заключается в том, что во все хозяйственные помещения приходится ходить открытым двором, а это в суровом климате представляет большие неудобства. Поэтому описанный способ застройки распространения не получил.

Заглянем теперь внутрь, во дворы, чтобы ознакомиться с теми конструктивными приемами, какими население пользуется при решении задачи перекрытия больших пространств. А надо заметить, что двор обыкновенно занимает площадь в 2–2½ раза больше площади жилого помещения, т. е., около 50–65 кв. саж. (227–272,4 кв. м). При параллельном расположении избы и двора обычно устанавливаются два столба солидного диаметра для поддержания прогона, идущего в направлении конька крыши. Этот продольный прогон состоит из одного или двух, положенных друг на друга, бревен и служит опорой для края крыши двора. Здесь расположен жолоб для отвода и собирания дождевой воды. На этот прогон и противоположную стену опираются балки, поддерживающие потолок двора, устроенный из толстых жердей. В зависимости от величины двора поперечные балки устраиваются из одного или двух, положенных друг на друга, бревен.

При открытом дворе, расположенном посередине постройки, конструкция перекрытия значительно упрощается, так как все скаты крыш, обращенные во двор, имеют опору или в виде столбов, или в виде стен.

При постройке «под одну связь» конструкция перекрытия, главным образом, представляет интерес в той части, под которой помещается двор. Так как над последним устраивается сеновал, то при большом поперечном размере двора под потолочные балки устанавливаются один или два столба.

Конструкция перекрытия риг вызывает исключительный интерес, потому что здесь, помимо перекрытия гумна и риги, необходимо иметь крытые навесы очень больших размеров, расположенные с двух или трех сторон самой риги. Встречаются навесы настолько большие, что для поддержания их устанавливают столбы в два ряда. Такое сооружение пришлось мне зарисовать и измерить в деревне Репино б. Сойкинской волости.

Так как рига может быть построена на расстоянии не менее 25 саж. (53,25 м) от жилья, то обычно их ставят группами на «задах», где уже жилых построек не возводят. Эти сооружения, стоящие иной раз целыми вереницами, — огромные, с необтесанными, корявыми столбами, поддерживающими кровлю, с одним или двумя отверстиями в стенах для выпуска дыма и для освещения, с широкими воротами в помещение гумна, с огромными нависающими крышами из соломы или лучины, производят на зрителя исключительное впечатление. Толстые столбы, подпирающие кровлю (до 1 арш. [0,71 м] в диаметре, а иной раз и толще), стоят так, как они были привезены из лесу, — с торчащими суками и только очищенные от коры. И кажется иной раз, что в таком сооружении обязательно обретается какая-нибудь седая «нечистая» сила. Внутри рига производит такое же впечатление, как и ее внешний вид. Полутьма в ней принуждает долго озираться, пока глаз не приспособится, и тогда можно рассмотреть любопытной формы печь, похожую больше на саркофаг, чем на печь, небольшое квадратной формы отверстие в стене под потолком, служащее для выхода дыма, черный закоптелый потолок из крутляков, лоснящихся от черноты, словно покрытых смолой. Земляной пол риги, смазанный глиной, углублен на 6–8 вершк. (27,36 см) против пола гумна. На уровне $2\frac{1}{4}$ – $2\frac{1}{3}$ арш. (1,60–1,78 м) от пола риги в две противоположные стены врублены два бревна, на которые кладутся жерди, называемые здесь «парзилами». Эти последние служат настилом для помещения снопов при просушивании их.

Гумно имеет также земляной пол, промазанный глиной, причем перед молотбой его ежегодно промазывают заново. Потолок гумна состоит из наката по балкам, или его вовсе нет, и видны стропильные фермы с затяжками. Таковы рубленные из бревен риги б. Сойкинской и Наровской волости. В Котельской волости встречаются такие, как только что описанные, и сложенные из известковой плиты, или смешанного типа, где рига сложена из плиты, а гумно рублено из бревен. В некоторых деревнях б. Котельской волости можно наблюдать большие риги, обычно принадлежащие двум владельцам, где посредине строения помещается гумно, а по обоим сторонам его две риги, каждая со своей печью. Удобство такой двойной риги заключается в том, что она вполне заменяет две отдельные риги, так как молотба требует гораздо меньше времени, чем просушка снопов, и одно гумно вполне достаточно, чтоб успеть промолотить снопы двух риг. Такую двойную ригу я зарисовал и обмерил в дер. Бабино б. Котельской волости.

Что касается амбаров, то, как я уже отметил, наиболее старые амбары перекрыты двускатной крышей, причем фронтоны устроены из бревен. Пол в них досчатый, внутри рубленные из бревен или пластин закрома для зерна, по стенам установлены полки, укреплены крючки и пр. Высота пола над уровнем земли от $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ арш. (0,53–1,07 м). К передней стене, где помещается дверь в амбар, на столбах примыкает навес. При четырехскатной крыше, последняя имеет значительный свес у передней стены; он служит навесом и поддерживается двумя столбами. Нижние концы столбов упираются в выпущенные бревна продольных стен. Во многих деревнях б. Котельской волости можно встретить амбары, сложенные из известковой плиты или даже из крупных валунов.

Здания сараев настолько просты, что едва ли представляется необходимым говорить о внешнем виде и конструкции их.

Переходя к описанию бань, надо отметить, что громадное большинство бань по-черному. В деревне Логи только две бани устроены по-белому. Приблизительные размеры сруба 3 x 2 саж. (6,39 x 4,26 м) или даже несколько меньше. Баня состоит из предбанника и самой бани с каменкой и котлом в ней для горячей воды. Иногда вместо котла возле каменки ставится деревянная бочка на некотором возвышении от пола. В эту бочку вделан сбоку открытый конец железной трубы, причем другой конец трубы — глухой — вмазан в каменку. Этой трубой нагревается вода в бочке и может быть доведена до кипения.

В том случае, когда в каменку вделан котел, размеры ее примерно следующие: длина 33 вершк. (1,47 м), ширина 32 вершк. (1,42 м). Топливник шириною в 9 вершк. (0,40 м) при длине в 23 вершк. (1,03 м). Котел ставится несколько сбоку и под ним топливник уширен. Чугунный котел около 14 вершк. (0,62 м) диаметром, в высоту имеет около 7 вершк. (0,31 м).

Топка перекрывается двумя рядами кирпичей и колосниковым железом, поверх которого наваливается мелкий бульжник. Пол бани и предбанника досчатый на балках. Близ каменки у стены устроен полоч, на котором парятся, а вдоль остальных стен — лавки. Дверь из бани открывается в предбанник, приблизительные размеры ее 32 x 20 вершк. (1,42 x 0,89 м). Высота банного помещения 2 арш. 8 вершк. (1,78 м) или несколько более. В предбаннике обычно потолка не устраивается; сбоку от входа ставится лавка для раздевания, а в противоположной стене крючки для одежды. Вот и вся скромная обстановка бани. Внешний вид находится в полной гармонии с внутренним. Бревенчатый сруб с двумя небольшими оконцами, служащими для освещения, одно предбанника, а другое — бани, наружная дверь, углы, рубленные в лапу или с остатком, соломенная или лучинная крыша на четыре ската с деревянной трубой — вот и весь внешний облик черной бани. Так же, как и риги, бани ставятся поодаль от жилья, в целях пожарной безопасности. Если деревня расположена близ озера или реки, то бани ставятся обычно целыми вереницами вдоль самого берега.

Колодцы устраиваются или в виде «журавля» простейшей формы, или над срубом укрепляется горизонтальный большого диаметра деревянный вал, на который наворачивается веревка с ведром. Сам сруб колодца сделан из пластин, причем он перекрыт на два ската, в одном из которых имеется квадратное или прямоугольное отверстие для пропуска веревки с ведром. В деревне Криворучье мне пришлось встретить колодец, в котором вместо подземного сруба устроен каменный кессон, сложенный из крупного размера валунов. По свидетельству населения, такие колодцы в этом крае встречаются и в других деревнях.

Архитектурный наряд зданий этого края представляет значительный интерес. Фасады изб щеголяют, главным образом, оконными наличниками с резной верхней и нижней частью и со ставнями, украшенными несложным рисунком. В Котельской волости значительное количество таких наличников, расписанных масляными красками. В этой росписи преобладает орнамент из

цветов и других частей растений. Краски, наиболее часто встречаемые, следующие: красная, голубовато-синяя, изумрудно-зеленая, желтая, белая, розовая, ярко-синяя и темно-зеленая. В каждом расписанном наличнике со ставнями можно насчитать от 3-х до 6-ти тонов. В б. Сойкинской и Наровской волостях такие расписанные наличники попадаются значительно реже. Характер РОСПИСИ одинаковый, как и в б. Котельской волости. Мотивы, получившие здесь самое широкое распространение, — это розы, окруженные листьями и бутонами, в горшках или в виде букета, шестиконечные розетки в круте, раскрашенные в два тона, круги и полукруги с орнаментом в виде лучей солнца, с применением двух-трех тонов раскраски, причем последняя находится в связи с резьбой.

Верхняя и нижняя часть наличника почти всегда резные и по резьбе раскрашены. В качестве резных элементов надо отметить: сквозную прорезь в виде кругов с оставленными горизонтальными полосками в диаметре, или последние торчат в виде коротких кончиков с обеих сторон круга; в виде полукругов по высоте в два ряда, соприкасающихся вершинами; в виде пересекающихся кругов; в виде чечевиц, и всевозможные варианты их.

Мотивы углубленной резьбы несколько более разнообразны, чем прорезной. Самая верхняя горизонтальная-часть наличника обрабатывается или в виде зигзагообразной ленты, причем сверху и снизу каждого зигзага имеется трехгранное углубление, или в виде ряда круглых цилиндрических углублений, проданных коловоротом, или в виде чередующихся прямоугольников или квадратов и двугранных плоскостей, или просто в виде доски с треугольными зубцами. Особенно часто встречается орнамент из двойного ряда кругов, соединенных углубленными полосками, причем эти полоски соединяют каждую пару кружков (верхний и нижний) наискось, и на одной половине доски наклонены в одну сторону, а на второй в другую, так что в центре образуют угол несколько более прямого, открытый кверху. В этом углу обычно помещается один кружок, не соединенный полосками. Фестоны, в виде соприкасающихся полукругов с углубленными кружками в центре, тоже очень частый мотив. Один или два ряда углубленных следов, сделанных закругленным долотом, встречаются на значительном количестве наличников.

На фризе под карнизом наличника чаще всего можно видеть орнамент из полусолнц с лучами из сходящихся под углом граней. Вокруг лучей ряд углубленных кружков, проданных

коловоротом. Вообще, надо отметить, что в орнаментировке коловорот играет большую роль, и можно встретить наличники, весь узор которых состоит из определенно расположенных групп и рядов углубленных или прорезанных коловоротом кружков. Затем во фризовой части наличника можно видеть удивительно красивый орнамент, напоминающий расправленный круглыми отверстиями, распределенными по высоте в несколько рядов.

Небольшие оконца, смотрящие из сеней, украшены не менее интересными наличниками. Один из них имеет высокий верх с резным орнаментом из трехгранных лучей с чередующейся окраской их в красный и зеленый тона; карниз из широкой доски обработан узором, состоящим из углубленных кругов, расположенных в два ряда и соединенных углубленными же полосками. Под ними тянутся два ряда углублений, сделанных долотом, причем все они покрашены в красный цвет.

Особенно любопытно по орнаменту второе оконце. Здесь во фризе только намечены углубленными дорожками полуокружность и части ее с такими же углубленными радиусами и рядом луночек вокруг средней части. Карниз из широкой доски с выкружками у краев украшен резьбой в семь рядов, состоящих из треугольных зубцов, рельефных квадратиков с углубленными кружками в них, из кружков и продолговатых углублений. Широкие боковые доски наличника имеют в средней части украшение, состоящее из ряда тесно соприкасающихся продольных углублений; а над этим рядом и под ним треугольник из шести все укорачивающихся рядов маленьких треугольных впадин. На нижней доске тянутся два ряда углубленных кружков, а все пространство, между ними заполнено вертикальными бороздками. Боковые стойки и нижняя часть окрашены в мягкий зеленый тон, на котором красиво выделяются белые поперечные полосы с красными кружками.

Густой синий тон в сочетании с желтым, белым и розовыми очень часто встречается на наличниках изб б. Котельской волости; а круглые отверстия, проданные коловоротом, сквозные, или углубленные, или слегка только намеченные, составляют важный элемент резного орнамента. Однажды мне пришлось видеть орнамент в виде роз, из тех же слегка намеченных коловоротом кружков. Этот наличник, зарисованный мною, находится на избе в деревне Валяницы. Изящный вид имеет и прорезной-рисунок фриза из пересекающихся полукругов, центры которых

находятся на двух горизонтальных линиях, верхней и нижней, причем под прорезной орнамент подбивают доску, окрашенную в другой тон. На более старых избах можно отметить и более изящные и богато орнаментированные наличники.

Возраст последних обычно определяется от 50 до 100 лет. На некоторых избах, сравнительно не таких старых, можно встретить старинные наличники, перенесенные с другой избы, разобранной вследствие ее ветхости. Так, в деревне Евсеева Гора Сойкинской волости на избе, построенной лет семьдесят тому назад, красуются наличники, перевезенные из дер. Березняки с другой избы, обветшавшей в то время и потому разобранной. Этот наличник по общей композиции напоминает описанный мною выше на избе в деревне Бабино, только роспись его несколько в другой гамме тонов, а именно: в синих, желтых, белых и розовых.

К сожалению, надо отметить, что искусство резного и живописного орнамента, так украшавшего избы, главным образом, окна, фронтоны и балконы, в настоящее время пришло в упадок. Основная причина вырождения тех орнаментальных форм, которые еще можно было встретить в самом конце прошлого столетия и которые сейчас совершенно оставлены, это дороговизна их выполнения. К этому присоединяются еще ссылки на «старомодность» и желание шегольнуть новизной. Деревянная архитектура настоящего времени, вследствие условий экономического характера, настолько упрощена по своим декоративным формам, что зачастую они в ней совершенно отсутствуют или же, что гораздо хуже, заменены дешевыми уродливыми формами, идущими из дачной и пригородной архитектуры. Эти украшения в виде резьбы машинного изготовления обходятся дешевле, нежели исполненные ручным способом, и охотно применяются населением. Особенно много таких новых декоративных элементов мне пришлось видеть в деревне Вассакара б. Котельской волости. Здесь население занимается убоим скота и торговлей мясом. Это дает хороший заработок, а потому строительство новых домов развивается в довольно широких размерах. Эти новые дома более похожи на пригородные дачи, нежели на крестьянские избы. В них все говорит о влиянии дачной архитектуры с ее неумеренной резьбой, вычурными украшениями и прочими лишними деталями. Наряду с этими «хоромами» в новом вкусе, в Вассакара сохранилось несколько более или менее старых изб, построенных ревнителями старых традиций в архитектуре. Некоторые из

них по своим пропорциям, по скромности и изяществу резных украшений, балюстрад, причелин, по мягкой ласкающей росписи наличников, производят впечатление чего-то совершенно законченного, гармоничного, и невольно напрашивается сравнение подлинной крестьянской избы с греческим храмом. Думаю, что не будет преувеличением сказать, что чувство пропорции и ритма у крестьян в деревянной архитектуре не менее развито, чем оно было у греков в их храмах из камня. Быть может, аналогия, проводимая мною между простой избой крестьянина и высоким искусством греков, многим покажется парадоксальной, но чем больше я всматриваюсь в произведения крестьянского искусства, тем более нахожу в нем общие черты с классическим искусством.

Как я уже заметил во вступлении, народное зодчество нашего севера давно признано чрезвычайно ценным в художественном отношении и служит предметом изучения и исследований многих специалистов, но что все внимание до сих пор было обращено, главным образом, на церковную деревянную архитектуру, и она то и воспевалась в литературе. Если мы обратимся к солидному труду И. Грабаря «История Русского Искусства», то найдем всего несколько страниц в конце первого тома, посвященных гражданскому народному зодчеству. При этом автор отмечает, что избы любопытны только в местах, значительно отдаленных от Москвы и Ленинграда, только там, «где городские вкусы не успели еще проложить себе дорогу». Конечно, «городские вкусы», а особенно вкусы пригорода очень вредно влияют на народное искусство; но ведь крестьянская среда никогда не была вполне замкнутой в себе, и созданное ею искусство является функцией того художественного развития, в каком пребывает более культурный сосед, а именно город. Несомненно, многие формы народного искусства созданы самим крестьянством, но еще больше заимствовано у более культурной среды и только переработано под свой вкус, или этому заимствованному дана своя народная трактовка.

Во всех трех волостях, обследованных мною, темы архитектурных форм и декоративных элементов наличников окон не очень обильны, но их огромная ценность в том, что они чрезвычайно разнообразны по художественной трактовке, и каждый из наличников является как бы звеном, связующим творчество народа.

Несмотря на сильное влияние городских форм на деревню, все же опасения за существование народного зодчества, на мой взгляд, являются несколько преувеличенными, так как прежде всего оно

покоится на здоровых началах деревенского быта. И все те дурные архитектурные формы, которые попадают в деревню из города, в конце концов, вероятно, будут переработаны и облагорожены фантазией народа. Пока деревянная архитектура в городах стояла на высоте своего развития, отличаясь богатством и разнообразием форм, что можно, главным образом, отметить в архитектуре до-петровского времени, деревня, имея перед собой высоко-художественные образцы, заимствовала их, перерабатывая по своему вкусу. Эти заимствованные мотивы, благодаря малой подвижности деревенских вкусов, удерживаются здесь значительно дольше, чем в городах, и бытуют и развиваются, несмотря на то, что в городах мода на них давно прошла. Примером сказанного могут служить наличники в стиле барокко на избах Олонецкого края. Этот стиль продержался в деревне значительно более ста лет, в бесчисленных вариантах достиг своего высокого развития и начал исчезать сравнительно недавно, и то больше под давлением экономических условий. Неразрывная связь старой деревянной Руси с крестьянской архитектурой деревни особенно ясна на черных избах. В них чувствуется необыкновенная законченность композиции, и каждая деталь говорит о тех временах, когда деревянному зодчеству России было отведено почетное место.

В современном крестьянском строительстве, когда не удовлетворяют уже маленькие оконца, пропускающие слишком мало света, делают окна значительно больших размеров, но дать удовлетворительную архитектурную обработку этому отверстию еще не удалось. Это обстоятельство служит подтверждением того, что народное искусство не всегда творило формы, а часто и заимствовало. А позаимствовать пока не откуда, так как и в городах, при современном упадке деревянного строительства, задача обрамления больших оконных отверстий не может считаться решенной.

Подъем в деревянной архитектуре города, несомненно, приведет к сдвигу и в крестьянском зодчестве. А для возрождения в городах художественных форм деревянной архитектуры необходимо внимательное и любовное изучение, с художественной и технической сторон, образцов крестьянского деревянного зодчества; необходимо, чтобы материалы, собранные изучающими это искусство, возможно шире и лучше опубликовывались в печатных изданиях с достаточным количеством хорошо исполненных и не менее хорошо напечатанных иллюстраций. С сожалением приходится отметить отсутствие в специальных архитектурных учебных заведениях

преподавания крестьянской архитектуры, как искусства и техники. Изучение таковой содействовало бы установлению большей связи между искусством и техникой деревни и города, благодаря чему не было бы места такому взаимному непониманию и недоверию, какое приходится отметить в настоящее время.

Когда в среде просвещенных специалистов-строителей города и в научных архитектурных обществах Ленинграда обсуждается вопрос о технике крестьянского зодчества, то обычно указывают на недостатки ее вследствие незнания в деревне строительного искусства. Предлагают нечто в роде интервенции культурных технических сил в строительные дела деревни для установления, с точки зрения городского строителя, порядка в этих делах. Между тем крестьянская техника заслуживает, чтоб на нее обратили должное внимание и найти в ней не только одни недостатки, но и усмотреть большие достоинства. Следует, наконец, заняться всесторонним глубоким изучением крестьянского зодчества и с технической стороны, отметить все особенности его и только тогда, учитывая все достоинства и недостатки, предлагать те или другие изменения, которые могли бы быть рациональны и жизнеспособны в деревне. Поэтому прежде всего надо отказаться от взгляда на строительную технику деревни, как на нечто примитивное, выросшее в среде самоучек, как на нечто косное, освященное более старыми традициями и преданиями, нежели основанное на знании.

Едва ли кто будет отрицать, что техника деревянных построек крестьянину знакома лучше, чем городскому специалисту, которому строить из дерева приходится значительно реже. И несмотря на то, что каждый крестьянин владеет топором и, следовательно, может считать себя плотником, все же для постройки избы или других зданий в этом крае обычно приглашают специалиста-плотника, для покрытия крыши лучиной (щепой) или даже соломой нанимают специалиста-кровельщика, изучивших эту технику в деревне, а не в городе.

Искусство строить из камней большого размера (валунов), принятое во всех трех волостях и заимствованное, повидимому, из соседней Эстонии, также стояло на должной высоте, и если оно в настоящее время находится в упадке, то причиной тому — тяжелые экономические условия.

Я уже отметил главные особенности крестьянского строительства этого района: сплошной каменный фундамент под стенами зданий и русские печи с правильно устроенными

дымоходами и всеми удобствами, как-то: кухонный очаг с отдельной топкой, духовой шкаф и т.д. В этих местах очень редко приходится встретить избу, покосившуюся или вросшую в землю из-за отсутствия фундамента, а искусство строить печи считается делом настолько серьезным, что находится в руках опытных специалистов-печников. В тех деревнях б. Котельской волости, в которых население занимается главным образом печным делом, мастерство это передается чуть-ли не по наследству. Крестьянин Сойкинской волости, заготовив кирпич для новой печи, будет ждать печника из б. Котельской волости, чтобы тот поставил печь по всем правилам печного искусства.

Думаю, что я привел достаточно примеров, взятых мною с натуры во время моих двухлетних наблюдений и изучений крестьянского зодчества не только как искусства, но и как техники, чтобы утверждать, что народная техника не только не примитивна, не только не застыла в своих формах, но, напротив, она постоянно изменяет и совершенствует способы и приемы строительства, отвечая на все запросы деревенской жизни.

Своими рисунками и статьей я стремился, по мере своих сил и умения, выразить то впечатление, какое производит крестьянское зодчество данного края на наблюдателя, очутившегося лицом к лицу с этой интересной стороной народного искусства.

Подводя итоги всему тому, что мною было сказано об общем виде деревень и о жилых и хозяйственных зданиях, как о существующих типах крестьянской застройки и как о типах конструктивного и художественного оформления деревенского строительства, и сравнивая их с крестьянским зодчеством соседних районов, я считаю возможным сделать некоторые выводы.

Общий вид деревень финских племен этого края, особенно по первому впечатлению, резко отличается от великорусских архитектурным деталям также замечается устойчивость тех форм, которые были применяемы на черных избах. Появились крыльца на столбиках, гладких или резных, с балюстрадой из резных досок, перекрытые двускатной крышей. Но в отношении декоративных форм на них сильно чувствуется влияние городской и пригородной архитектуры.

В зависимости от измененной конструкции перекрытия зданий изменились и архитектурные формы крыши.

Свешивающиеся с края стены «курицы», с лежащими на них брусьями-водоточниками, которые можно наблюдать на всех черных избах и на более старых избах по-белому, с изменением конструкции крыши, становятся ненужными и на более новых избах уже не встречаются.

В избах, выстроенных в самое последнее время и строящихся в настоящий момент, видно стремление украшать не резным, а пиленным орнаментом, и этот пиленный орнамент применяют чрезмерно обильно в противоположность скромной умеренной орнаментировке старых изб. Это новое направление — результат той культуры, которая широкой волной идет из города в деревню. И если смычка города с деревней в деле архитектурных влияний будет идти и дальше в этом направлении, то придется сильно опасаться за то здоровое, что нам особенно ценно в народном искусстве, и быть в большой тревоге за то, сможет ли деревня с ее широким руслом, по которому медленно течет живительная влага подлинного искусства, «самоочиститься» от тех архитектурных даров, которые она в таком обилии получает от ближайших городов и пригородов. Под влиянием этих «даров» и сами творцы высокого народного искусства утрачивают ощущение подлинной красоты. Мне живо припоминаются мои беседы с крестьянами Заонежья, когда я зарисовывал их прекрасные дома-хоромы: «а вот какое красивое ты окошечко нарисовал!» говорили они, взглянув на мою акварель, или: «а мы и не думали, что мы живем в таких красивых избах!», «а я только недавно такую старую избу развороцала», и на мои объяснения, что я только передаю документально точно ими же созданную красоту, и на мой вопрос, зачем они так жестоко разрушают то, что им нравится, и заменяют новым, чуждым им, — был обычно один ответ: «старое уже не модно».

Заканчиваю свою статью призывом сосредоточить все свое внимание, вложить все свое знание и умение, а главное любовное отношение в дело изучения этого высокого, вечного, как классическое искусство, народного бытового творчества. Только такое отношение к делу и только такое изучение даст должные результаты, которые, будучи восприняты, внесут то оздоровляющее начало, которое так необходимо для архитектуры как деревни, так и города.

ОБЪЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ.

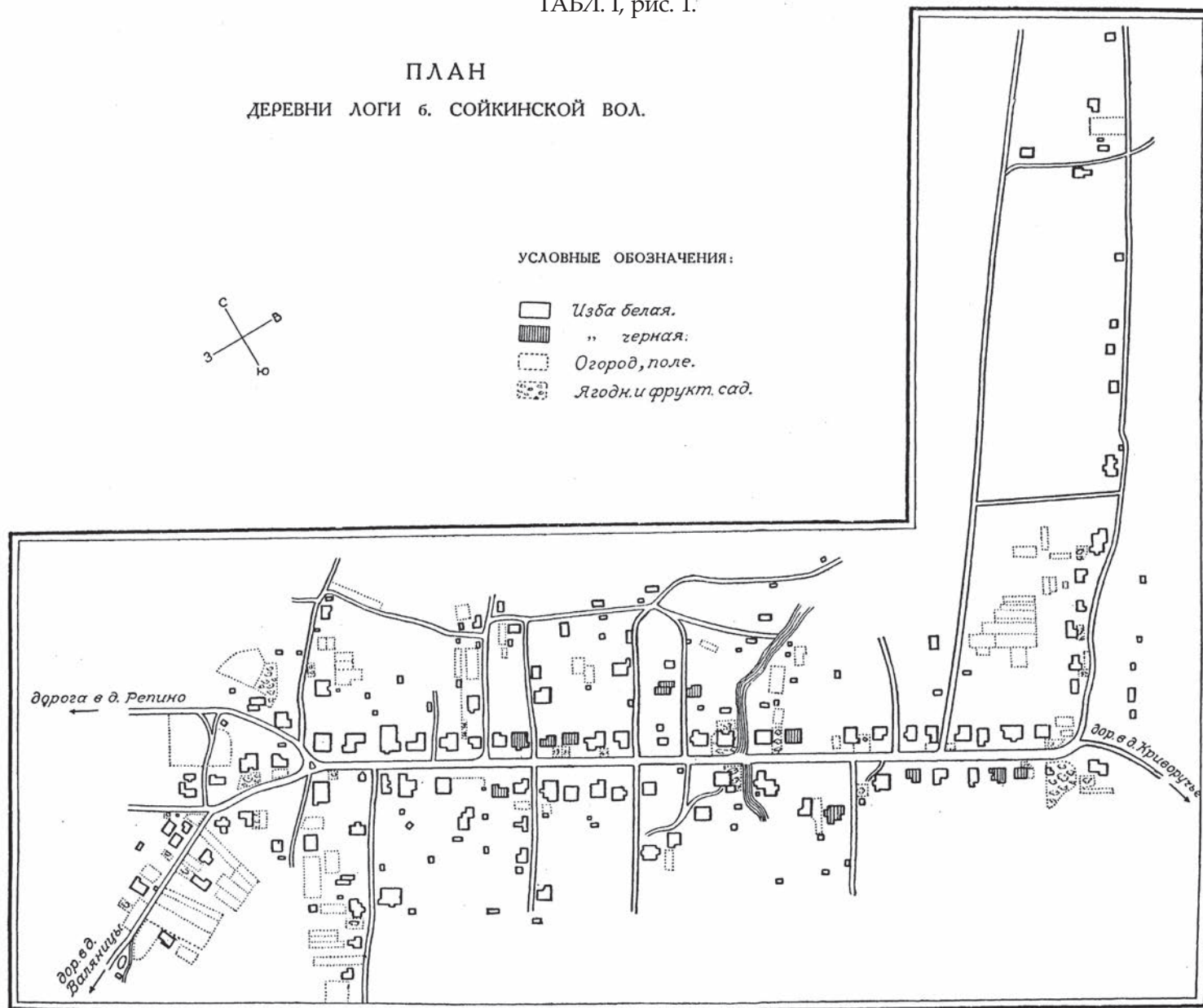
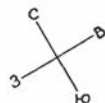
ТАБЛ. I, рис. 1.

ПЛАН

ДЕРЕВНИ ЛОГИ 6. СОЙКИНСКОЙ ВОЛ.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Изба белая.
- „ зерная.
- Огород, поле.
- Ягодн. и фрукт. сад.

Снятый с натуры план в 1/800 натуральной величины представляет вполне ясно картину расположения всех жилых и хозяйственных построек. Это самая большая деревня во всей Сойкинской волости, насчитывающая более 103 дворов. По обе стороны главной улицы тянутся избы в большинстве случаев с ягодными садами, расположенными впереди них. В главную улицу под прямым углом или под углом, близким к прямому, входят переулочки. Позади риг тянется продольная дорога, служащая главным образом для проезда возов. Расстояние между двумя линиями домов на главной улице составляет не менее 23–25 м. Расстояние между избами, расположенными по одну сторону улицы, обычно составляет 12,8 м или несколько больше. Уменьшение 12-метрового разрыва встречается все же нередко. У начала деревни главная улица раздваивается: одна идет низом и переходит в дорогу, ведущую в дер. Горки, а другая подымается в гору и переходит в дорогу к дер. Репино. В конце деревни улица сворачивает влево, и здесь по одну сторону ее расположены избы, а по другую хозяйственные постройки. В месте поворота улицы идет ответвление, переходящее в дорогу, ведущую в дер. Криворучье. Сарай для сена, если они построены в виде отдельных зданий, расположены вдали от изб, но значительно ближе черных бань и риг. Несмотря на то, что в большинстве случаев разрыв между постройками, требуемый законом в видах пожарной безопасности, выполнен, само население считает деревню слишком тесно застроенной.

Из сохранившихся до настоящего времени 12 черных изб семь являются жилыми и содержатся в полном порядке. Остальные обращены в кладовые. В них до сих пор сохранились черные печи. Имеется еще несколько старых черных изб с разобранными печами, они также служат кладовыми, а хозяйева живут в избах по-белому, примыкающих к сеним с другой стороны. Эти черные избы не вошли в счет 12, указанных мною выше. В начале деревни расположена деревянная кузница, крытая четырехскатной лучинной крышей. Белых бань в деревне всего две, и они поставлены вблизи изб. Каждая усадьба со всеми постройками отделена от соседней изгородью из тонких жердей. Отдельно построенные амбары стоят вблизи жилья; в других случаях встречаются амбары внутри двора, в виде отдельных срубов. Вся земля, не занятая постройками, отведена под огороды, луга, нивы и пастбища.

Внешний вид изб. Когда вступаешь в деревенскую улицу, то невольно является вопрос: что, собственно, привлекает глаз в самой деревне? Что заставляет как бы окунуться в прошлое, в историю данного края? Несомненно, внешний облик деревни, ее архитектурная физиономия главным образом и прежде всего уносит мысль в прошлое страны. Избы, с первого взгляда такие схожие между собою, на самом деле, при более внимательном рассмотрении, до такой степени различны и по общему, и по деталям, что в каждой из них читаешь целую историю развития народного творчества.

Вот глядит на вас маленькими оконцами, украшенными простыми, но очень красивыми наличниками, низенькая черная избушка крестьянина Яковлева (дер. Логи), напоминающая вам о тех временах, когда была твердая уверенность, что только печью без трубы можно хорошо нагреть свое жилище.

Немного поодаль — целый архитектурный уголок, образуемый улицей и переулком, с двумя небольшими избушками, также рассказывающими о далекой седой старине.

Попробуем пройти в другую деревню и там встретим тоже. Перед нами крайне любопытная и по внешнему общему виду, и по прекрасным деталям, черная изба, теперь уже нежилая, на главной улице дер. Глинки. На торцах бревен видны следы топора. Ясно, что ставилась она тогда, когда о существовании пилы здесь и понятия не имели. Если спросить местного жителя, скольких лет эта изба, то получаешь гордый ответ, что ей уже за 200 лет. Конечно, 200 лет ей нет, а за 100–125 лет можно ручаться. А в дер. Липово стоит небольшая, очень низкая избушка, теперь обращенная в кладовую, в которой окна настолько малы, что, несомненно, в молодости избы эти окна были волоковыми.

Наряду с избами, уносящими наши мысли в далекое прошлое, мы видим постройки более позднего времени. Вот перед нами каменная изба, с каменным двором, в дер. Большой Конец. Это уже отпечаток нового взгляда, попытка использовать для жилых и других построек материал, который находится тут же под руками, едва прикрытый землей — известковая плита. А немного поодаль в той же деревне стоят, точно выросшие из земли, могучие столбы ворот из толстых-претолстых бревен.

На широкой просторной улице дер. Пиллово много кирпичных изб, крытых соломой, а на некоторых и железные

ТАБЛ. II, рис. 1.

крыши. В архитектуре этих изб чувствуется уже совсем что-то городское. И в карнизе, и наличниках, и поясах ясен отзвук провинциального города. Но и здесь в этой деревне с новыми влияниями много такого, что имеет прочную связь с прошлым. В середине деревни стоит изба, выстроенная из очень крупного леса; окна украшены наличниками с резьбой, очень распространенной в данной области, но они также напоминают резьбу на наличниках старых изб Новгородского края. На другой Избе во всю ширину фронтона тянется балкон, чрезвычайно изящный по своему рисунку. И по свидетельству стариков, в прежнее время такими балконами было украшено большинство изб.

Заглянем еще в одну деревню на берегу Бабинского озера, в дер. Бабино, состоящую из трех деревень. В Бабине 1 на косогоре у самой дороги стоит изба, срубленная из такой огромной толщины бревен, что невольно представляешь строителей ее в виде циклопов, ворочающих такими громадами. И на фоне бревен-гигантов самого изысканного рисунка оконные наличники со ставнями. Достаточно одного этого контраста, чтобы приковать взор исследователя.

В Бабине 2 на боковой улице наталкиваемся на подлинный уголок старой деревни. Целое гнездо старинных изб, и две из них исключительной художественной ценности. Их так и приходится рассматривать по совокупности. Если же обратить внимание на их детали, в виде расписных наличников, резных балконов, полотенец, причелин — то все это еще более подчеркивает старые художественные традиции, которыми так недавно жила наша избяная Русь.

А в Бабине 3 по середине деревни стоит небольшая изба, с виду напоминающая украинскую мазанку, а на самом деле изба сложена из дров и оштукатурена снаружи и снутри. Это уже дань экономике — неудачная попытка удешевить жилища применением доступного материала.

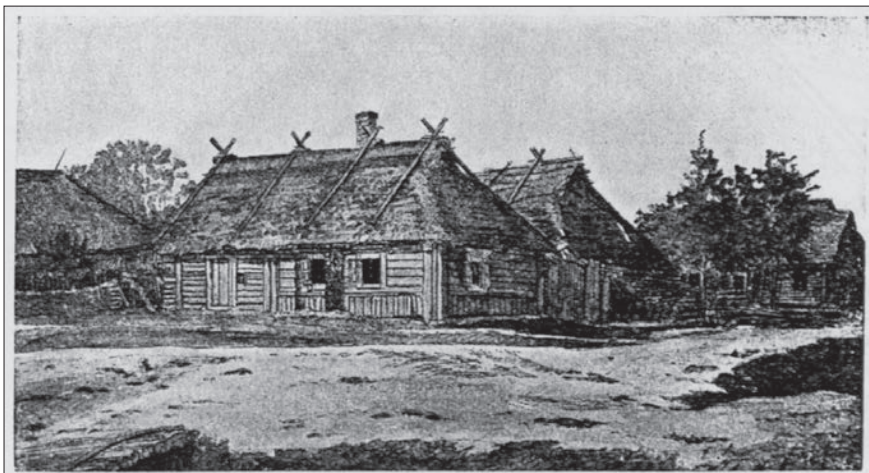
Все только что изложенное, мне кажется, достаточно наглядно подтверждается иллюстративным материалом в рисунках и акварелях внешнего вида изб, сделанных мною с натуры (см. табл. II-VII).

Черная изба крестьянина Яковлева в дер. Логи б. Сойкинской волости (акварель).

Одна из сохранившихся до настоящего времени изб, в которой до сих пор живет хозяин со своей семьей. Построена около 60–65 лет тому назад. Справа к избе примыкают хозяйственные постройки: хлев и сарай, перед которыми расположен открытый дворик. Изба и двор покрыты соломой.

ТАБЛ. II, рис. 2.

Главная улица дер. Логи б. Сойкинской волости с избой крестьянина Макара Григорьева и отходящий от улицы переулоч с избой крестьянина Сергея Семенова (акварель).

Небольшую, скромного вида избушку Макара Григорьева украшают наличники, в которых орнаментировка в общем такая же, как и на окнах и ставнях избы Яковлева. Украшения стен и особенно крылец выющимися растениями (выюнук) довольно распространены в этом крае.

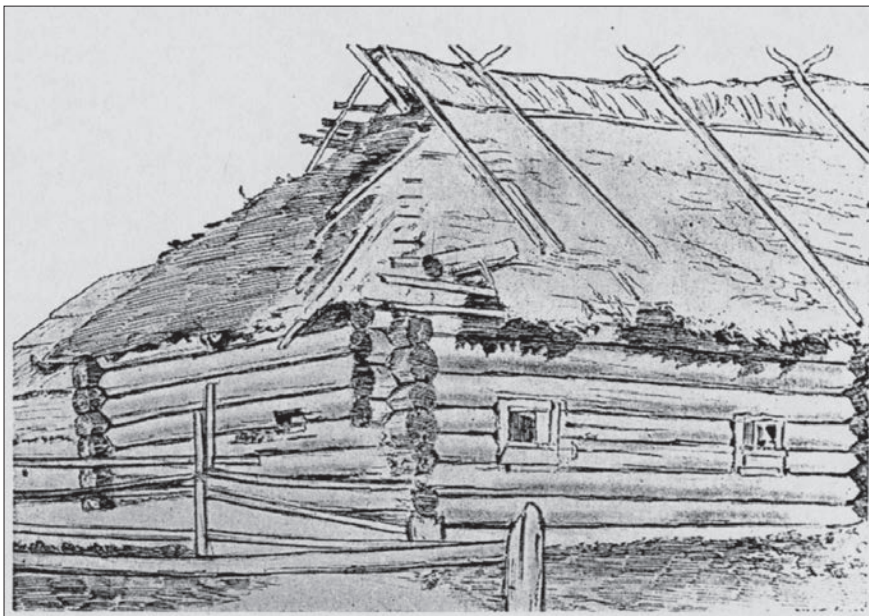
ТАБЛ. III, рис. 1.

Черная изба с двором крестьянина Тараса Алексева в дер. Глинки б. Сойкинской волости (рисунок карандашом).

В настоящее время в ней уже не живут. Выстроена из толстых бревен в 9–10 вершк. (40–45 см) в диаметре, причем на нижние венцы применены косослойные деревья: возраст этой избы, по словам местного населения, значительно больше ста лет. Свешивающиеся концы стропил в виде «куриц» и рубленные топором концы бревен указывают на давность этой постройки. Концы «притисков» обработаны в виде птичьих голов («сороки»). Стены двора защищены от ветра пучками ветвей («кубыщами»). В качестве декоративного элемента являются резные наличники рисунка, обычного для данного края. В расположении хозяйственных построек применен старинный прием открытого двора.

ТАБЛ. III, рис. 2.

Черная изба крестьянина В. В. Сидорова в дер. Липово б. Наровской волости (рисунок пером).

Изба построена 72 года тому назад. Интересна маленьким размером окон, формы низкого прямоугольника, причем на боковой стене всего одно оконце, еще меньших размеров. Изба в настоящее время нежилая и обращена в кладовую. Печь разобрана.

ТАБЛ. IV, рис. 1.

Изба крестьян Алексева и Зайцевой и двор, сложенные из известковой плиты, в дер. Большой Конец б. Котельской волости (акварель).

Состоит из двух жилых половин: левая, рубленая из бревен, с сенями и двором, также из бревен, и каменным хлевом, а правая половина, сложенная из плиты, с сенями и двором, также из плиты. Толщина стен постройки принята в 18 вершк. (0,8 м). Каменная изба построена 40 лет тому назад. Обе избы и дворы крыты соломой. Расположение крыш параллельное с жолобами для стока воды, подвешенными под сходящимися скатами крыш. Оконные рамы обработаны притолоками, в которые вставлены деревянные коробки, толщиной в 0,20 м, с фальцами снаружи и внутри избы. В этих фальцах и навешаны летние и зимние переплеты.

ТАБЛ. IV, рис. 2.

Ворота во двор крестьянина Архипова в дер. Большой Конец б. Котельской волости (рисунок пером).

Внушительного размера столбы, на один из которых навешаны ворота, уже сами по себе производят впечатление, аналогичное тому, какое мы испытываем при виде огромных массивных колонн Карнакского храма. В плане столбы квадратные со снятыми углами, причем сторона квадрата доходит до 15,5 вершк. (69 см). По свидетельству местного населения, из одного дерева было приготовлено 9 столбов больших размеров. Этим воротам в настоящее время насчитывается уже 87 лет, и, несмотря на это, они еще совершенно крепки и не прогнили даже у основания. Последнее имеет круглую форму бревна, так как снятие углов начинается несколько выше земли. Красиво связаны столбы верхней перекладиной из толстой доски, вытесанной со стороны ворот по очень плоской кривой, заканчивающейся простого рисунка тесанными кронштейнами.

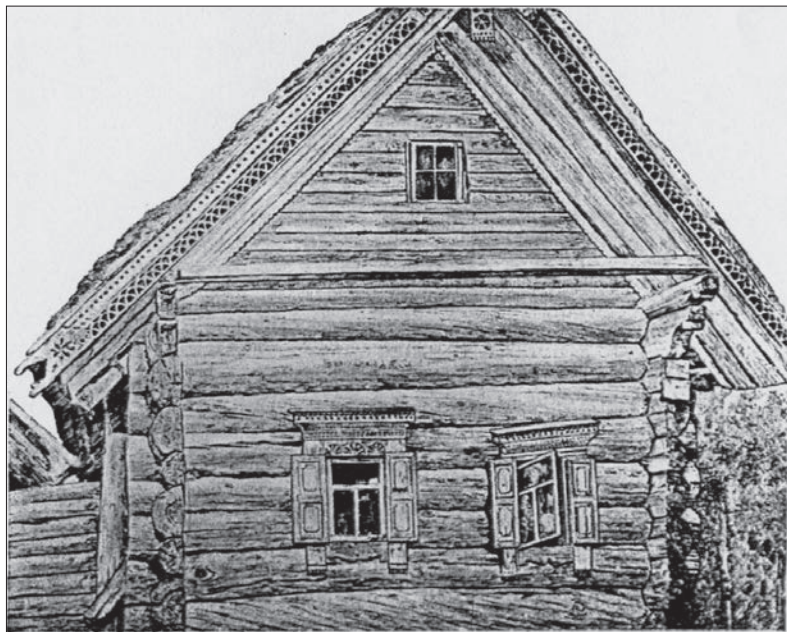
ТАБЛ. V, рис. 1.

Часть избы крестьянина Н. Т. Морозова в дер. Пиллово б. Котельской волости (рисунок карандашом).

Балкон, расположенный на уровне чердачного пола, занимающий всю ширину фронтона, имеет, главным образом, декоративное значение, так как непосредственного выхода на такой балкон и не было, если не считать оконного отверстия посреди фронтона. В старых избах такие балконы устраивались весьма часто; до настоящего времени сохранилось их очень немного. Рисунок решетки геометрического характера выполнен с большим вкусом из брусков и вытесанных из досок треугольников. Пол балкона покоится на концах бревен, выпущенных с обоих краев избы и обработанных в виде кронштейнов красивой формы.

ТАБЛ. V, рис. 2.

*Изба крестьянина Рыбина в дер. Пиллово б. Котельской волости
(рисунок карандашом).*

Останавливает внимание общей гармонией частей и резными причелинами. Последние состоят из двух вырезных досок, причем одна наполовину прикрывает другую. В нижней прорезной орнамент в виде переплетающихся полукрутов, а в верхней, более узкой, ряд просверленных коловоротом отверстий; все вместе дает впечатление кружева строгого и изящного рисунка. Спускающаяся с вершу фронтона вертикальная доска также обработана красивым прорезным узором. От существовавшего раньше балкона сохранился один только брус, покоящийся на кронштейнах, обработанных из выступающих концов верхних двух бревен. По обоим краям фронтона под спуском кровли прибиты доски, нижний край которых вырезан в виде полукруглых фестонов. Вся изба срублена, ради экономии в лесе, из пластин (полубревен) большого размера. Красивы формы и резные детали наличников окон.

ТАБЛ. VI, рис. 1.

*Изба крестьянина Филиппа Васильева в дер. Бабино I
(акварель).*

Срублена из очень толстых пластин (полубревен), причем диаметр бревна достигал 12–13 вершк. (53–58 см). На всю избу пошло 6–7 бревен. Обращает на себя внимание наличниками с резной и прорезной орнаментацией. От балкона во фронте сохранился один брус, лежащий на массивных кронштейнах из выпущенных концов бревен двух верхних венцов. Профиль этих кронштейнов находится в полном соответствии с крупными размерами пластин. Цоколь, сложенный из булыжников разной величины и разнообразных оттенков на известковом растворе, дополняет общее впечатление избы.

ТАБЛ. VI, рис. 2.

Изба крестьянина М. П. Брякова в дер. Бабино 2 б. Котельской волости (акварель).

По свидетельству местного населения, самая старая изба в деревне. Интересна своими резными украшениями в виде причелин-вертикальных досок, спускающихся с верха фронтона и с нижних его концов, наличниками, ярко раскрашенными масляными красками, и балконом с баллюстрадой из резных досок.

ТАБЛ. VII, рис. 1.

Изба крестьянина Ф. И. Брякова в дер. Бабино 2 б. Котельской волости (акварель).

Находится на втором углу улицы против предыдущей избы. Построена лет 70–75 тому назад. Останавливает внимание своими строгими формами, нарядными, торжественного вида, наличниками, раскрашенными в несколько тонов, и баллюстрадой балкона во всю ширину фронтона.

ТАБЛ. VII, рис. 2.

Изба крестьянки М. Осиповой в дер. Бабино 2 б. Котельской волости (акварель).

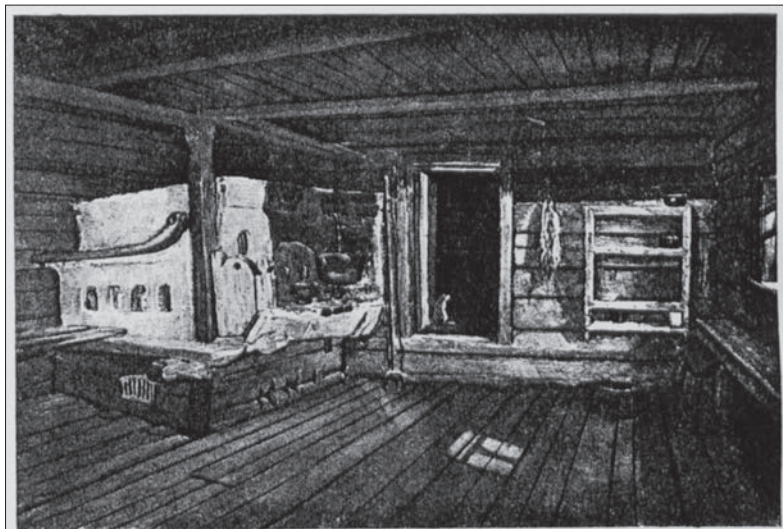
Интересна своим внешним видом, столь отличным от изб б. Котельской и Сойкинской волостей. Ее особенность заключается в том, что она не срублена из бревен, а сложена из крупных поленьев дров на глиняном растворе. Снаружи и изнутри стены ее оштукатурены по дранке и выбелены известью. Благодаря непрочности соединения коротких бревен с глиняным раствором, стены местами выпучиваются, а слои штукатурки начинают частично отставать от стен и обваливаться. Избы, сложенные из дров, можно встретить в б. Котельской вол., но количество их очень незначительно.

Внутренний вид изб. Если обычно справедливо указывают на бедность литературного материала по крестьянскому зодчеству, то еще беднее мы оказываемся в отношении материала, как литературного, а в особенности иллюстративного,

в вопросе о внутреннем виде крестьянской избы. Быть может, это происходит отчасти оттого, что получить хороший фотографический снимок с внутреннего помещения избы, зачастую лишенного достаточного количества дневного света, не всегда удается даже опытному фотографу, а отчасти и оттого, что обычно собрание материала по крестьянской архитектуре происходит с некоторой поспешностью. Между тем, интимная обстановка под кровом избы нуждается в более внимательном отношении. Трудность изображения ее заключается не в том, чтобы правильно зарисовать или сфотографировать ее, а в том, чтобы выразить ту интимность и уют, которые так присущи крестьянским избам. Необходимо для этого изучить обстановку, в которой протекает жизнь в избе; нужно, чтоб живущие в ней перестали обращать на вас внимание и занимались своей повседневной домашней работой. Этого мне удавалось добиться во время моих зарисовок, обычно требовавших значительного количества времени, не меньше нескольких дней каждая, так что обитатели вскоре привыкали ко мне и продолжали свои занятия, не обращая на меня внимания. В моих рисунках и акварелях (табл. VIII, IX, X, и XI) я стремился изобразить эти отличительные черты обстановки избы.

Особенно трогательна по своей интимности черная изба крестьянина Егора Еремеева. В самой печи чувствуется какая-то элегия, настолько в ней все до мельчайших подробностей гармонично. Даже бедная избушка крестьянки М. Тарасовой, доживающая свой век, не лишена уюта, несмотря на свою бедность и ветхость. В избе по-белому крестьянина Борисова уже несколько торжественный вид. Хозяйка сидит за работой, за ткацким станом, привыкнув к моему присутствию за несколько дней моего пребывания здесь. Но особенно торжественный внутренний вид имеет хутор крестьянина Натанена в дер. Кургалово, хотя и здесь в этой торжественности есть своя особая интимность.

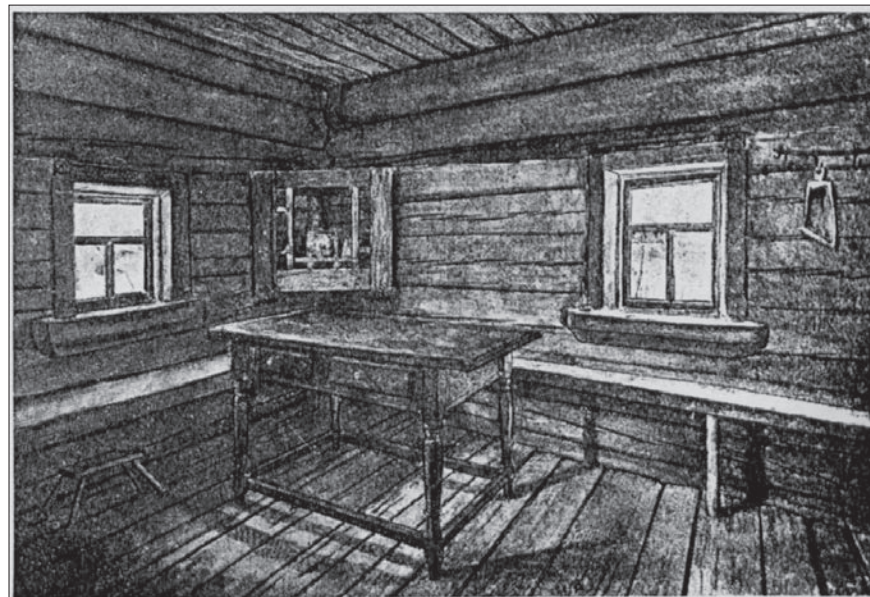
ТАБЛ. VIII, рис. 1.

Черная изба крестьянина И. Еремеева в дер. Логи б. Сойкинской волости (акварель).

Несмотря на то, что возраст этой избы составляет всего лет 70, от нее веет глубокой древностью. Печь на деревянном подпечьи из массивных с резными концами брусьев, с лежанкой, уширенной очень толстой доской, имеющей загиб у изголовья для более удобного лежания, с резными отверстиями в подпечьи, имеет совершенно сказочный вид. Ее нынешний хозяин, почти ни слова не говорящий по-русски, похожий на колдуна, настолько гармонирует с самой избой, что, кажется, будто здесь продолжается та жизнь и тот быт, о котором мы знаем по финскому народному эпосу; и взглянув на такое жилище, мы можем более образно представить себе все подробности жизни и подвиги героев Калевалы. Стены избы срублены из толстых бревен, доходящих до 8–8½ вершк. (36–38 см) в диаметре. Горбыли с внутренней стороны стен стесаны на высоту роста человека; выше бревна сохраняют круглые очертания. Высота потолка несколько больше одной сажени. Весь потолок и стены на высоте 2¼ арш. (2,5 м) от пола, как и во всех черных избах, совершенно черные с блеском. Вешалки для одежды, сделанные из еловых стволов с сучьями, которым придан вид бычьих рогов, дополняют картину.

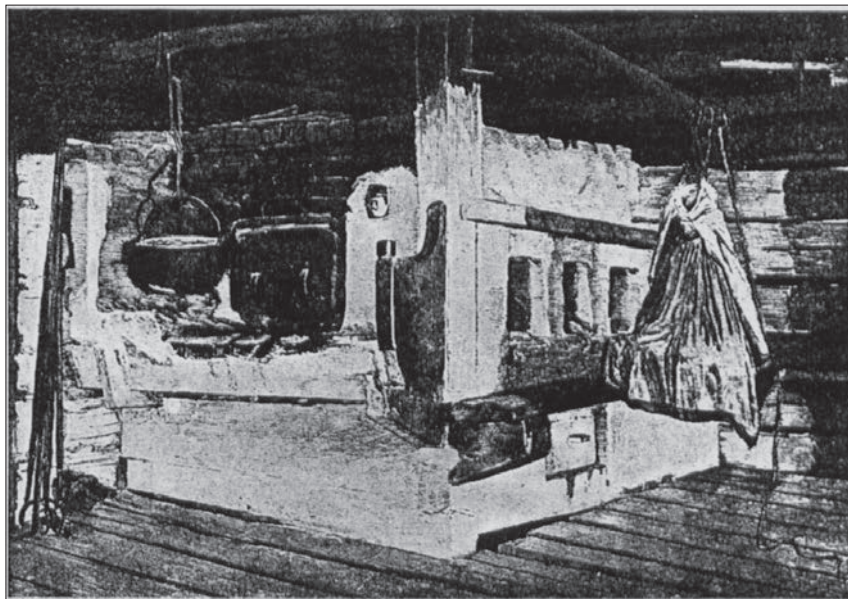
ТАБЛ. VIII, рис. 2.

Изба крестьянина И. Еремеева в дер. Логи б. Сойкинской волости. Красный угол (акварель).

Стол, выкрашенный ярко-красной краской тона киновари, прямо горит рядом с потемневшими от времени стенами и черным потолком. Чрезвычайно интересна по своей форме божница со старыми иконами. Небольшого размера оконные отверстия обрамлены толстыми косяками. На стене висит осколок зеркала, тщательно оправленный деревянной рамкой, действительно, «осколок» современной культуры, занесенный в эту патриархальную обстановку.

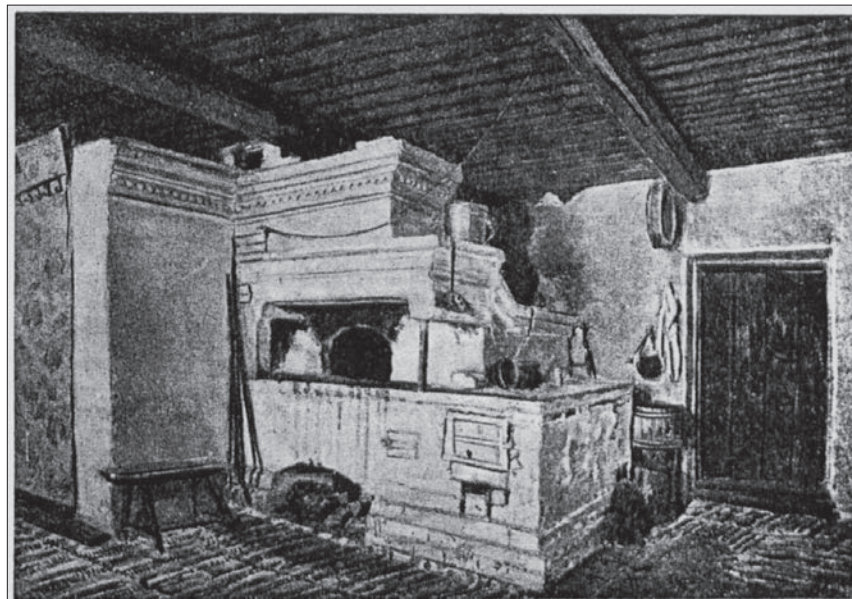
ТАБЛ. IX, рис. 1.

Черная изба крестьянина Егора Еремеева в дер. Логи б. Сойкинской волости (акварель).

Большого размера печь, занимающая чуть ли не четверть площади пола, покоится на деревянном подпечьи, выбеленном известью. Массивный печной столб, вытесанный из толстого бревна, конструктивно и декоративно связан с самой печью и потолочной балкой. Прямоугольной формы высокие печурки в одной из стен печи красиво разделяют всю поверхность на отдельные части. Приступ укреплен на выступах подпечья, обработанных топором в виде крайне простой и вместе с тем красивой формы кронштейнов. На длинном оцепе висит зыбка со спящим ребенком, прикрытая у изголовья светлозеленым сарафаном, ярким пятном выделяющимся на фоне темных стен.

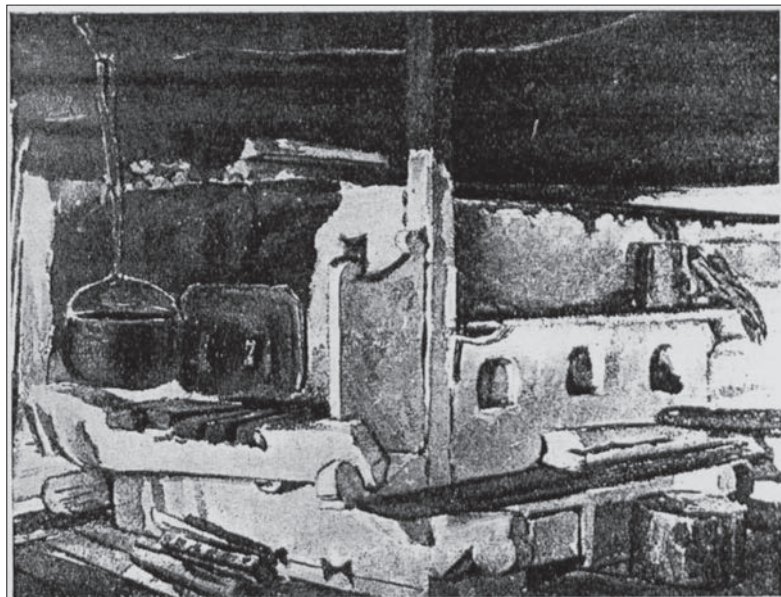
ТАБЛ. IX, рис. 2.

Изба крестьянки Марии Осиповой в дер. Бабино 3 б. Котельской волости (акварель).

Обращает на себя внимание большая печь, к боковой части которой пристроен кухонный очаг с отдельной топкой, по образцу всех новейших печей Кингисеппского уезда. С противоположной стороны к печи примыкает кирпичная стена с расположенными в ней дымоходами, служащая для нагревания следующей комнаты. Самая печь со всеми деталями, в виде карнизов, уступов, лежанки с подъемом для изголовья, имеет очень живописный вид. Как сама печь, так и стены побелены известью. Потолок, покоящийся на двух матицах, состоит из досок рустиком и покрашен масляной краской темно-вишневого цвета. Досчатый пол покрыт домотканными дорожками и половиками. Изба, сложенная из дров, принадлежит малоимущей вдове, и вся обстановка носит характер материального недостатка.

ТАБЛ. X, рис. 1.

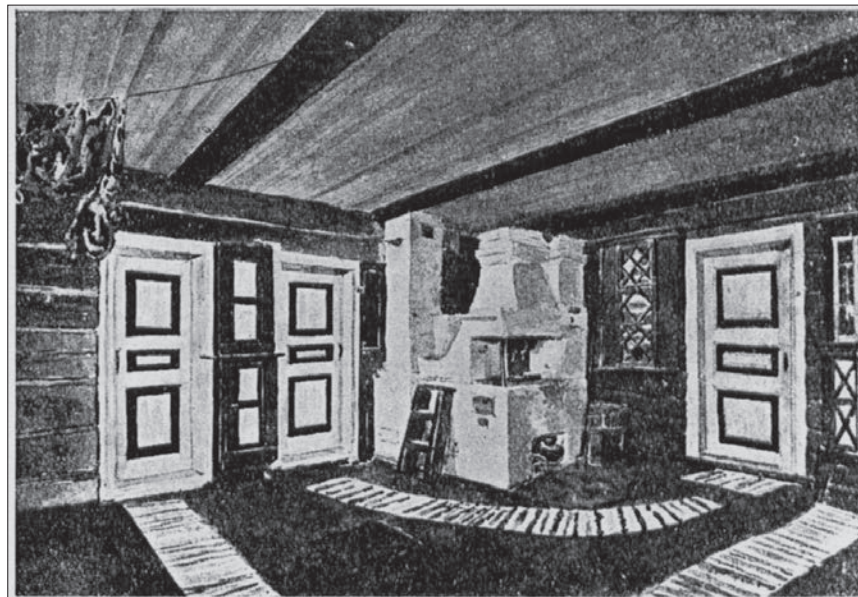

Черная изба крестьянки М. Тарасовой в дер. Гамолово б. Сойкинской волости (акварель).

Построенная лет 70 тому назад, она в настоящее время доживает свой век. Само помещение настолько низкое, что высота под потолочной балкой-матицей достигает всего 2 арш. 4 вершк. (160 см). Вся обстановка избы крайне бедная. Простой стол, лавки, нары вместо кровати, посудник, завешанный ситцевой красной занавеской, божница с несколькими иконами — вот и все убранство избы. Единственно, чем она может щегольнуть — это печью, поставленной на деревянном подпечьи, из толстых брусьев, положенных по высоте в два ряда, причем концы этих брусьев обработаны топором, в виде кронштейнов, служащих опорой для досок приступа.

Брусья подпечья имеют три отверстия, каждое в виде двух треугольников, сходящихся вершинами. Большой чугунный котел, висющий над жаратком на зубчатой железной полосе, печурка в боковой стене печи и прочие детали довершают картину быта, который в недалеком будущем можно будет изучать только на страницах истории.

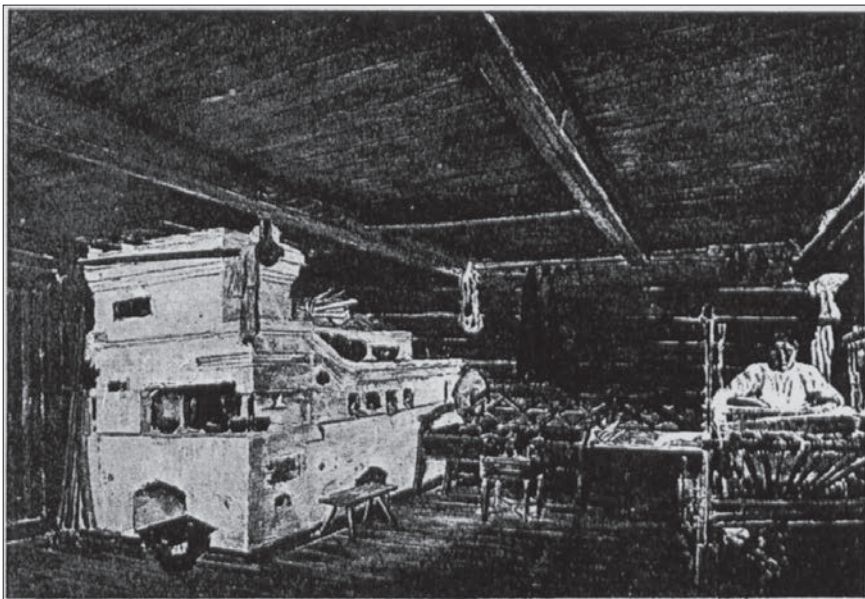
ТАБЛ. X, рис. 2.

Хутор крестьянина Натанена в дер. Кургалово б. Наровской волости (акварель).

Хутор построен всего пять лет тому назад. Необыкновенная чистота и опрятность прежде всего бросается в глаза, как только войдешь в помещение. Весь уклад жизни хозяина и его семьи ближе, повидимому, к быту Финляндии, чем к культуре русского населения. Дневной свет ярко освещает все углы избы, благодаря большого размера окнам. Печь финского образца с кирпичным колпаком в виде усеченной пирамиды над шестком является одним из главных Украшений избы. Потолок из вагонки, поддерживаемый тремя матицами, покрашен масляной краской цвета темной охры; пол, также крашенный охрой с примесью красной краски, мебель и шкафики цвета темного ореха, а домотканые дорожки с чередующимися полосами сурово-белого, темно-синего и красного цвета. Чрезвычайно нарядно по окраске выглядят двери столярной работы с обычной формы филенками, причем вся дверь белого цвета, а полосы между обвязкой и филенкой покрашены, как это принято в Финляндии, густой эмалевой красной краской.

ТАБЛ. XI, рис. 1.

*Изба крестьянина Борисова в дер. Репино б. Сойкинской волости
(акварель).*

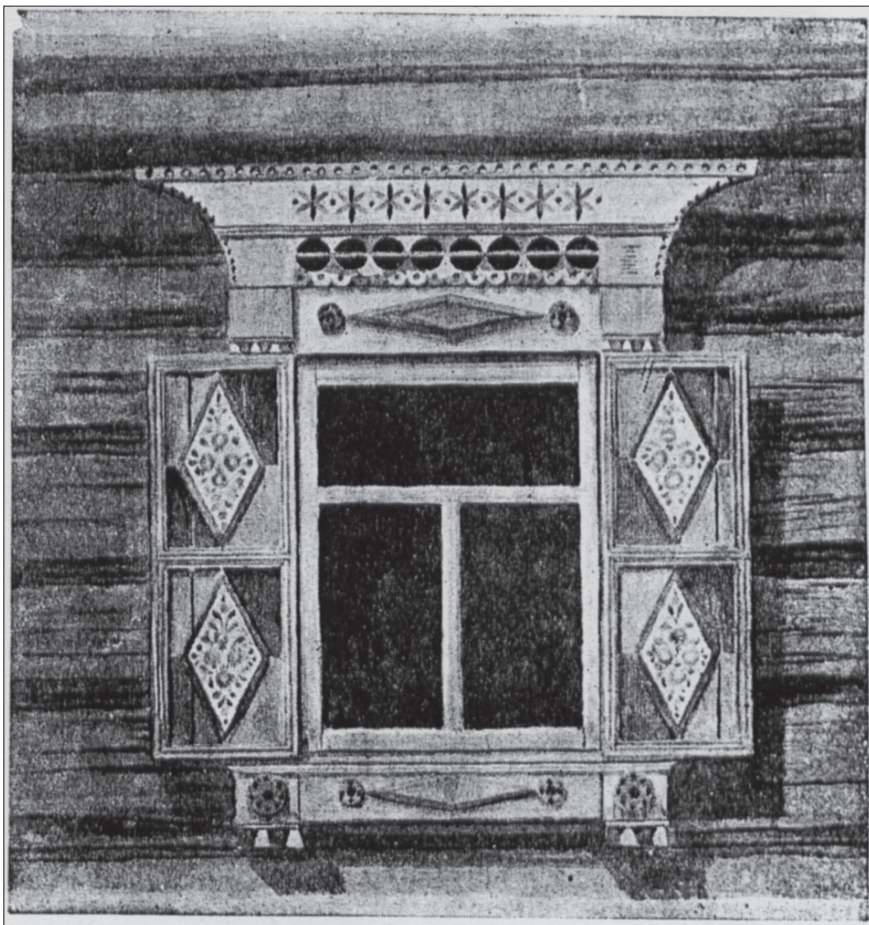
Одна из сравнительно новых изб. Печь с кухонным очагом, устроенным в шестке и имеющим отдельную топку. У окна стоит ткацкий станок, за которым работает сама хозяйка. Интересны два дивана местной работы, служащие на ночь кроватью. Эти диваны раздвижные с шестью ножками, причем две ноги прикреплены к выдвигной части дивана. На ночь сиденье снимается, и диван представляет собой нечто вроде плоского ящика, в котором сложено постельное белье и матрац. Этот ящик раздвигается, и образуется широкая кровать, на которой могут спать двое. На день опять диван сдвигается, постельные принадлежности укладываются в сиденье и прикрываются съемной крышкой. Спинки дивана, большей частью, имеют рисунок ромбов или квадратов, поставленных на угол. Такие диваны распространены по всей Сойкинской и отчасти Наровской волости. Высокий потолок, просторное помещение избы, соблюдаемая чистота, стены естественного тона дерева производят приятное впечатление.

Наличники окон и другие детали. Об архитектуре наличников мною достаточно подробно было сказано в самой статье. К рисункам и акварелям с натуры, которые я привожу ниже в виде иллюстративного материала, я прилагаю подробные описания для того, чтобы читатель получил полное и ясное представление о том «наряде» избы, который в этом крае еще в очень недавнее время так широко культивировался. Мои попытки выяснить имена авторов живописи на наличниках оказались почти бесплодными. Или это было так давно, что в настоящее время уже не осталось в живых тех, кто помнил, как ставилась и украшалась изба, или потому, что наличники переходили с избы на избу в одной деревне, но чаще всего привозились из других деревень. Только в дер. Ундово я узнал, что прекрасный и по рисунку и по тонам наличник избы крестьянина Фокина выполнен и раскрашен отцом нынешней хозяйки, причем она называла своего отца «большим затейником».

Почти все наличники имеют ставни, причем, как это видно из приводимых мною иллюстраций, форма и конструкция самих ставень в большинстве случаев одни и те же, или имеют только незначительные различия.

Во всей орнаментировке наличников проходят лейтмотивом излюбленные круги и полукруги с лучами, разных размеров круглые углубления, расположенные в определенном ритме, чередующиеся прямоугольники и двугранные плоскости на венчающей части наличника, обязательные капельки под стояком наличника и т.д. Все это можно проследить на тех 12 наличниках, которые представлены мною обмерами, рисунками и акварелями.

ТАБЛ. XI, рис. 2.

Наличник окна избы крестьянки Соломониды Тупициной в дер. Большой Конец б. Котельской волости (акварель).

Этот наличник существует на избе 40 лет, а до этого времени украшал другую избу, в дер. Чухонская Россия, откуда и привезен. Окно небольшое 13 x 16½ вершк. (58 x 74 см). В росписи применены следующие тона: ярко-синий, ярко-зеленый, желтый тона светлой охры, красноватый, коричневый, розовый

и темно-зеленый. Доска, венчающая наличник, имеет сильную выкружку, заканчивающуюся у половины фриза. Сверху нашта планка с высверленными кружками, причем сама планка окрашена в ярко-синий тон, а плоскость, на которой лежат кружки, так же, как и вся венчающая часть, окрашена в белую краску. На верхней части написаны восемь шестиконечных звездочек из листьев, окрашенных в ярко-зеленый и красный тона. Между звездочками углубленные кружки, проделанные коловоротом. Края и низ венчающей части обведены коричнево-красным тоном и украшены рядом круглых углублений малого размера. Такие же углубления спускаются и ниже до половины фриза. Самый фриз состоит из двух частей. Верхняя, с прорезными крутами и оставленными по диаметру узкими полосками, заканчивается фестонами из полукрутов с круглыми отверстиями в центре, причем края фриза и горизонтальная полоска окрашены в ярко-синий цвет, а вся остальная часть в белый, желтый и красно-коричневый, расположенные в определенном ритме. Нижняя часть фриза — белая с набитым вытянутой формы ромбом, покрашенным в зеленый цвет; а снятые фаски ромба, как и деревянные розетки па обоим сторонам его — красно-коричневого тона. С обоих боков эта доска заканчивается широкими плашками ярко-зеленого цвета с красно-коричневыми и белыми капельками. Подоконная горизонтальная доска белая, украшенная таким же ромбом и розетками, как и фриз, а выпуски вертикального обрамления — в виде белых квадратов с круглыми розетками красно-коричневого цвета и с крупными каплями, окрашенными попеременно в белый и красно-коричневый цвет. Калевки ставень зеленого цвета представляют красивую рамку для филенок, окрашенных в синий и красно-коричневый тона; на фоне последних вырисовываются белые наложенные ромбы с желтыми фасками и орнаментом из розовых цветов и темно-зеленых листьев.

ТАБЛ. XII, рис. 1.

*Наличник окна избы крестьянина К. П. Фокина в дер. Ундово
б. Котельской волости (акварель).*

Этот наличник останавливает внимание изысканностью своей окраски. Обычные более или менее чистые тона синий, красный, желтый здесь заменены голубовато-синим, розовым, бледно-желтым. Так, филенки ставень голубовато-синего цвета обведены розовой рамкой, а прямоугольник в филенке белый с бледно-розовыми цветами. Полусолнца в средней части фриза покрашены чередующимися бледно-желтым, розовым и голубовато-зеленым тонами. Вертикальные обрамления покрыты густым голубовато-зеленым тоном, который так мягко сочетается с розовой и бледно-желтой окраской розеток. Получается в общем очень нежная гамма тонов. Этому наличнику, как и избе, насчитывают около 65 лет.

ТАБЛ. XII, рис. 2.

*Наличник окна избы братьев Лукьяновых в дер. Пиллово
б. Котельской Волости (акварель).*

Наличники на всех окнах избы одного рисунка, но несколько различаются деталями раскраски. Ярко-синий фон каймы филенок, фриза, доски под подоконником и нижних концов вертикальных обрамлений сверкает при солнечном свете на сером фоне обшитой рустикой избы. Венчающая часть разработана более богато, нежели на вышеописанных наличниках. Доска, служащая сливом венчающей части, окрашена в розовый тон; под ней тянется белая зигзагообразная полоска, а ниже бордюр из рельефных чередующихся квадратов и двугранных плоскостей, окрашенных в розовый, синий, белый и желтый тона. Углубленные круги в фестолах и над полукруглыми розетками во фризе красные и синие, а сами розетки состоят из желтых, синих и розовых лучей. Низ наличника белый с красной, синей и желтой краской в деталях его.

ТАБЛ. XIII, рис. 1.

*Наличник окна избы крестьянки Агафьи Зубовой в дер. Пиллово
(акварель).*

Изба построена более 30 лет тому назад. По форме и деталям наличник похож на предыдущий, но расписан в совершенно другой гамме тонов. Здесь применены: желтая (охра), ярко-зеленая, ярко-голубая, темно-красная, розовая и белая краски. Боковые обрамления покрашены светлой охрой, а фриз густым красным тоном, на котором рельефно выделяются вырезные солнца из зеленых, белых и красных лучей. В венчающей части наличника преобладает ярко-желтый тон, а капельки попеременно зеленые и розовые с темно-голубой полосой над ними.

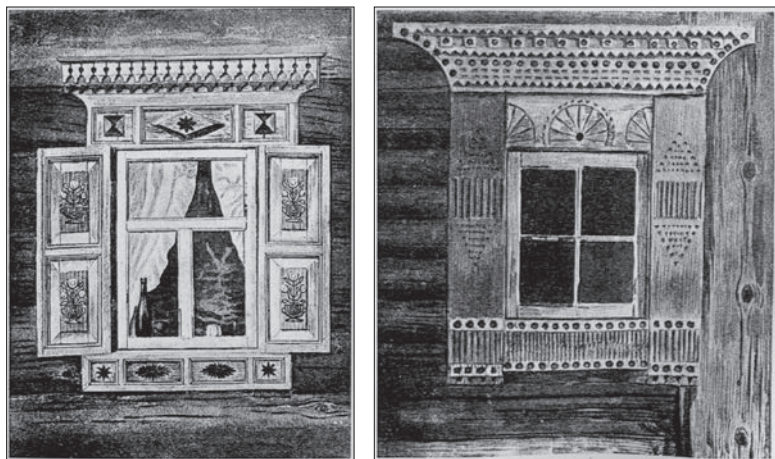
ТАБЛ. XIII, рис. 2.

*Наличник окна избы крестьянина Ф. Брякова в дер. Бабино 2
б. Котельской волости (акварель).*

Дано достаточно подробное описание в тексте, где говорится об орнаменте старинных изб дер. Бабино 2.

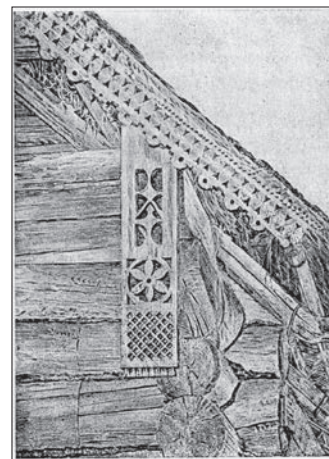
ТАБЛ. XIV, рис. 1 и 2.

Наличники окон избы крестьянина М. П. Брякова в дер. Бабино 2 б. Котельской волости (акварель).

Дано подробное описание в тексте.

ТАБЛ. XV, рис. 2.

Деталь избы М. П. Брякова с резными подвесками и причелиной в дер. Бабино 2 б. Котельской волости (акварель).

Описание дано в тексте.

ТАБЛ. XV, рис. 1.

Наличник окна избы крестьянина Николаева в дер. Евсеева Гора б. Сойкинской волости (акварель).

Описание этого наличника мною дано в тексте.

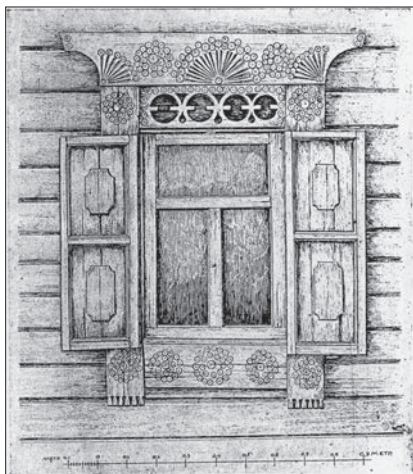
ТАБЛ. XVI, рис. 1 и 2.

Наличник окна черной избы крестьянина Ивана Семенова в дер. Логи Сойкинской волости (акварель).

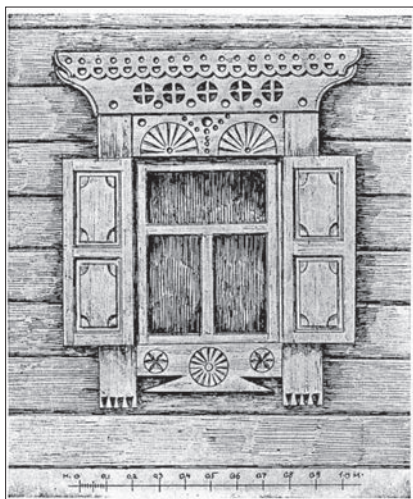
Крохотное оконце в 4 стекла черной, теперь уже нежилой, избы украшено изящным наличником со ставнями; нижней доски под подоконником не сохранилось. Окрашены в два тона: белый и синий.

ТАБЛ. XVII, рис. 1.

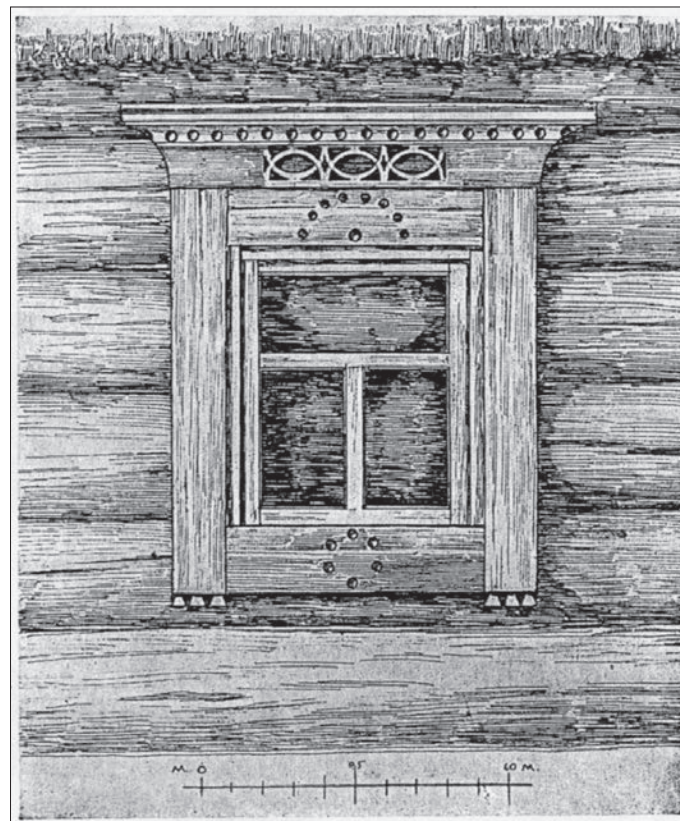
*Наличник окна избы кр. Маркова в дер. Валяницы б. Сойкинской вол.;
см. стр. 28.*

ТАБЛ. XVIII, рис. 1.

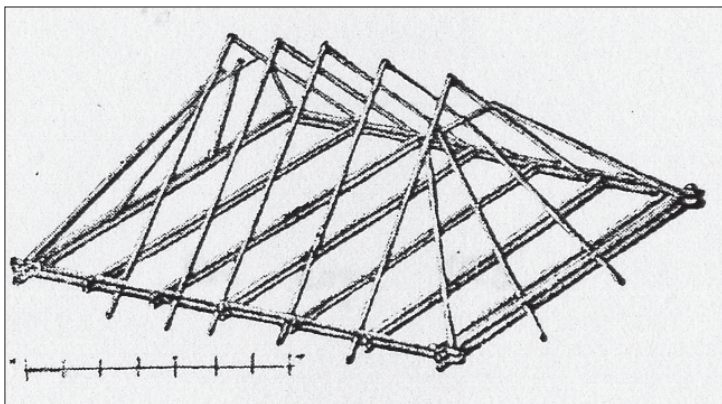
*Наличник окна избы кр. Антонова в дер. Колгомья б. Сойкинской вол.;
см. стр. 28.*

ТАБЛ. XVIII, рис. 2.

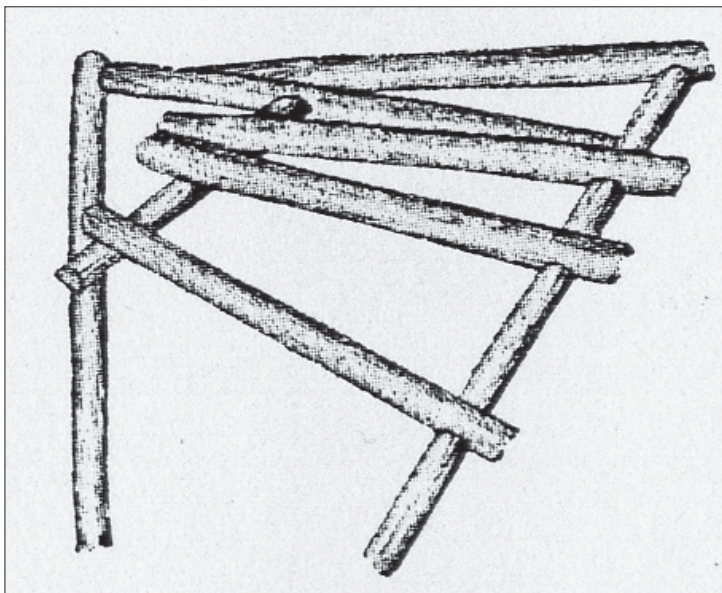

*Наличник окна избы кр. Алексеевой в дер. Глинки б. Сойкинской вол.;
см. стр. 28.*

ТАБЛ. XIX, рис. 1 и 2.

1

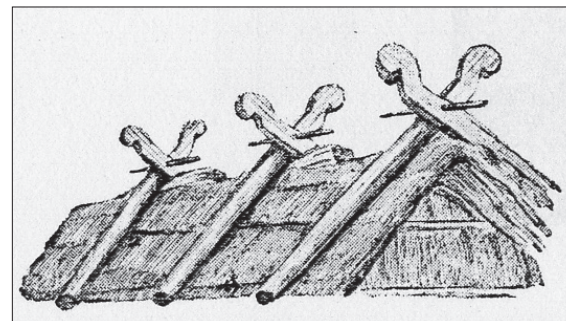

2

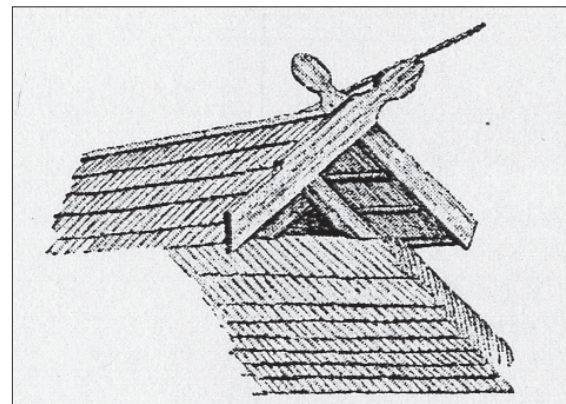
Стропила и детали их на вновь строящейся избе в дер. Логи б. Сойкинской волости (рисунок пером).

Здесь представлена стропильная ферма, для четырехскатной крыши, собираемая на земле, и отдельная деталь угловых стропил.

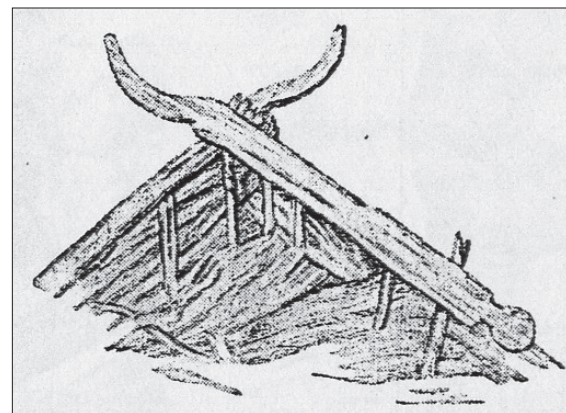
ТАБЛ. XIX, рис. 3, 4 и 7.

3

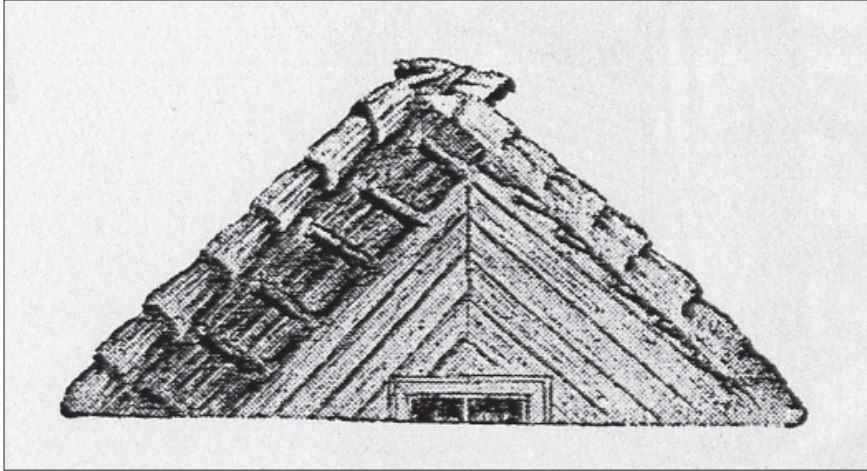
4

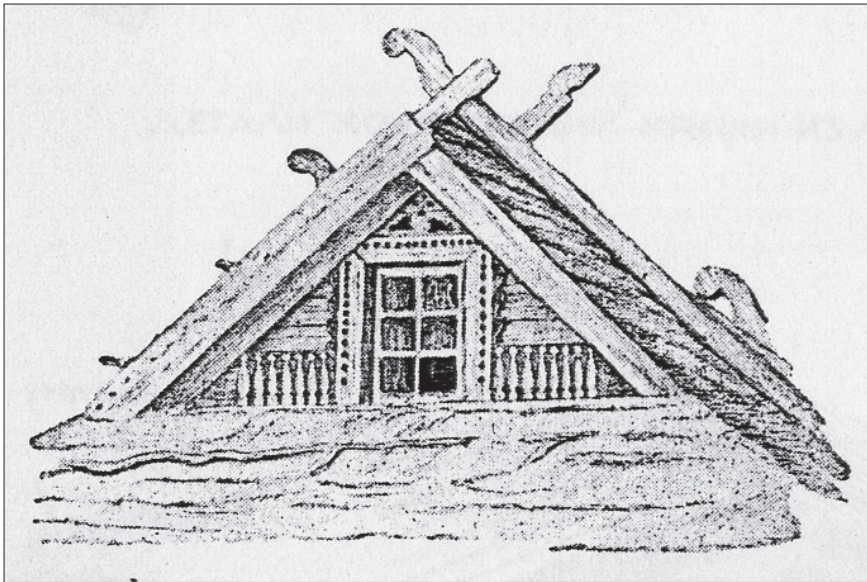
7

Сороки на крышах; см. стр. 24.

ТАБЛ. XIX, рис. 5 и 6.

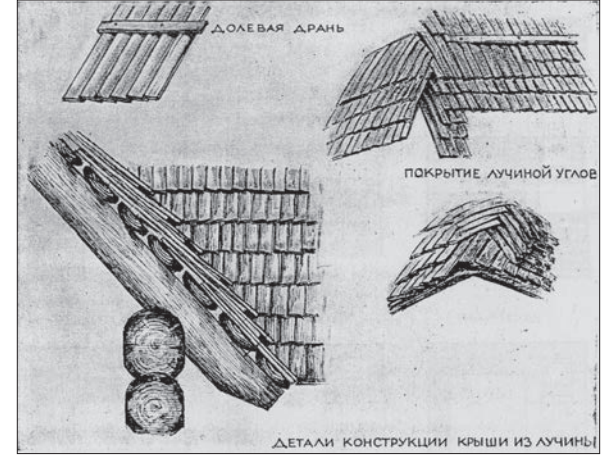
5

Окна под крышей; см. стр. 24.

6

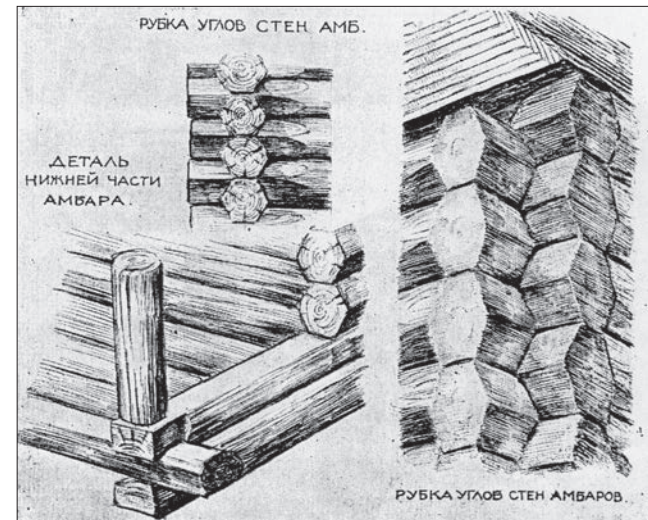
ТАБЛ. XX, рис. 1.

Детали конструкции крыши из щепы; см. стр. 24.

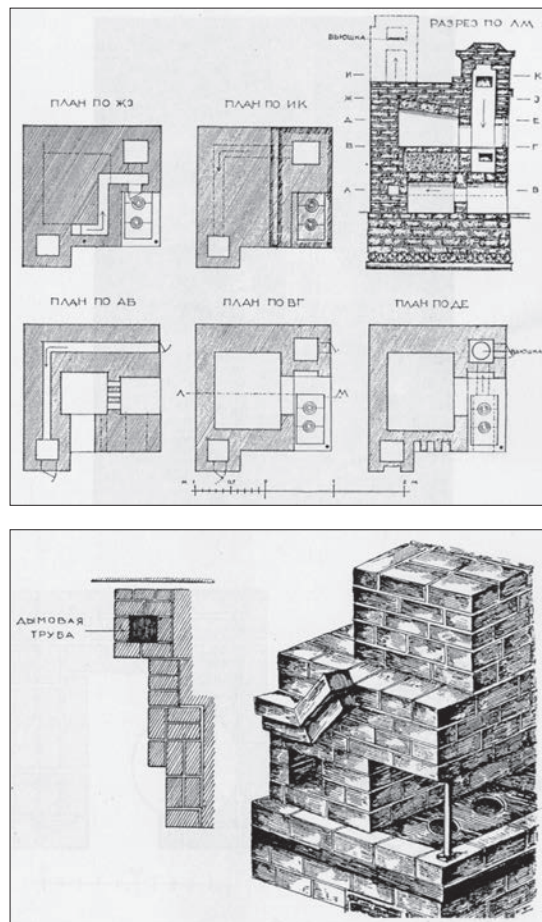
ТАБЛ. XX, рис. 2.

Рубка угловых стен амбара и деталь нижней части амбара;

см. стр. 24.

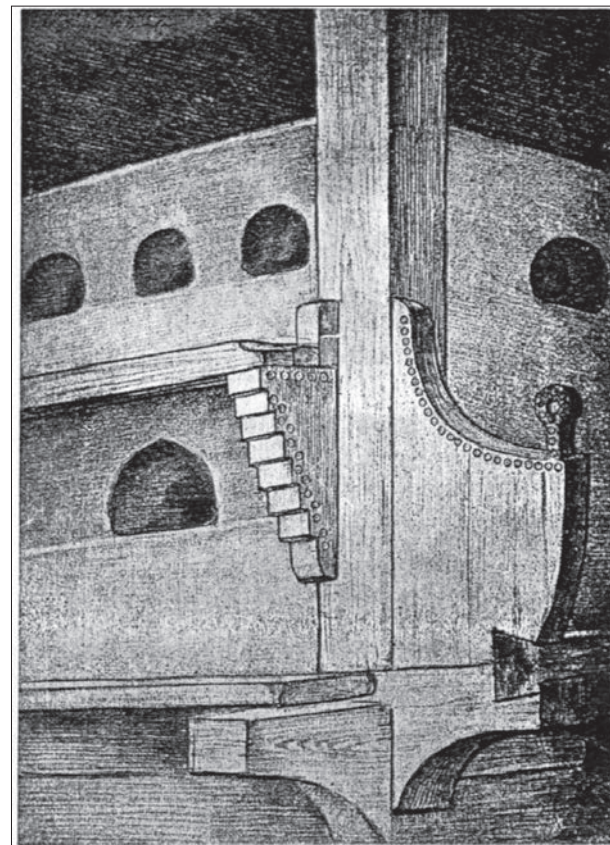
ТАБЛ. XXI, рис. 1 и 2.

Планы, разрезы и детали кладки печи в новой избе дер. Репино Сойкинской волости (рисунок пером).

Вновь складываемая печь в новой только что законченной вчерне избе представлена пятью планами на разных уровнях, указанных буквами на самом чертеже, и деталью кладки шестка. Подробные объяснения расположения дымоходов в новых печах усовершенствованного типа даны в тексте.

ТАБЛ. XXII, рис. 1.

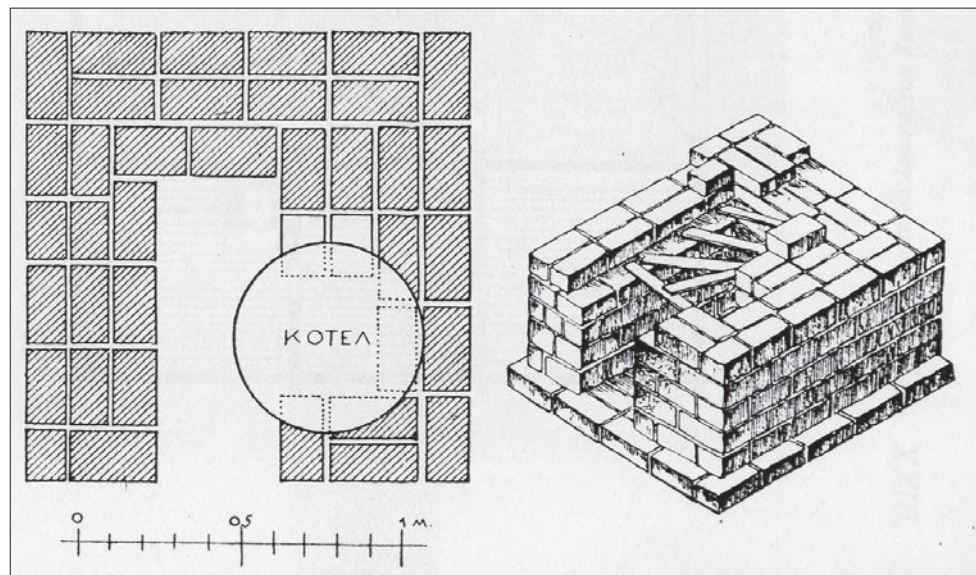
Деталь черной печи в избе крестьянина Гаврилова в дер. Ручьи б. Сойкинской волости (рисунок карандашом).

Мощный печной столб по плавной кривой слегка утолщается кверху. На нем укреплен деревянный кронштейн, обработанный топором, из толстой доски, в виде уступов, и украшенный на боковых поверхностях бордюром из намеченных коловоротом кружков. Кронштейн этот поддерживает лежанку. С другой стороны к столбу примыкает причудливой формы толстая резная доска также с бордюром из намеченных коловоротом кружков.

Планы изб. Все изученные мною планы изб я выделяю в самостоятельную группу. Казалось бы, что там, где я исследовал полностью избу, в иллюстрациях следовало помещать план, внешний и внутренний вид и детали избы вместе, но я принял другой порядок по следующим основаниям. Не всегда я исследовал постройку в целом, так как во многих случаях она представляла интерес только с какой-нибудь одной стороны: иногда она была типична своим планом, в других случаях — своим внешним видом, и так далее. А так как задачей своей я поставил выяснение принятых в этом крае типичных планов изб и той эволюции, которую деревня проделала в течение долгого времени, начиная от плана черной избы с открытым двором до позднейших построек под одну связь, — то я считаю необходимым все иллюстрации к планам изб выделить в одну группу, не разобщая их никакими другими материалами. Под планом избы я подразумеваю не только план избы, как жилья, но план избы со всеми принадлежащими и примыкающими к избе хозяйственными постройками, как: сени, двор, хлев, сарай, кладовые и пр.

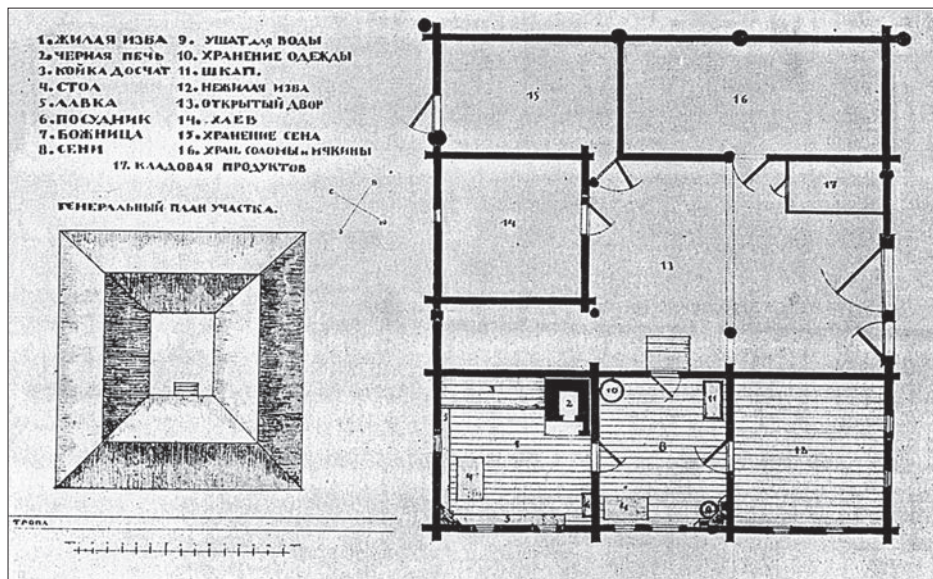
У В. Д. Мачинского (Крестьянское строительство в России), в главе о существующих типах крестьянской застройки, введены общие названия: крестьянская застройка, крестьянская усадьба. К. К. Романов в статье «Жилой дом в Заонежье» (Крестьянское искусство в СССР) вводит название изба-усадьба, а в «Крестьянских постройках Ярославско-Тверского края» авторами статей применяются термины план дома и план постройки, причем эти общие названия обозначают крестьянское жилище, со всеми примыкающими к нему хозяйственными строениями. Да и у самого местного населения исследованного мною района существует слово *cotiu*, что означает дом, и *pertti*; последнее применяется, главным образом, когда дело идет о черной избе (*mustapertti*, *savu pertti* — черная изба), и под этим опять-таки подразумевается изба со всеми хозяйственными, примыкающими к ней строениями.

ТАБЛ. XXII, рис. 2.

План и конструкция новой печи в черной бане кр. Ефимова в дер. Репино; см. стр. 22.

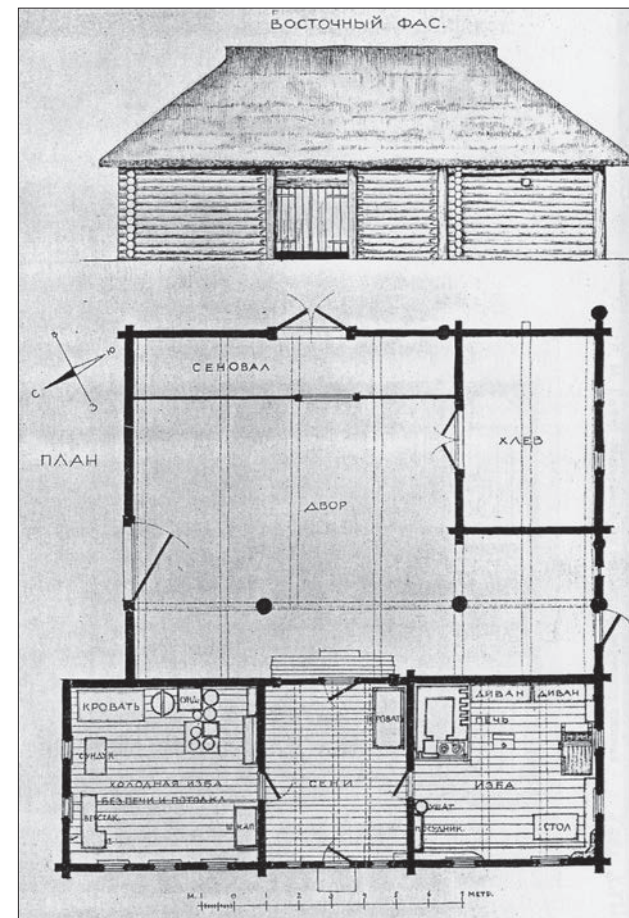
ТАБЛ. XXIII, рис. 1.

План черной избы крестьянина И. Еремеева в дер. Логи
б. Сойкинской волости.

Изба состоит из левой жилой части, сеней и правой нежилой избы без печи. Построена более 60 лет тому назад. Бревна избы в 7 вершк. (26–36 см) толщиной. Сзади к избе и сеним примыкает открытый посредине двор, срубленный из тонких бревен в 3½–4 вершк. (15–18 см). Высота избы от пола до потолка 1,05 саж. (2,24 м).

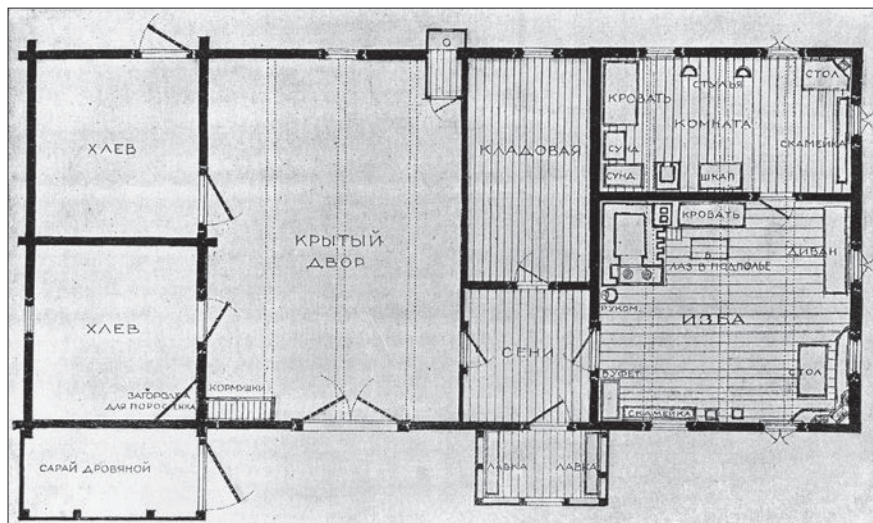
ТАБЛ. XXIV, рис. 1.

План и восточный фасад избы крестьянина Борисова в дер.
Репино
б. Сойкинской волости.

Обе избы с сеними между ними и с двором перекрыты двумя крышами. Коньки крыш параллельны. Правая изба жилая с печью, левая без печи служит кладовой. В последней на плане указаны ушаты, ведра, ящики, в той расстановке, какую я застал во время снятия с природы плана.

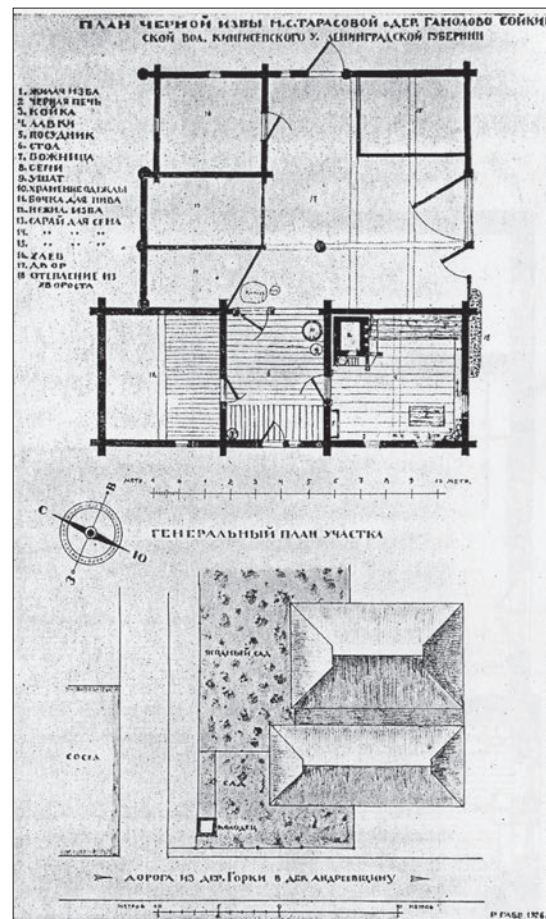
ТАБЛ. XXV, рис. 1.

План избы крестьянина Маркова в дер. Логи
б. Сойкинской волости.

Изба построена несколько лет тому назад по более новому приему, где изба, сени и двор со всеми хозяйственными помещениями находятся под одной крышей (под одну связь). Сама изба представляет собою пятистенок. Из просторных сеней попадаешь в избу с русской печью, а далее ведет дверь в комнату, где поставлена другая печь. Из сеней еще две двери: одна ведет в кладовую, а другая во двор, крытый крышей. Для освещения его имеется большое окно, в продольной стене. На уровне площадки, со ступенями для спуска во двор помещается отхожее место. Со двора две двери, ведущие в конюшню и хлев. Сарай для дров пристроен снаружи к продольной стене двора, а сеновал находится под крышей над всем помещением двора с хлевом и конюшней, для чего по балкам наслан накат. Перед сенями снаружи пристроено крытое светлое крыльцо.

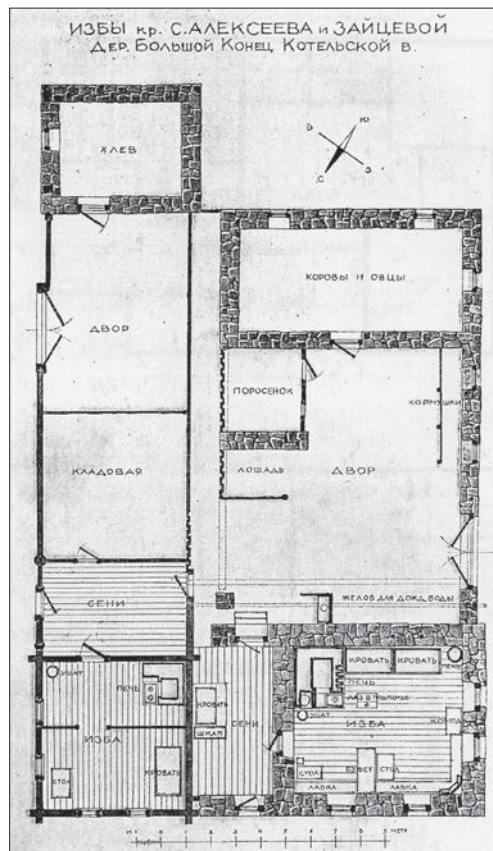
ТАБЛ. XXVI, рис. 1.

План черной избы крестьянки М. Тарасовой в дер. Гамолово
б. Сойкинской волости.

Изба построена 70 лет тому назад. По правую сторону сеней расположена жилая изба с черной печью, а по левую — изба без печи, служащая в настоящее время кладовой. Против входной двери в сенях имеется дверь, ведущая во двор с хлевами, сараем и сеновалом. Избы с сенями и двор перекрыты двумя параллельными крышами.

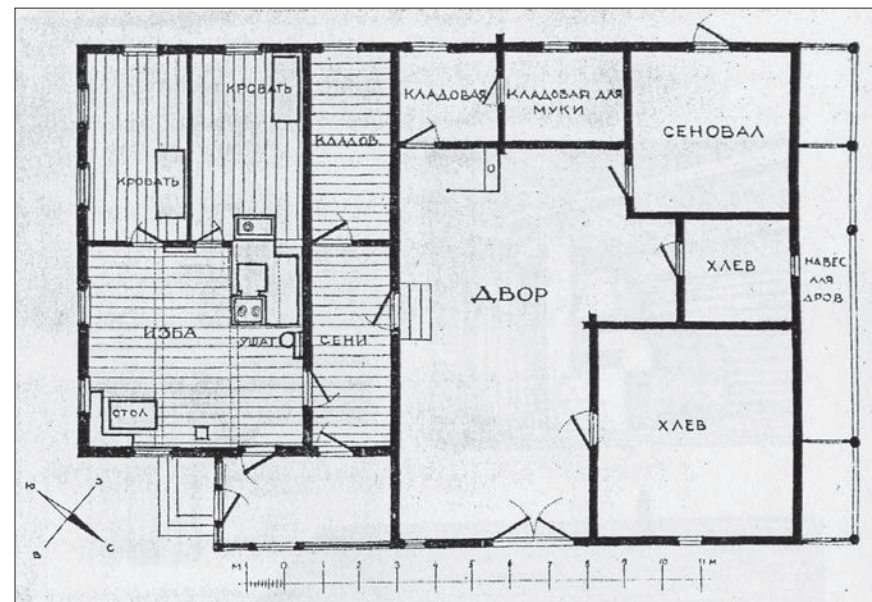
ТАБЛ. XXVII, рис. 1.

План избы крестьян Алексева и Зайцевой в дер. Большой Конец
б. Котельской волости.

Изба и двор построены лет 40 тому назад из местной известковой плиты. С другой стороны к сеним примыкает деревянная изба крестьянки Зайцевой; таким образом, сени имеют три каменных стены и одну деревянную. Толщина каменных стен 0,74 м. Каменные стены двора и хлева несколько тоньше. Хлев Зайцевой также весь каменный. Все эти помещения перекрыты двумя двускатными крышами с параллельно идущими коньками.

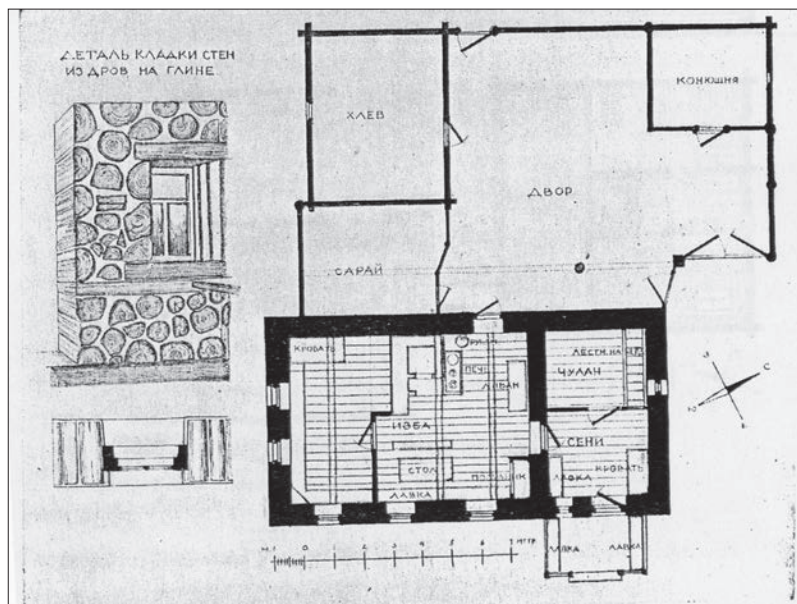
ТАБЛ. XXVIII, рис. 1.

План хутора крестьянина Натанена в дер. Кургалово
б. Наровской волости.

Хутор построен в 1923 г. Изба, двор и сени крыты под одну связь. На этом плане бросается в глаза иное соотношение между площадью двора и площадью избы, чем это обычно встречается в крестьянских постройках. Чаще всего площадь двора, приблизительно, в два раза и более превышает площадь жилого помещения, здесь же это отношение значительно меньше. По планировке изба представляет пятистенку, причем за главным помещением с русской печью имеются еще две комнаты. За сеними вдоль избы расположена кладовая. Все хозяйственные постройки стоят друг за другом по двум сторонам двора и дают впечатление большой целесообразности расположения и экономии площади.

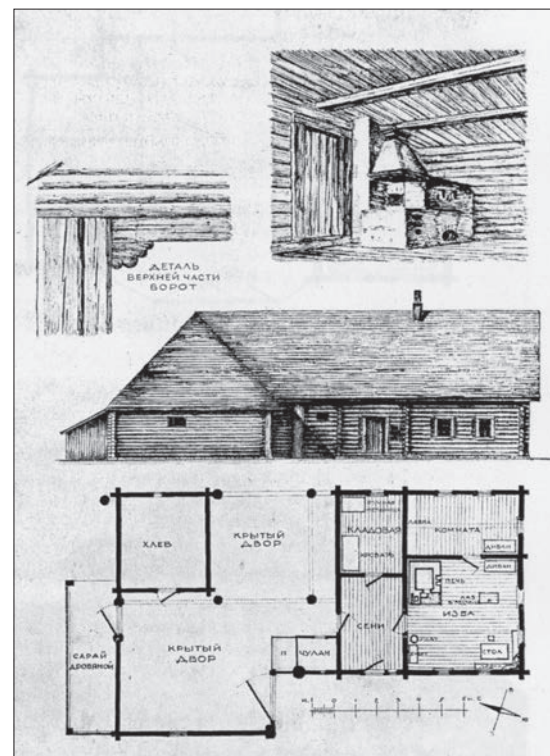
ТАБЛ. XXVIII, рис. 2.

План и детали устройства стен избы крестьянки М. Осиновой в дер. Бабино б. Котельской волости.

Изба и сени сложены из коротких бревешек (дров) на глине. Эти бревешки лежат в стене так же, как при обычной кладке дров, причем промежутки между поленьями заполнены глиной. Для углов стен применены более длинные поленья. В оконные отверстия вставлены коробки с двумя четвертями для зимнего и летнего переплета. Здание снаружи и изнутри оштукатурено по дранке. Двор частью рубленый из бревен, частью досчатый, причем доски загнаны в пазы столбов. Жилая часть здания состоит из избы с русской печью и другой комнаты, обогреваемой стеной этой же печи, так как в этой стене проходят дымоходы. К избе примыкают сени с лестницей на чердак и чулан, расположенный под лестницей. Снаружи к сеням пристроено крыльцо на четырех столбиках. Двор крытый, просторный, с хлевом, конюшней и сеновалом. Изба и двор перекрыты двумя соломенными четырехскатными крышами с параллельно идущими коньками.

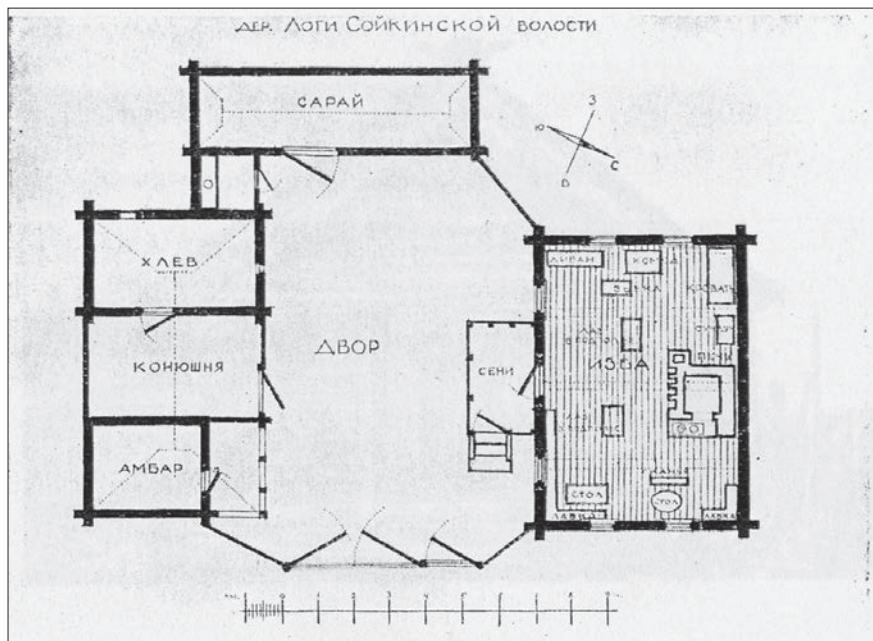
ТАБЛ. XXIX, рис. 1.

План, боковой фасад и внутренний вид избы крестьянина Берд в дер. Глинки б. Сойкинской волости.

Изба построена сравнительно недавно. Двор выступает за линию бокового фасада избы, и в этой выступающей части расположены ворота во двор. Крыто все здание под одну связь двускатной лучинной крышей высокого подъема. Внешний вид всего здания останавливает хорошо найденным гармоничным соотношением частей, а в планировке отмечается большая целесообразность. То, что въезд во двор идет перед окнами избы, хозяева считают большим удобством, так как из избы видно, кто въехал или выехал со двора. В избе печь поставленная по финскому образу, с колпаком, в виде усеченной пирамиды.

ТАБЛ. XXX, рис. 1.

План избы крестьянина Е. Ф. Матвеева в дер. Логи
б. Сойкинской волости.

Здесь применен прием, необычный в этом крае и непривившийся, повидимому, вследствие его значительных дефектов, о которых сообщалось в тексте. К избе примыкает обнесенный отчасти забором, а в значительной части окруженный хозяйственными зданиями некрытый двор. Со стороны фасада избы в заборе двора имеется калитка и ворота. Крыльцо и сени расположены внутри двора и примыкают к боковому фасаду избы.

Внешний вид каменных дворов.

ТАБЛ. XXX, рис. 2.

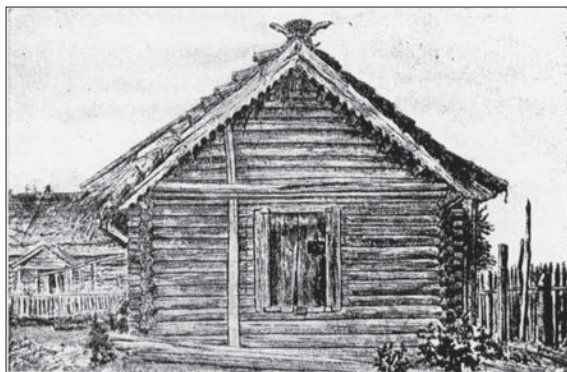

Каменный двор в дер. Липово б. Наровской волости (акварель).

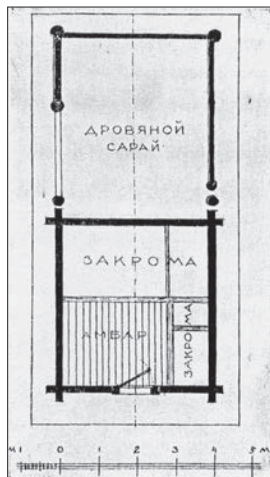
Сложен из крупного размера валунов разных оттенков: розового, фиолетового, желтого, серо-синего, с вкрапленными в известковый раствор мелкими черными кусками колотых камней. Окна обрамлены кирпичными наличниками так же, как и перемычка ворот. Крыша здания соломенная, покрытая от времени мохом. Большого размера окно в скате крыши служит входом на сеновал. Через него происходит заполнение чердачного помещения сеном.

Амбары.

ТАБЛ. XXXI, рис. 1 и 2.

1

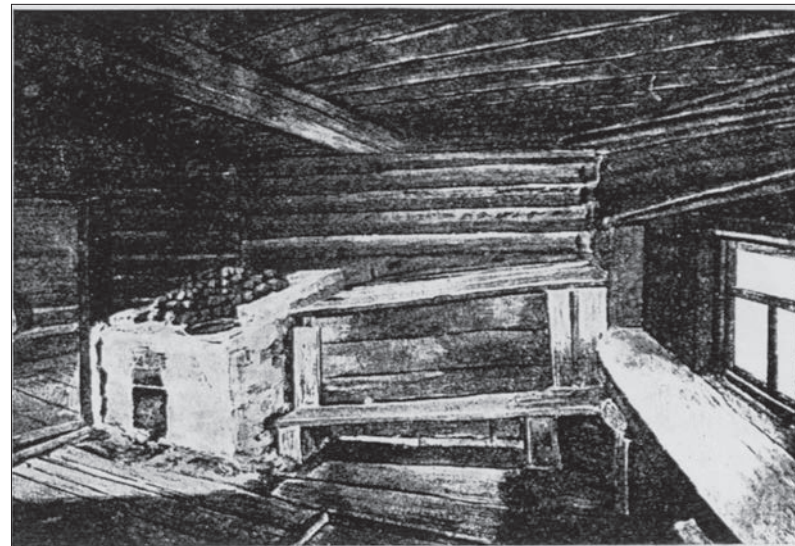
2

*Амбар крестьянина Е. П. Фокина в дер. Русская Россия
б. Котельской вол., фасад и план (акварель).*

Старинный амбар, возраст которого само местное население затрудняется определить, а старики утверждают, что этот амбар стоял при их отцах. Весь его облик, все детали, вроде окаймляющей края двускатной крыши толстой доски, обработанной топором в виде зубцов, относят нас к очень отдаленным временам. Точно такие же декоративные мотивы, в виде зубьев и пил, мы видим на крохотной церкви Лазаря в Муромском монастыре, возраст которой превышает 500 лет. В плане амбар представляет прямоугольник, разделенный на две половины: спереди амбар, сзади помещение для дров. Стены амбара рублены из бревен, причем углы связаны в обло. Стены дровяного сарая состоят из врытых в землю бревен, в пазы которых входят толстые доски. Сруб самого амбара занимает почти Квадратную площадь, размерами 4 x 4,20 м. Потолка в амбаре не имеется. На высоте начала крыши в стены вделаны поперечные жерди для подвешивания мясных продуктов. В самом амбаре имеются срубленные из бревен закрома для хранения зерна и муки.

Бани. Здесь я отметил внешний вид и план, обычной в этом крае, черной бани нормальных размеров (дер. Криворучье) и внутренний вид более просторной бани зажиточного крестьянина в дер. Репино.

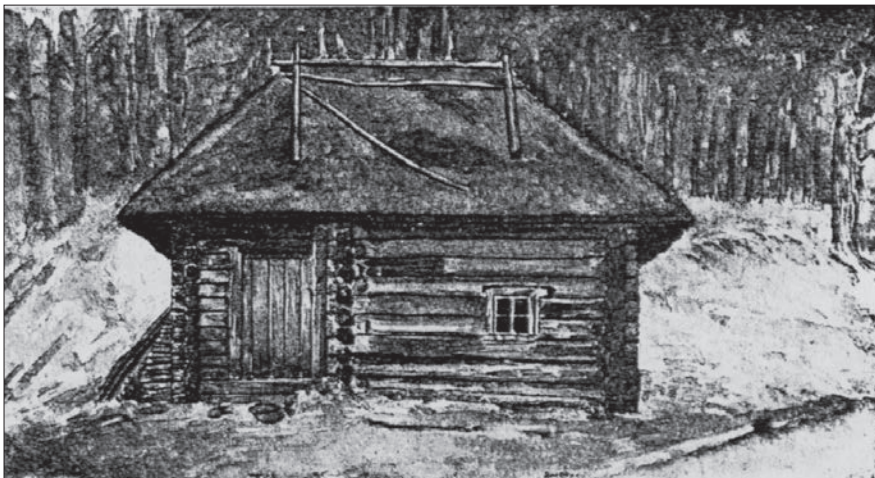
ТАБЛ. XXXII, рис. 1.

*Внутренний вид черной бани крестьянина Н. Ефимова в дер. Репино
б. Сойкинской волости (акварель).*

Помещение сеней и бани занимает площадь прямоугольной формы, разделенной поперечной стеной на две неравные части, причем сени занимают 3 x 2,80 м, а баня 3 x 3,60 м. Каменка сложена из кирпича, и в нее вделан чугунный котел для горячей воды. Как баня, так и сени, служащие раздевальной, имеют по одному небольшому окну. Потолок в сенях досчатый, а в бане из пластин, уложенных горбылями к чердачному помещению. Стены сеней и бани рублены из бревен, причем углы связаны в лапу. Крыша крыта лучиной. Высота бани от уровня земли до крыши 2 арш. 13 вершк. (2 м).

ТАБЛ. XXXII, рис. 2.

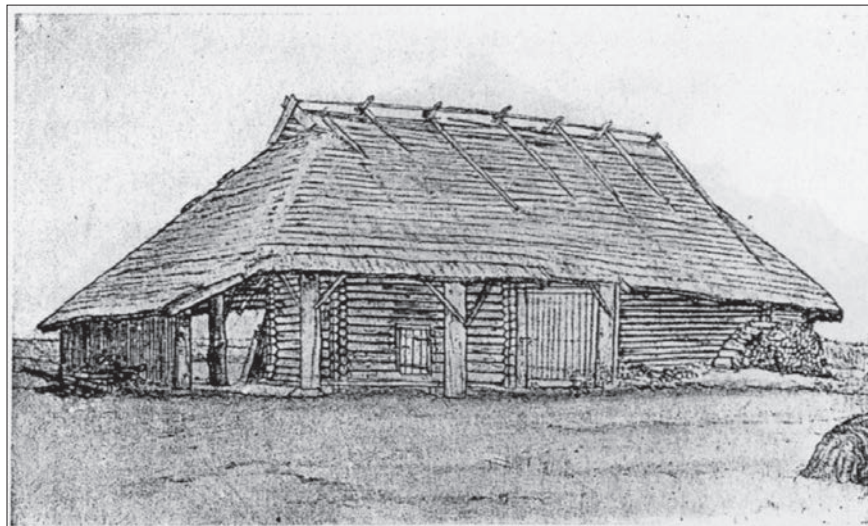

Фасад черной бани в дер. Криворучье б. Сойкинской волости (акварель).

Баня поставлена близ ручья. Она живописно выделяется на фоне частых высоких стволов соснового леса. Помещение сеней и бани занимает очень небольшую площадь. В сенях потолка не имеется. Крыша четырехскатная соломенная.

Риги. При обследовании риг данного края я выяснил, что громадное большинство риг деревянные, но в некоторых районах встречается довольно много каменных риг, построенных из известковой плиты и реже из крупных валунов. Поэтому в качестве иллюстраций я и представляю внешний вид большой деревянной риги в дер. Репино, и печь ее, и внешний вид, и план риги, сложенной из известковой плиты, в дер. Большой Конец. В деревне Глинки я зарисовал старинную ригу с планом, в виде неправильного четырехугольника. Ее внешний и внутренний вид настолько любопытны, что я представил ее здесь в двух акварелях и в плане. Наконец, нельзя не обратить внимания на двойные риги, которые мне встретились в деревнях на Бабинском озере.

ТАБЛ. XXXIII, рис. 1.

Внешний вид риги крестьянина Н. Ефимова в дер. Репино б. Сойкинской волости (рисунок карандашом).

Огромных размеров сооружение, рубленое из бревен, крытое соломенной крышей, состоит из сруба для сушки зерна (собственно риги), просторного помещения гумна для молотбы и примыкающего к нему с торцовой стороны хранилища для мякины. С торцовой стороны риги расположен большой навес, крытый односкатной крышей, служащей продолжением главного перекрытия. С остальных трех сторон здания также имеются навесы, но значительно меньших размеров.

ТАБЛ. XXXIII, рис. 2.

Внешний вид каменной риги крестьянина Ф. Кононова в дер. Большой Конец б. Котельской волости (акварель).

Рига построена из местной известковой плиты, причем гумно сложено из этой плиты до крыши, а помещение риги на высоту около двух аршин, поверх чего уложено несколько венцов бревен до высоты гумна, и оба помещения покрыты одной общей четырехскатной крышей, имеющей спуски у навесов. Крыша имеет крутой подъем, крыта лучиной. Цоколь сложен из валунов. Местами в кладке стен гумна между известковыми плитами включены валуны, а в стенах риги имеются включения кирпича. Для выпуска дыма из помещения риги и гумна выведена на крышу деревянная вытяжная труба, крытая деревянным двускатным колпаком.

ТАБЛ. XXXIV, рис. 1.

Фасад старой риги в дер. Глилки б. Сойкинской волости. Обмер с натуры (акварель).

Построена, по сообщению местного населения, 150 лет тому назад. Интересна как своим общим внешним видом, так и отдельными деталями: очень толстыми бревнами с сильно выраженной косослойностью, нависшей четырехскатной соломенной крышей. Местами, где солома пришла в негодность, ее заменили пучками прутьев и ветвей, что придает ей особенно древний вид. Гумно, повидимому, построено позднее из более мелкого леса.

ТАБЛ. XXXIV, рис. 2.

Внутренний вид той же риги (акварель).

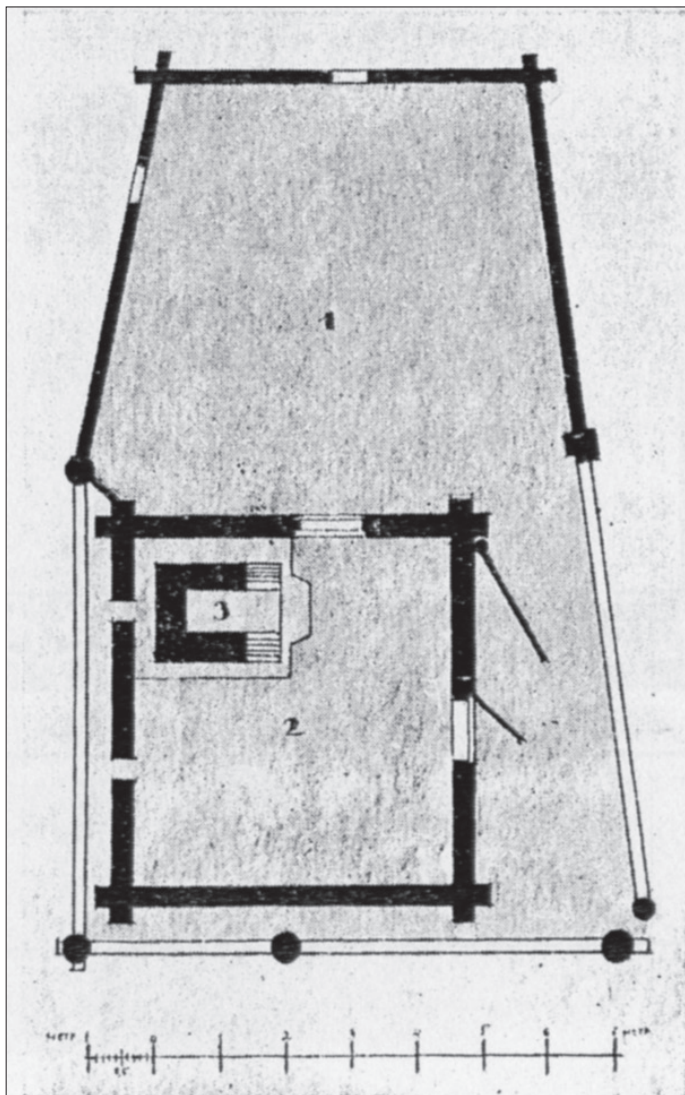
Помещение освещается двумя маленькими отверстиями в стене, служащими одновременно для выхода дыма. Справа дверь, ведущая в гумно. Интересна по своему виду печь, больше похожая на египетский саркофаг, чем на хозяйственное сооружение.

ТАБЛ. XXXV, рис. 1.

Внешний вид риги крестьянина Кирсанова и М. Осиновой в дер. Бабино 3 б. Котельской волости (акварель).

Эта рига принадлежит двум хозяевам; она состоит из трех помещений: двух риг, каждая со своей печью, и одного гумна с двумя воротами. Выступающая средняя часть ограничена с обеих сторон толстыми столбами диаметром до 1 арш. (0,71 м), в пазы которых входят бревна стены. На углах здания такие же толстые столбы, на которые опираются прогоны, поддерживающие крышу довольно крутого подъема.

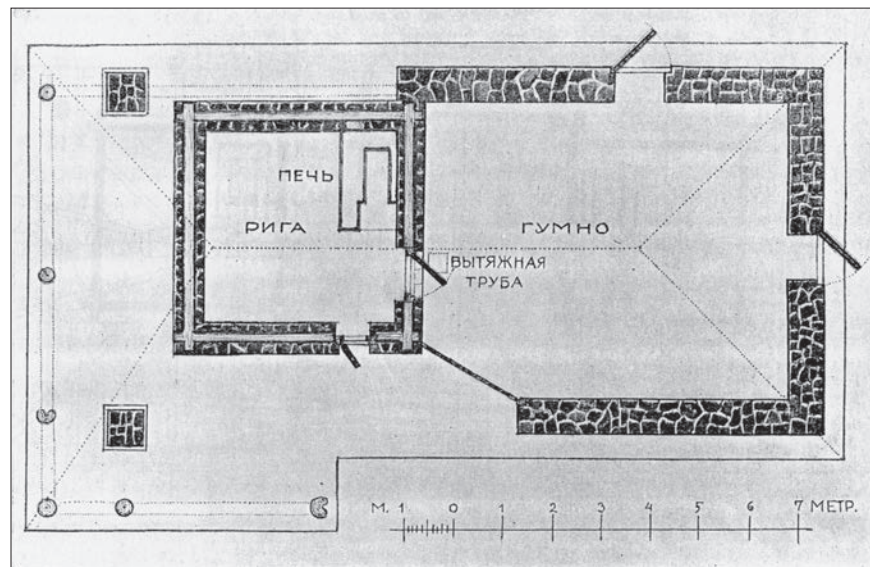
ТАБЛ. XXXV, рис. 2.

План старой риги в дер. Глинки б. Сойкинской вол.

В плане это сооружение имеет форму неправильного четырехугольника; навесы небольшие.

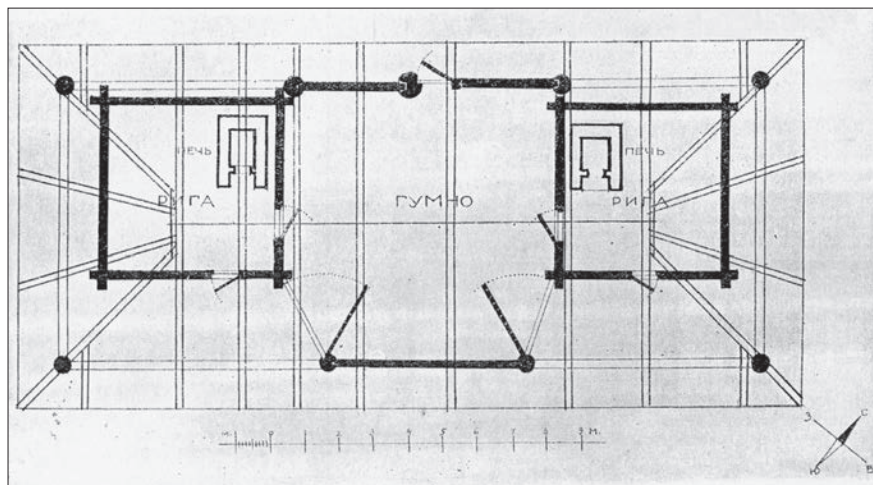
ТАБЛ. XXXVI.

План каменной риги кр. Ф. Кононова в дер. Большой Конец.

Толщина стены гумна и риги $11\frac{1}{2}$ вершк. (0,51 м). Широкие навесы в 3 арш. 8 вершк. — 4 арш. $3\frac{1}{2}$ вершк. (2,5 — 3 м.) ширины расположены у двух наружных стен риги; у третьей стены навес значительно уже. Два каменных столба, сложенных из той же плиты, имеющих в плане квадратную форму, служат опорой для прогона, поддерживающего стропильные ноги; остальные столбы из бревен, врытых в землю. В двух соседних стенах гумна имеются два больших оконных отверстия, закрываемых деревянными щитами на петлях. Эти проемы открываются во время веяния лопатой в ручную для использования действия ветра.

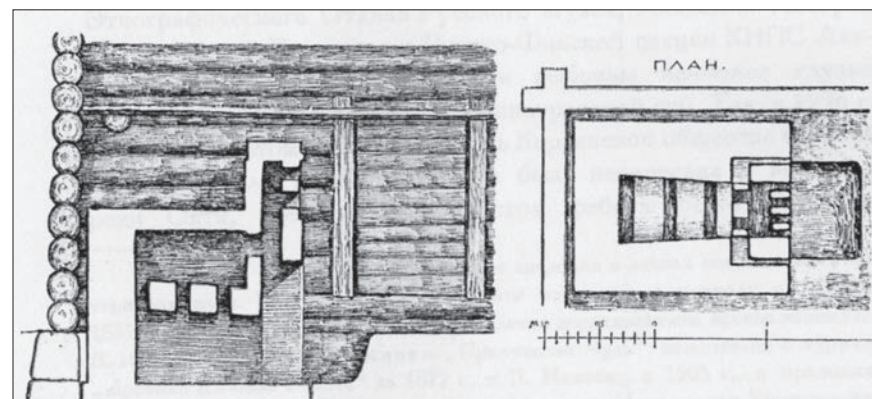
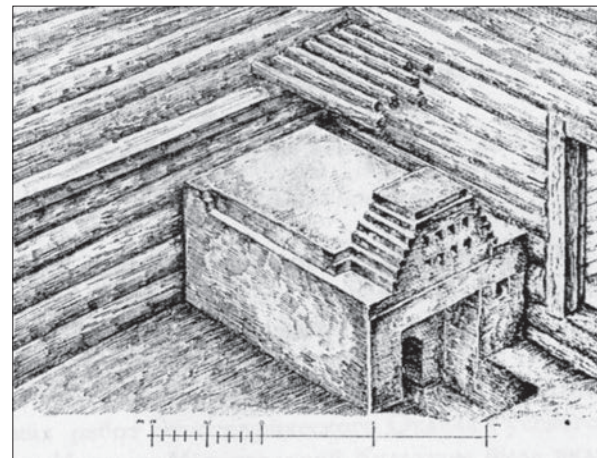
ТАБЛ. XXXVII.

План риги кр. Кирсанова и М. Осиповой в дер. Бабино 3.

Здесь надо отметить симметричность расположения частей и целесообразность такого архитектурного решения с точки зрения удешевления постройки. Такая двойная рига вполне заменяет две отдельные риги.

ТАБЛ. XXXVIII.

Печь для просушивания зерна в риге кр. Н. Ефимова в дер. Репино.

Эта печь была заново переложена в прошлом году. Конструкция новой печи в общем такая же, как и во всех печах риг этого края, и от старых печей отличается только незначительными деталями. На данном рисунке она изображена в изометрической проекции, в продольном разрезе и в плане. Здесь видно, что продукты горения из топочного помещения по отверстиям в своде идут в надсводное пространство, из которого ходами в передней стенке свода попадают в колпак над печью, а из колпака, через двойной ряд отверстий в передней его стенке, выходят в виде дыма в помещение риги.

Акварели
Руфина Михайловича Габе
из собрания
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

*Изба. Ленинградская обл., Котельский р-н, д. 2-я Бабино. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-1. Публикуется впервые*

Деталь избы М. П. Брякова с резными подвесками и причелиной
в д. Бабино 2 б. Котельской волости (акварель). 1927. Водь.
Рисунок, акварель. РЭМ 5230-6. Публикуется впервые

Ворота во двор крестьянина А. В. Архипова в д. Большой Конец
б. Котельской волости. 1927. Водь.
Рисунок, перо. РЭМ 5230-9. Публикуется впервые

*Наличник окна со ставнями.
Ленинградская обл., Котельский р-н, д. Пиллово. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-10. Публикуется впервые*

*Наличник окна со ставнями.
Ленинградская обл., Котельский р-н, д. 2-я Бабино. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-11. Публикуется впервые*

Наличник окна.

Ленинградская обл., Котельский р-н, д. 2-я Бабино. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-14. Публикуется впервые

Наличник окна со ставнями.

Ленинградская обл., Котельский р-н, д. 2-я Бабино. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-15. Публикуется впервые

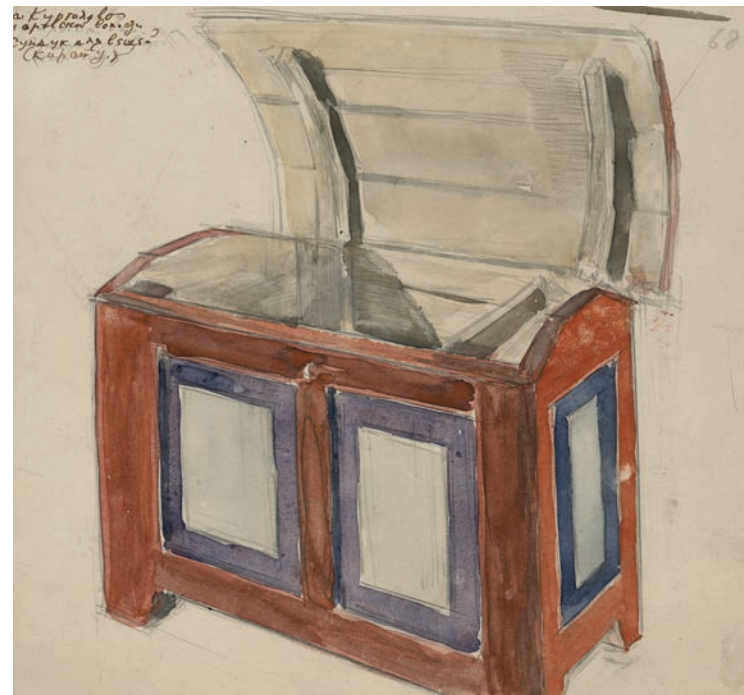
Наличник окна со ставнями.
Ленинградская обл., Котельский р-н, д. Пиллово. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-16. Публикуется впервые

Наличник окна со ставнями.
Ленинградская обл., Котельский р-н, д. Ундово. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-18. Публикуется впервые

Изда кр. Ивана Рыбина. Ленинградская обл., Котельский р-н, д. Пиллово. 1927. Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-4. Публикуется впервые

Деревянный сундук для одежды.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол.,
д. Курголово. 1926.
Финны савакот. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-5.
Публикуется впервые

Наличник окна со ставнями.
Ленинградская обл., Котельский р-н, д. Большой конец. 1927.
Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230-19. Публикуется впервые

Молодая замужняя женщина в праздничном костюме.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Липово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144 - 3, 4. Публикуется впервые

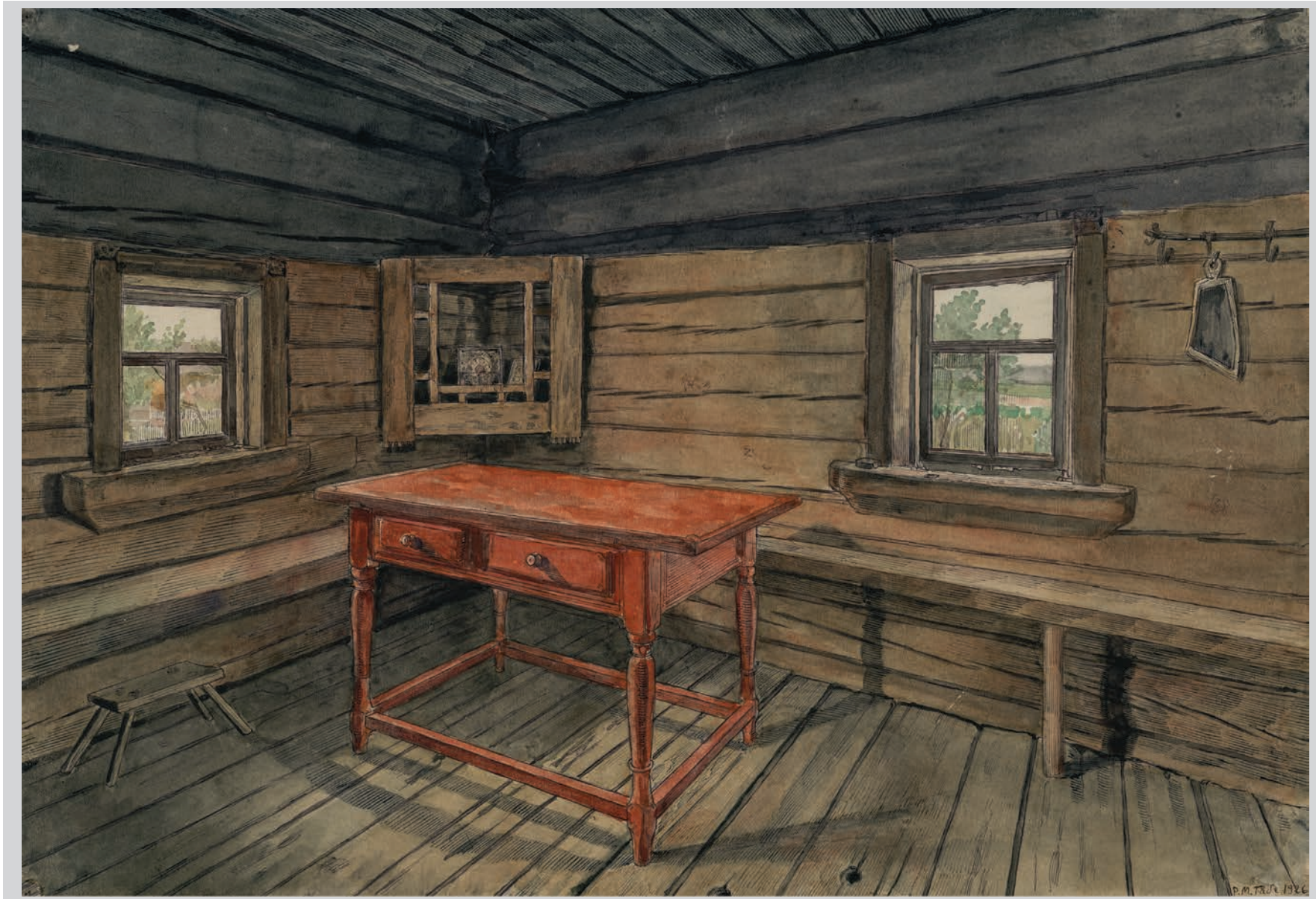
Черная изба крестьянина Яковлева. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол. д. Логи. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-22

Дом с каменным хозяйственным двором. Ленинградская губ., Кингисеппский у. Сойкинская вол., д. Гамолово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–25. Публикуется впервые

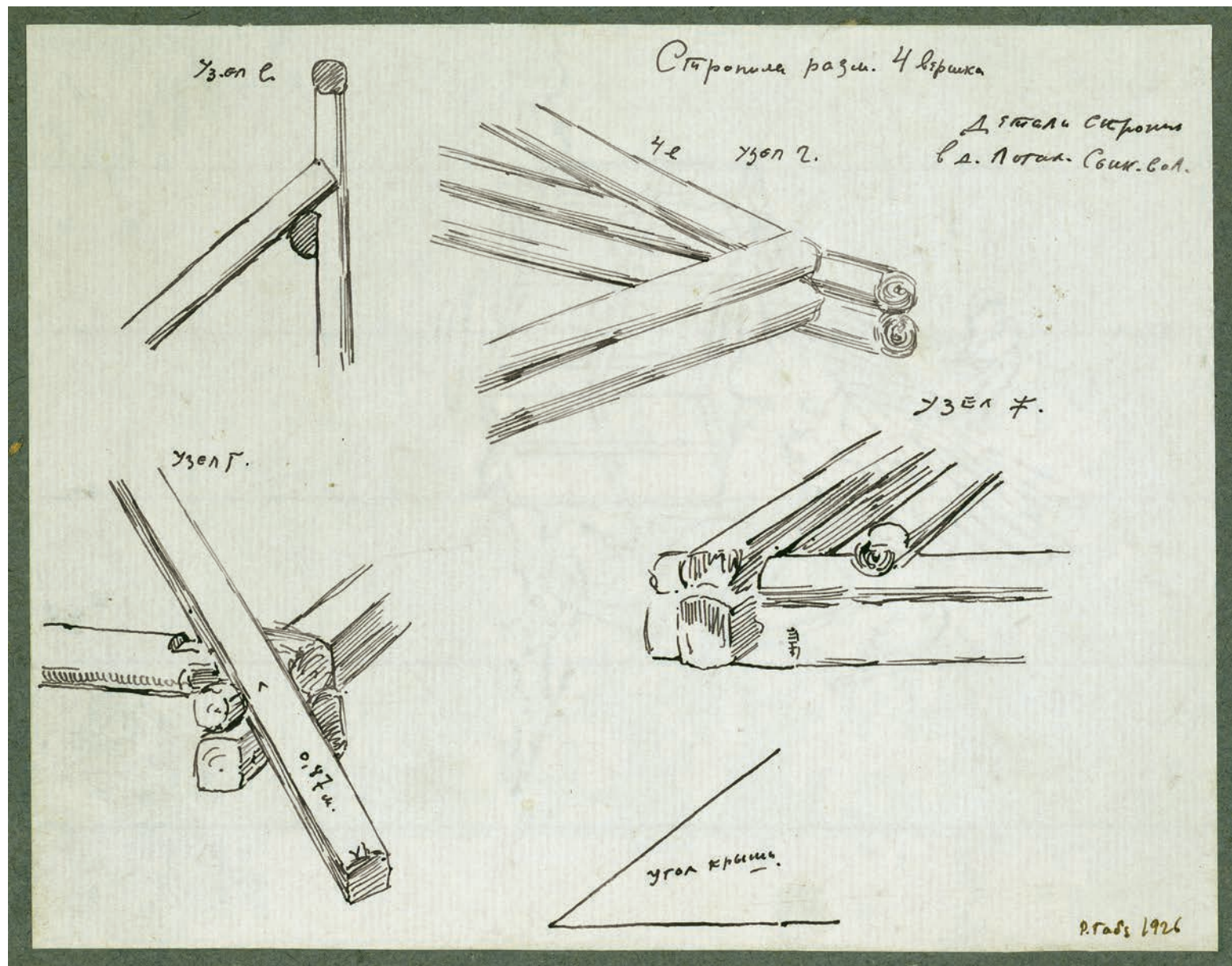
Дом Василия Сидорова (фрагмент стены с окном). Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Липово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-26. Публикуется впервые

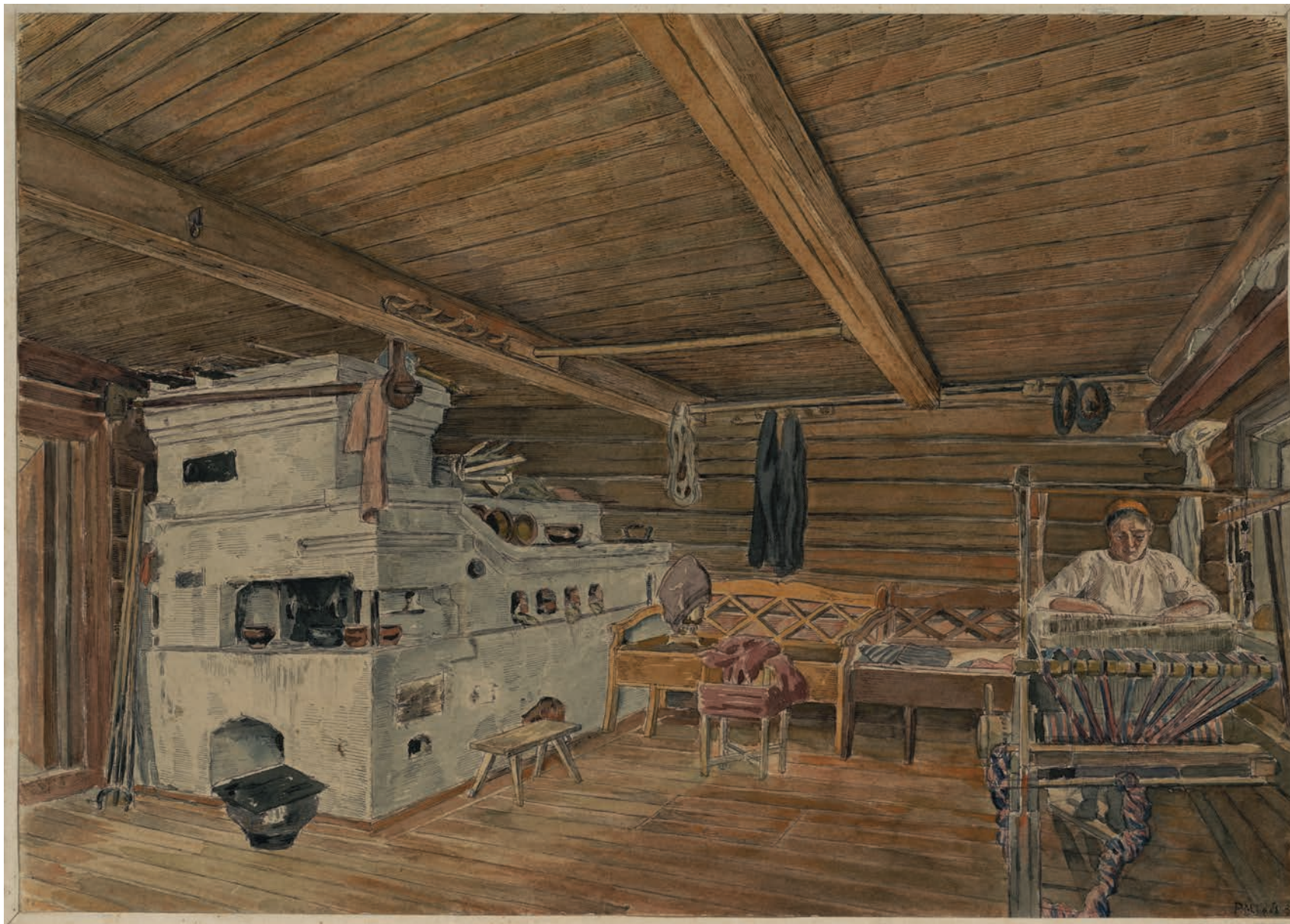
*Интерьер черной избы Ивана Еремеева. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Логи. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-28*

*Интерьер черной избы Ивана Еремеева. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Логи. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-27*

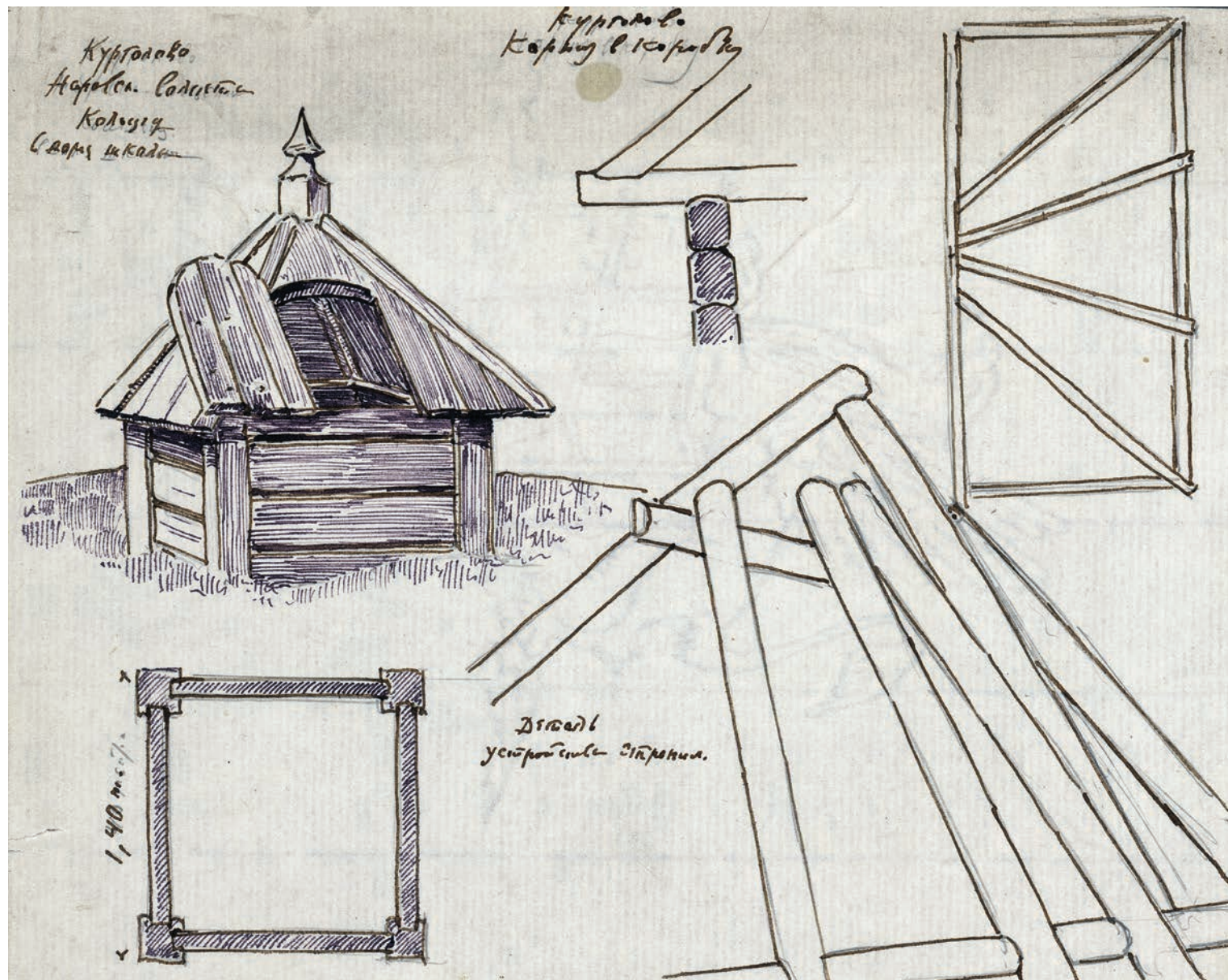
Стропила. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Соикинская вол., д. Логи. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-6

*Интерьер избы Борисова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Репино. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-29*

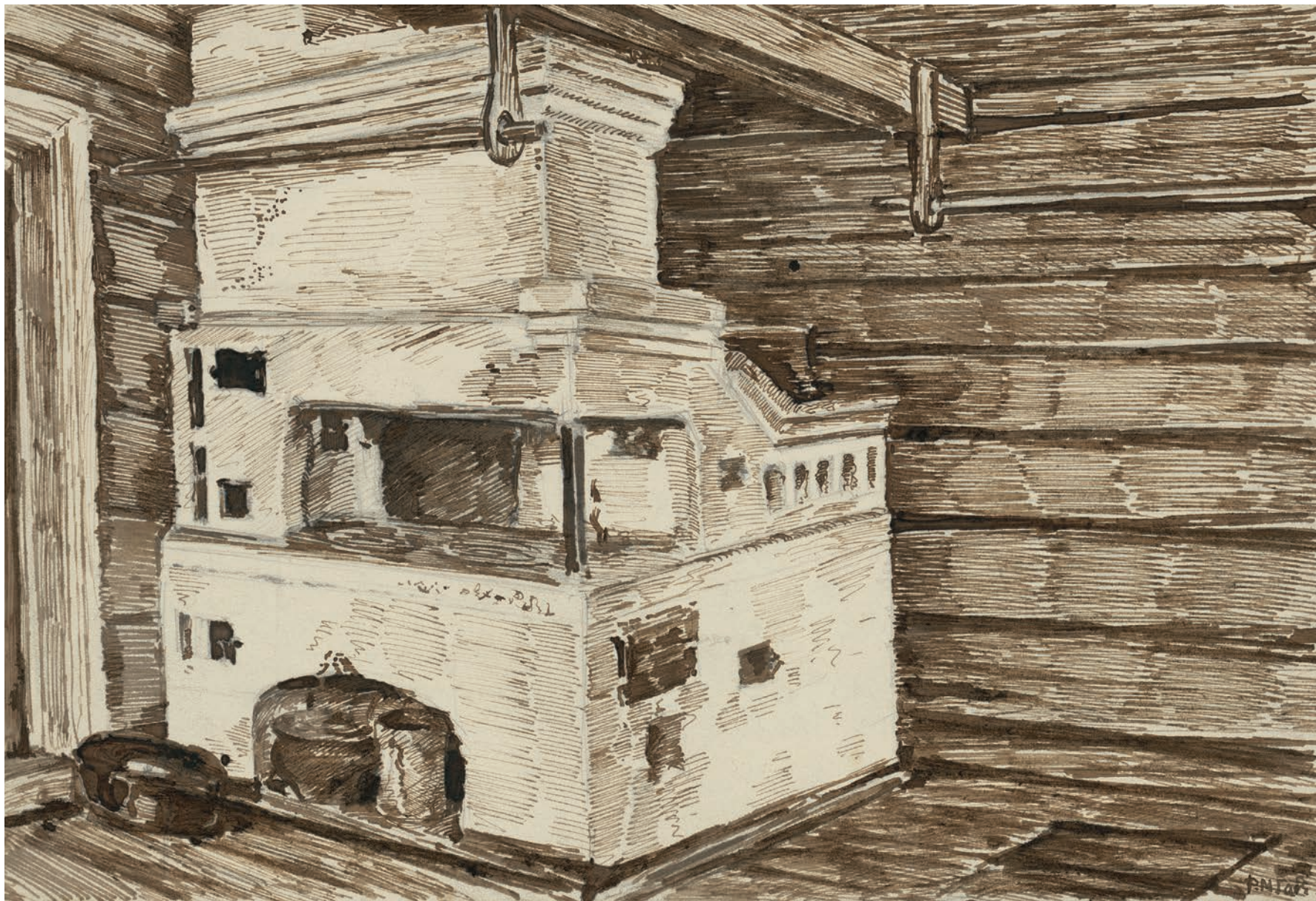
*Интерьер дома. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Курголово. 1926.
Финны савакот. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-30*

Колодец и стропила. Карниз в коробку. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Курголово. 1926.
Финны савакот. Рисунок пером. РЭМ 13144-7

*Печь в черной избе М. Тарасовой. Ленинградская губ., Кингисеппский у. Сойкинская вол., д. Гамолово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-31*

*Печь в черной избе Егорова. Ленинградская губ., Кингисеппский у. Сойкинская вол., д. Гамолово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-32. Публикуется впервые*

↑ Печной столб — деталь черной печки.

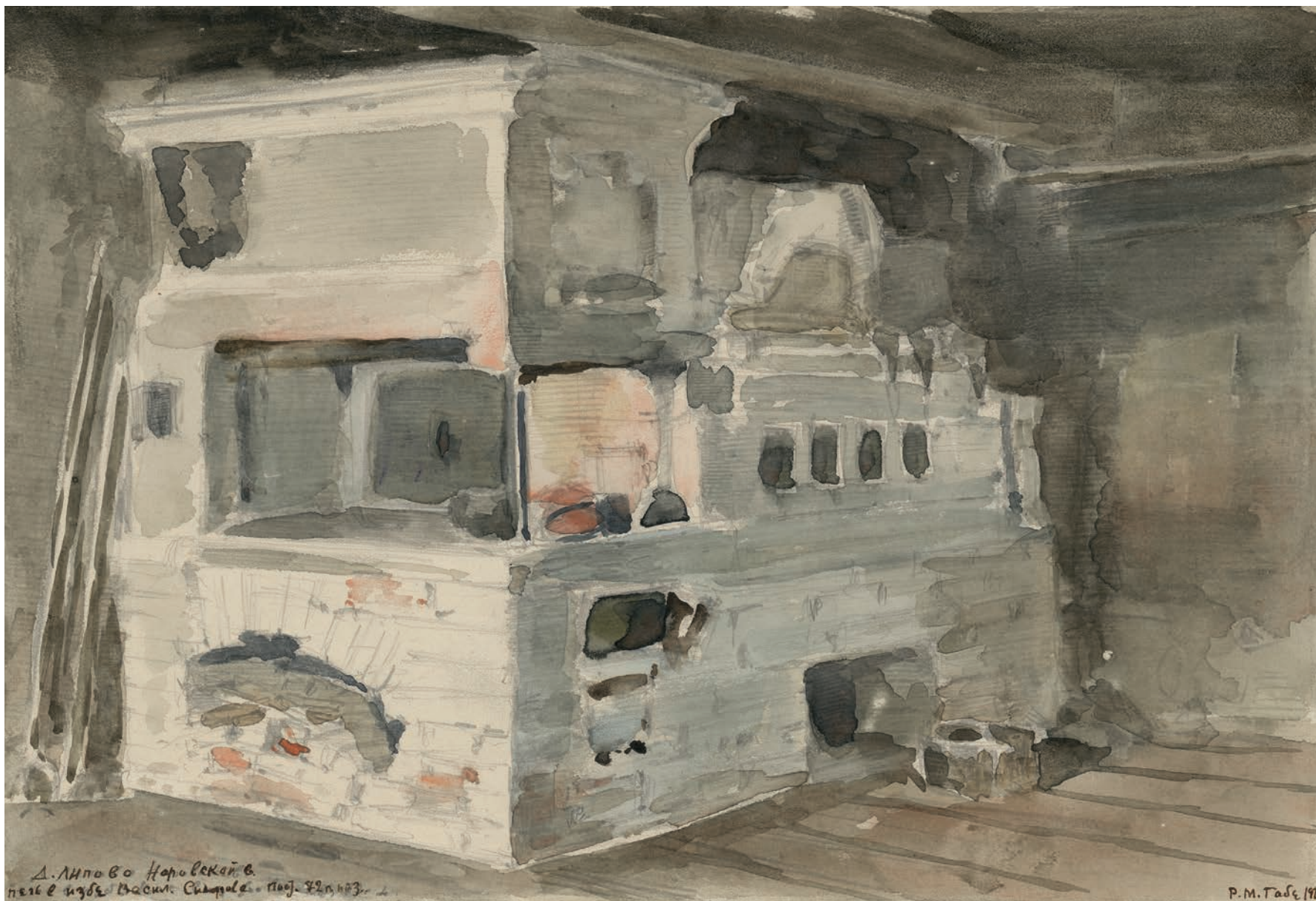
Ленинградская губ., Кингисеппский у. Сойкинская вол., д. Логи. 1926.

Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–33. Публикуется впервые

∩ Изба крестьянина Филиппа Васильева.

Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Бабино 1.

Водь. Рисунок, акварель. РЭМ 5230–2. Публикуется впервые

Печь в избе В. Сидорова. Ленинградская губ., Кингисеппский у. Наровская вол., д. Липово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-32. Публикуется впервые

*Зафиксирован момент складывания русской печи.
Ленинградская губ., Кингисеппский у. Сойкинская вол., д. Репино. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–35. Публикуется впервые*

Каменный двор Савелия Афанасьевича Сидорова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Липово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-36

*Внутренний вид каменного двора Анны Никифоровой. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Репино. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–37. Публикуется впервые*

*Рига крестьянина Селиверстова.
Ленинградская губ., Кингисеппский у. Сойкинская вол., д. Логи. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–38. Публикуется впервые*

*Внутренний вид старой риги. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Глинки. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–39. Публикуется впервые*

Деревянный амбар с четырехскатной крышей. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Глилки. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–48. Публикуется впервые

Фасад черной бани Кузьмы Алексева.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Криворучье. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-50

Внутренний вид черной бани Н. Ефимова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Репино. 1926. Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–52

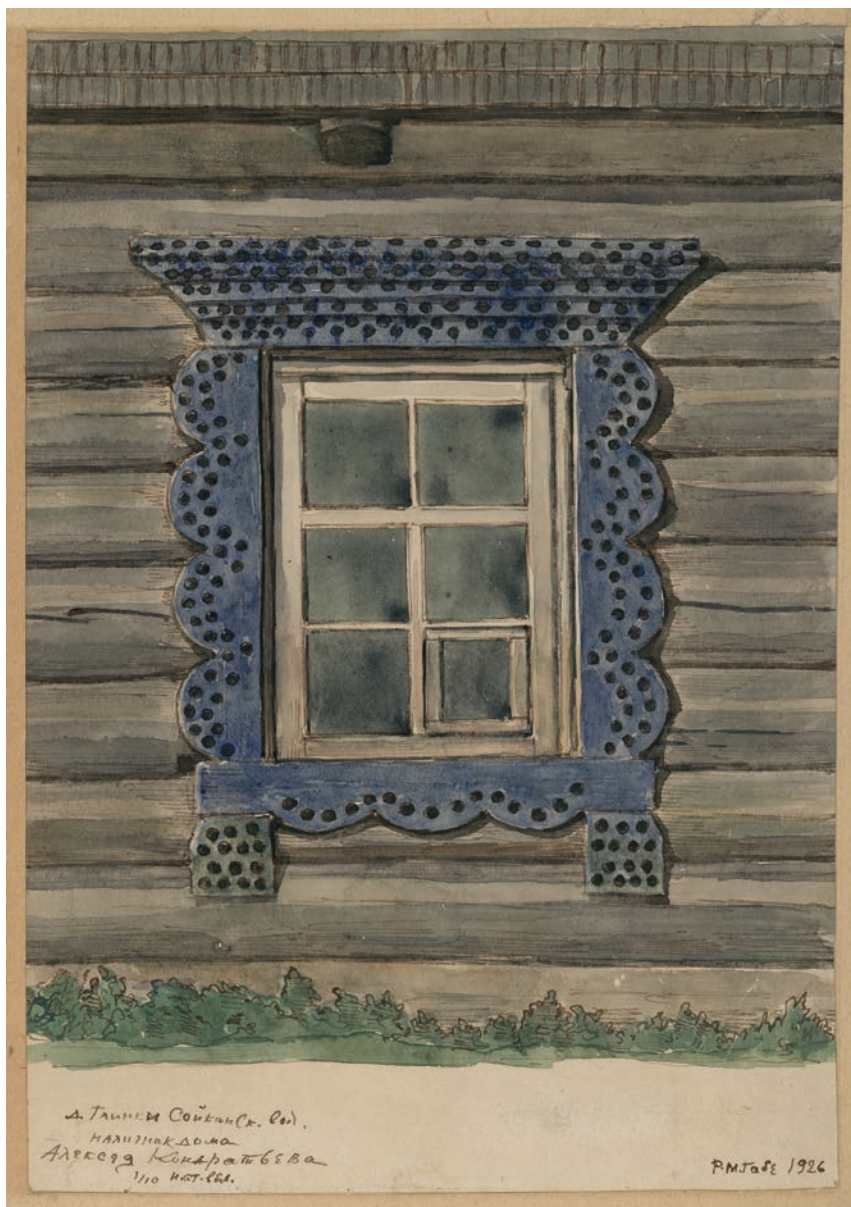

*Деревенская улица. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Логи. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-54*

↑ Деталь наличника окна в доме Алексея Кондратьева.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Глинки. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–61. Публикуется впервые

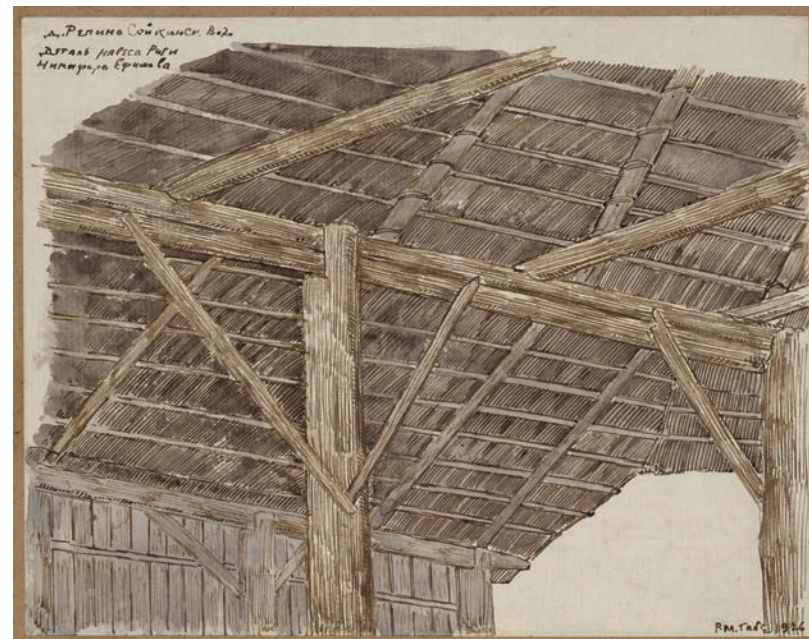
↘ Деревянный колодец.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Криворучье. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144–53. Публикуется впервые

Наличник окна в доме Алексея Кондратьева.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Глинка. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-62. Публикуется впервые

Наличник окна в доме Егора Антипова.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Колгомня. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-67. Публикуется впервые

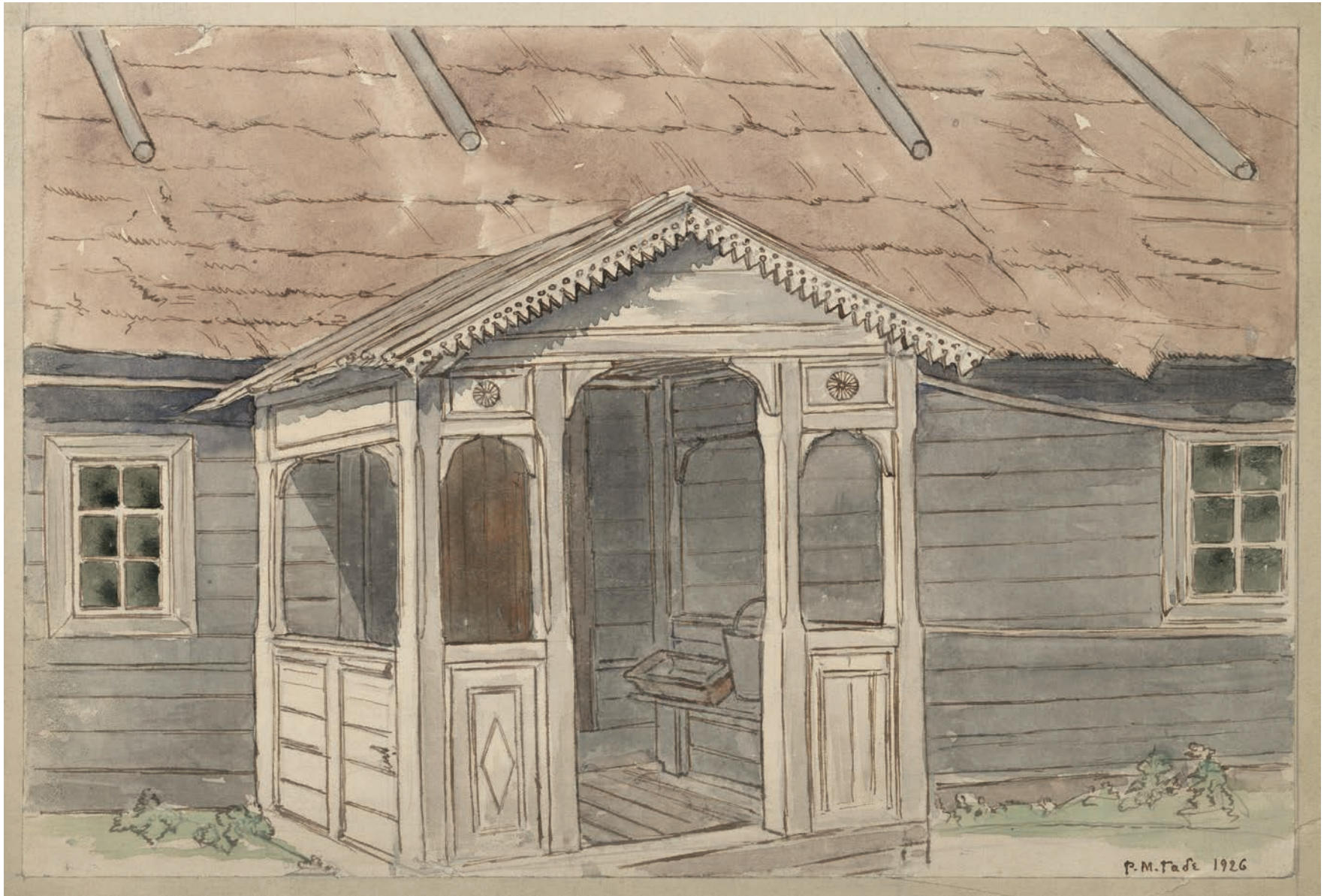

↑ Деталь конструкции навеса старой риги
Никифора Ефимова. Ленинградская губ.,
Кингисеппский у. Сойкинская вол., д. Репино.
1926. Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-43.
Публикуется впервые

↙ Наличник окна со ставнями
в доме Макара Григорьева.
Ленинградская губ., Кингисеппский у.,
Сойкинская вол., д. Логи. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-60. Публикуется впервые

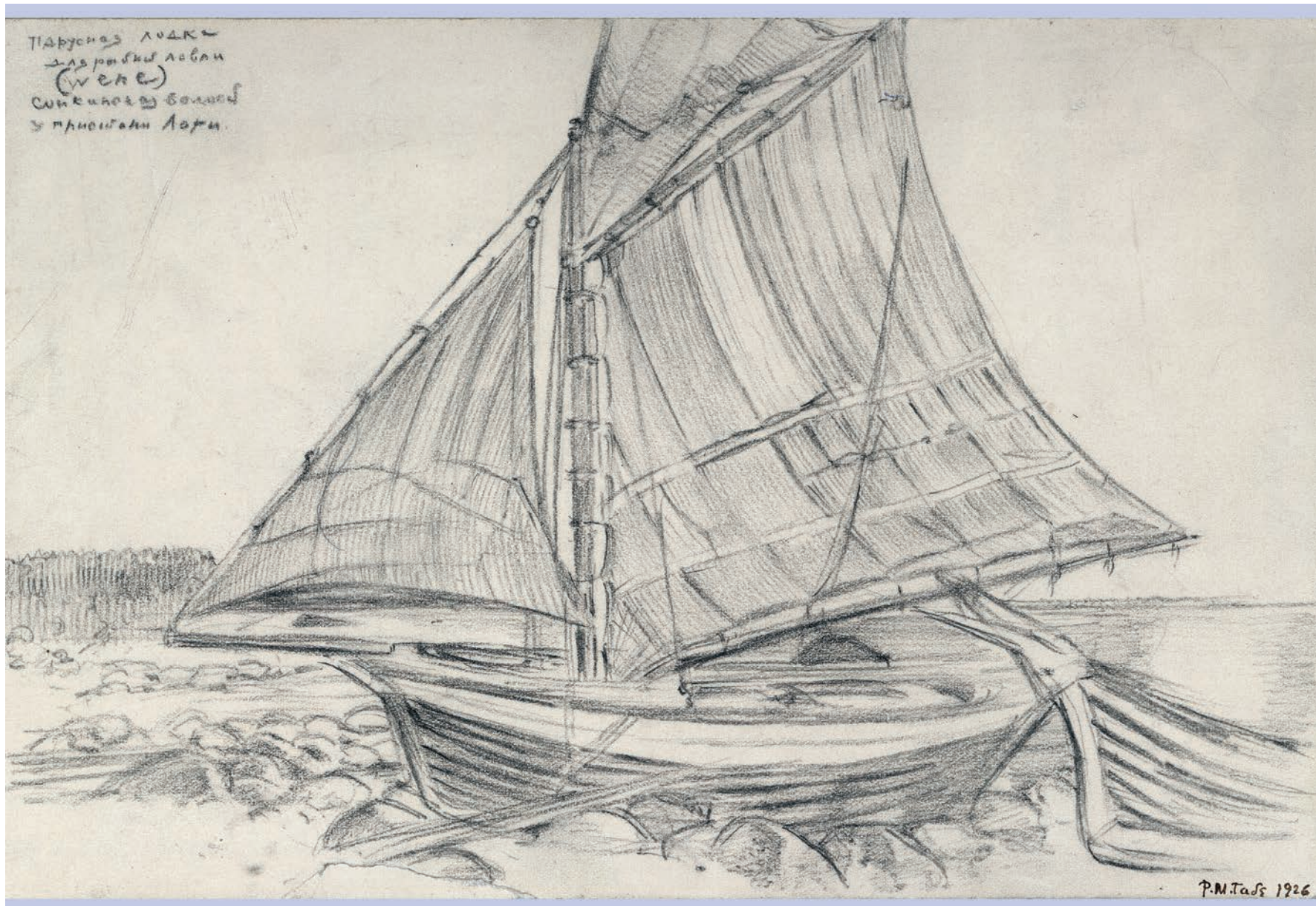
Крыльцо дома Александра Прокофьева. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Андреевщина. 1926. Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-73. Публикуется впервые

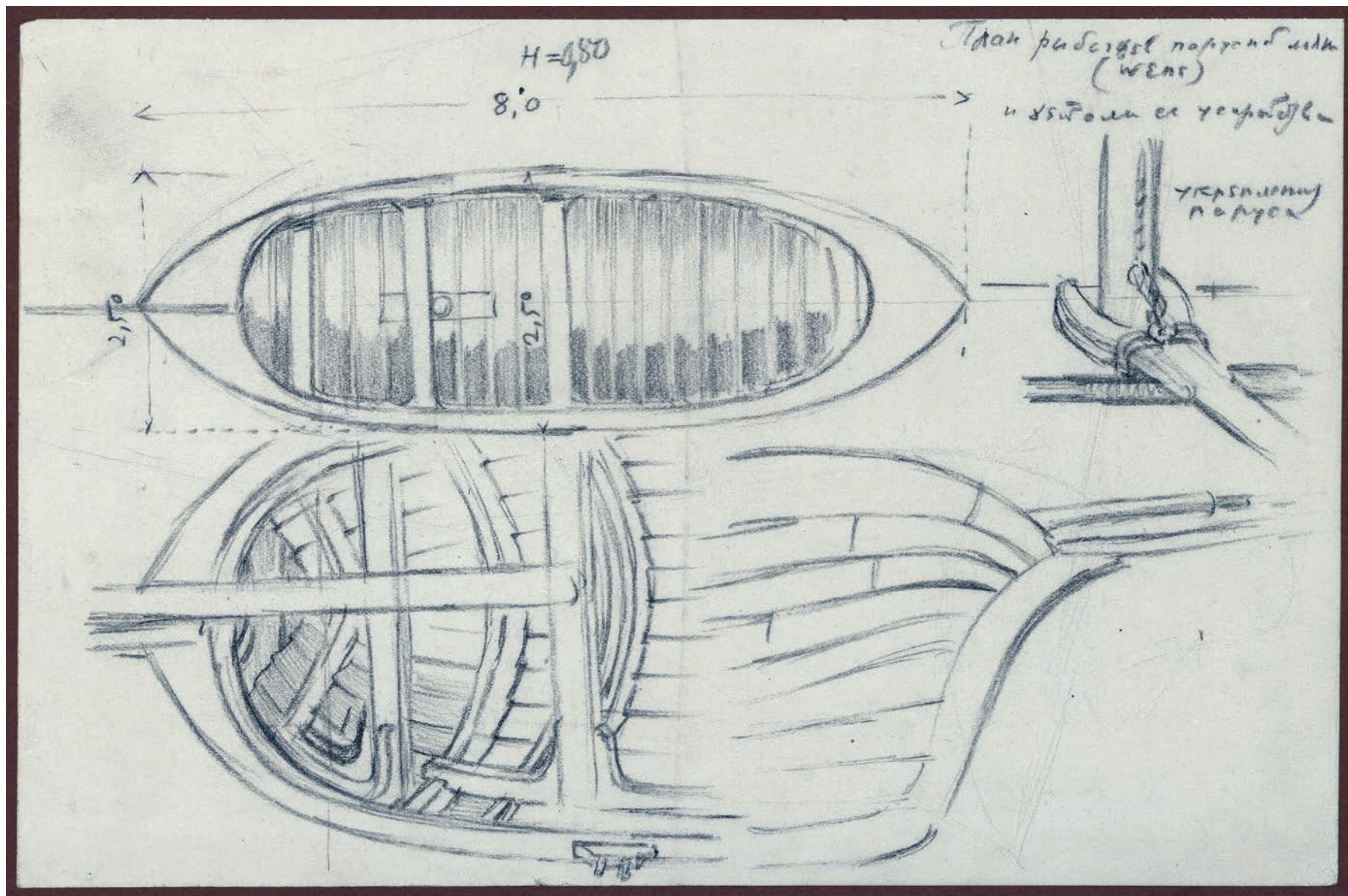
Крыльцо дома Павла Киселева. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Липово. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-75. Публикуется впервые

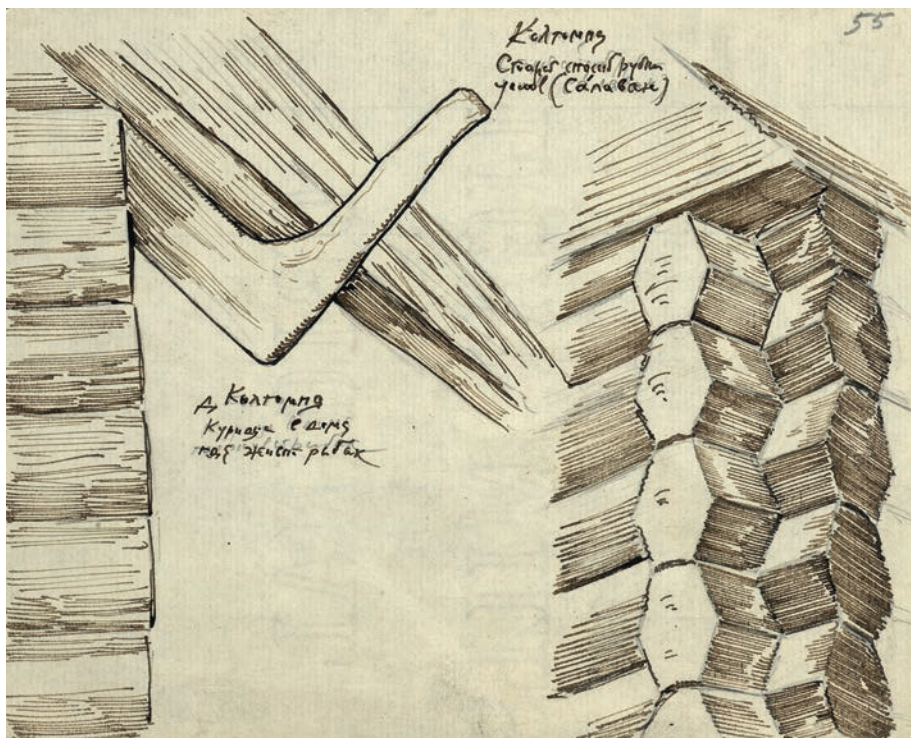
Фасад старой риги. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Глинка. 1926.
Ижора. Рисунок, акварель. РЭМ 13144-77

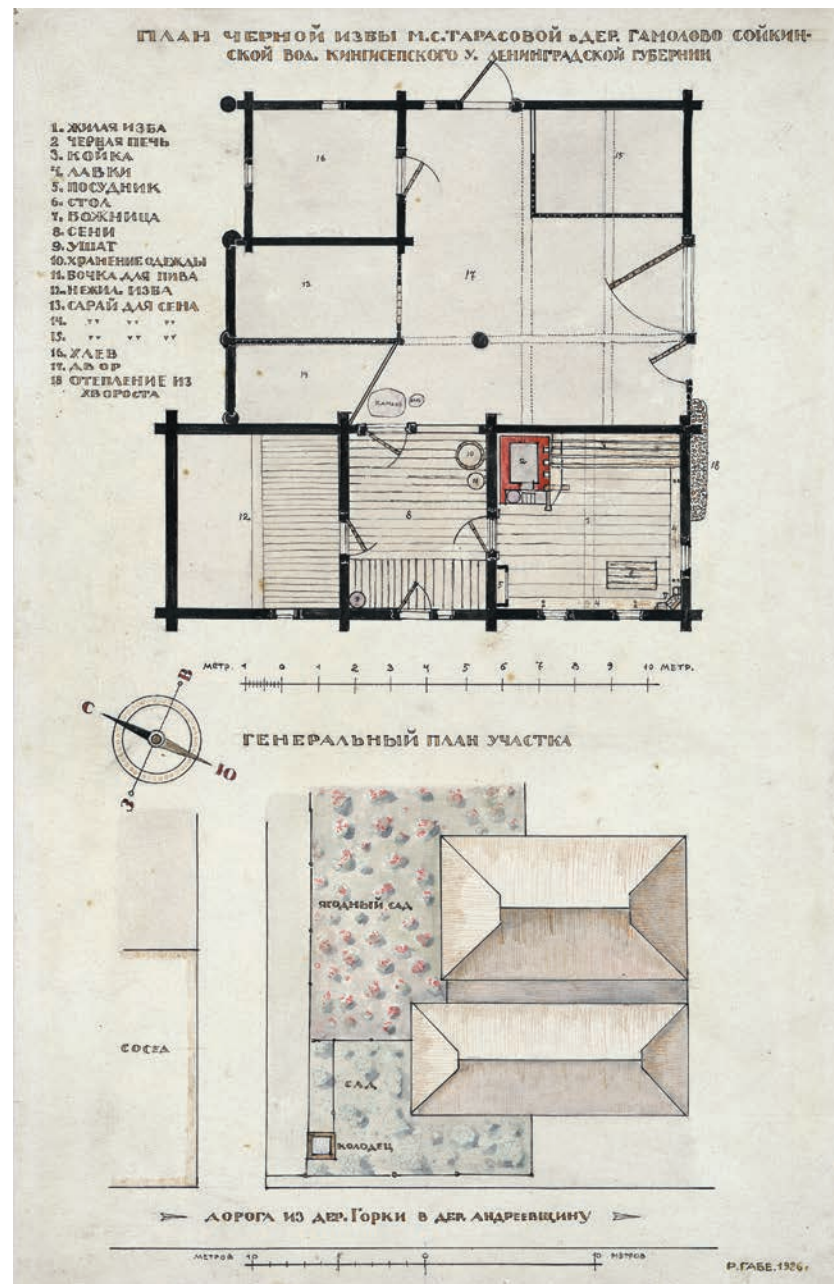
Парусная лодка для рыбной ловли (Wepe). Сойкинская вол. пристань у д. Логи. 1926. Ижора. Рисунок, карандаш. РЭМ 13144-1

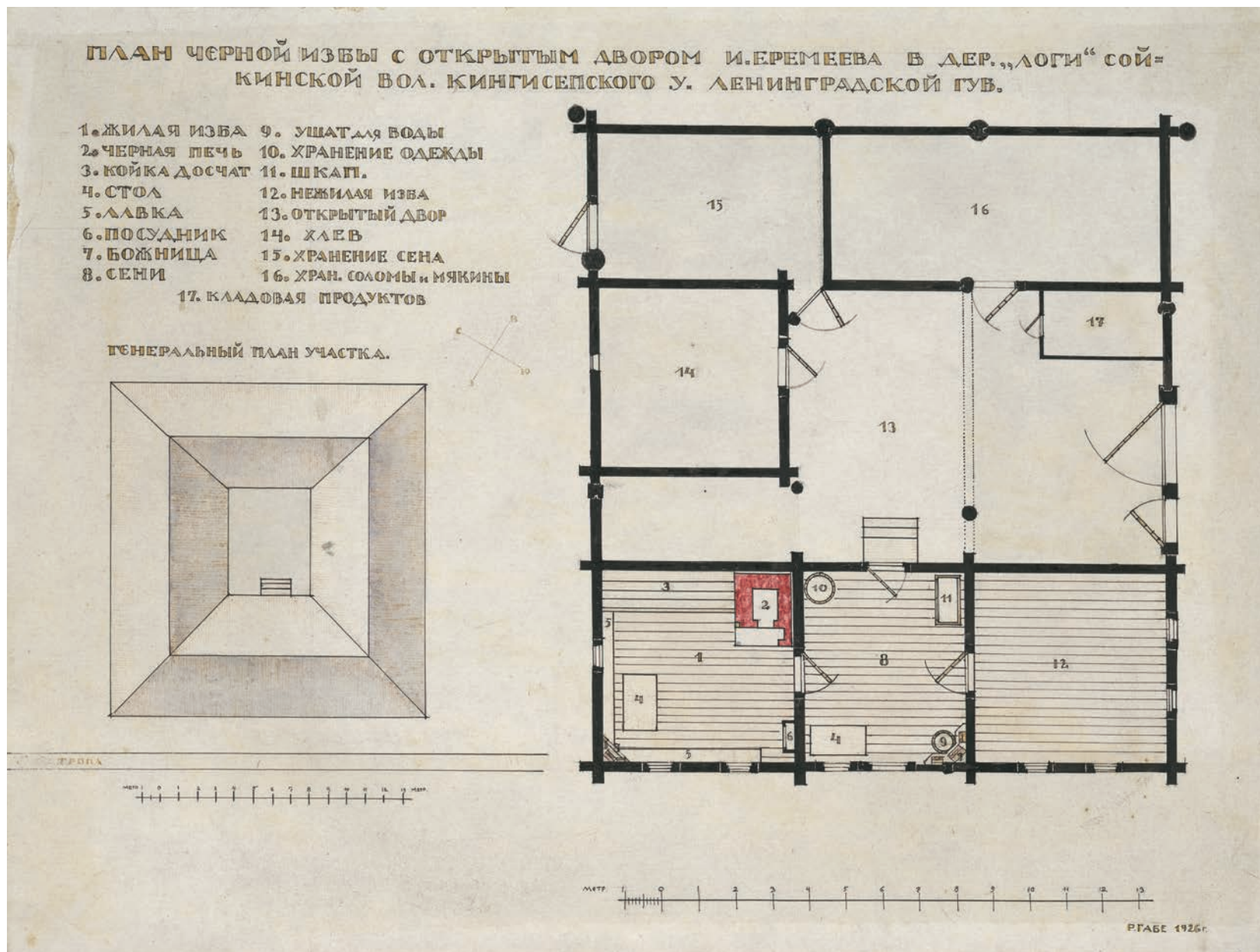
План парусной лодки для рыбной ловли (Wepa). Сойкинская вол. пристань у д. Логи. 1926. Ижора. Рисунок, карандаш. РЭМ 13144-2

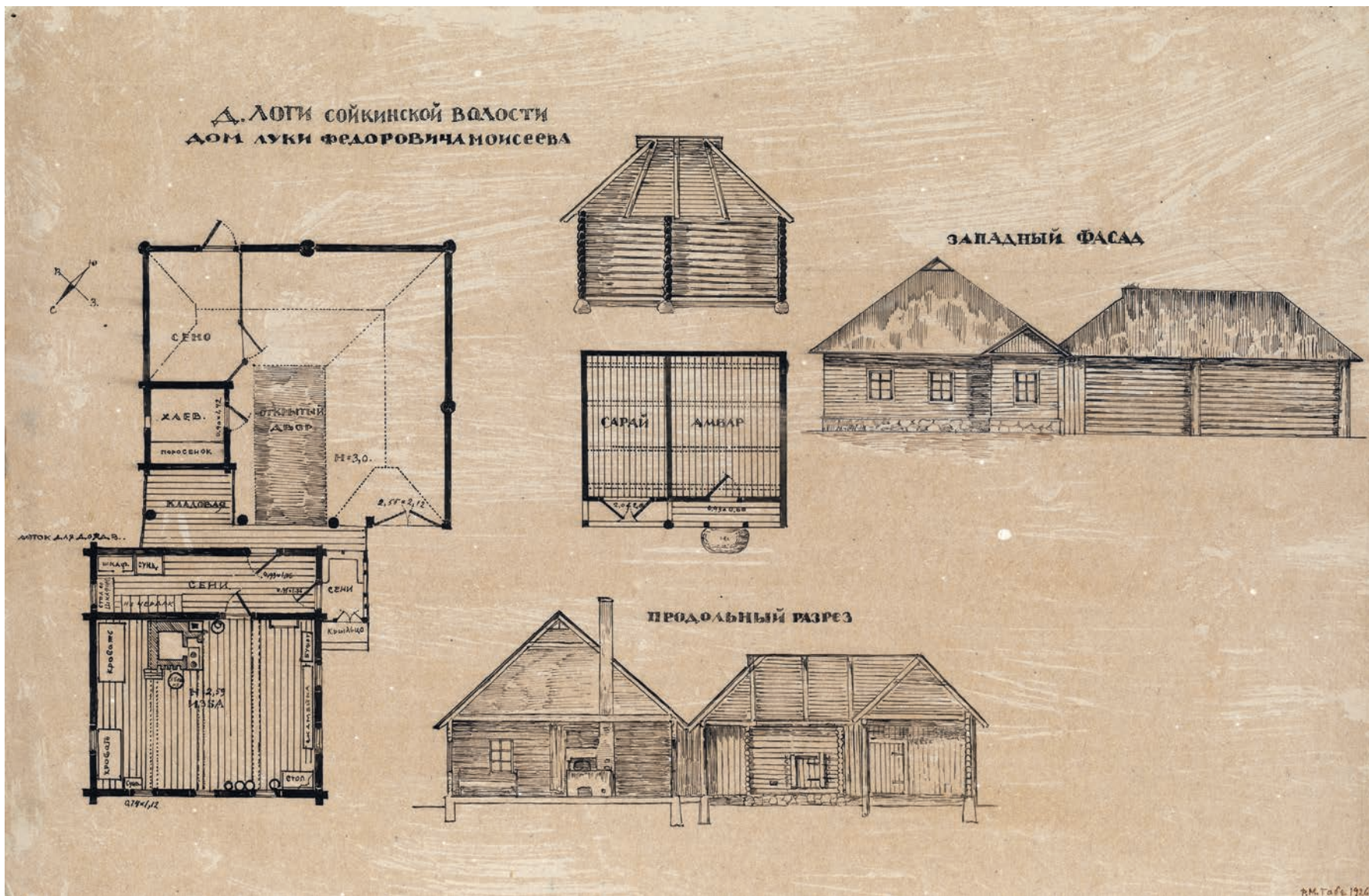
↑ Деталь кровли крыши на курицах и пример рубки углов стен амбаров в д. Колгомя. 1926. Ижора. Рисунок, карандаш. РЭМ 13144-8

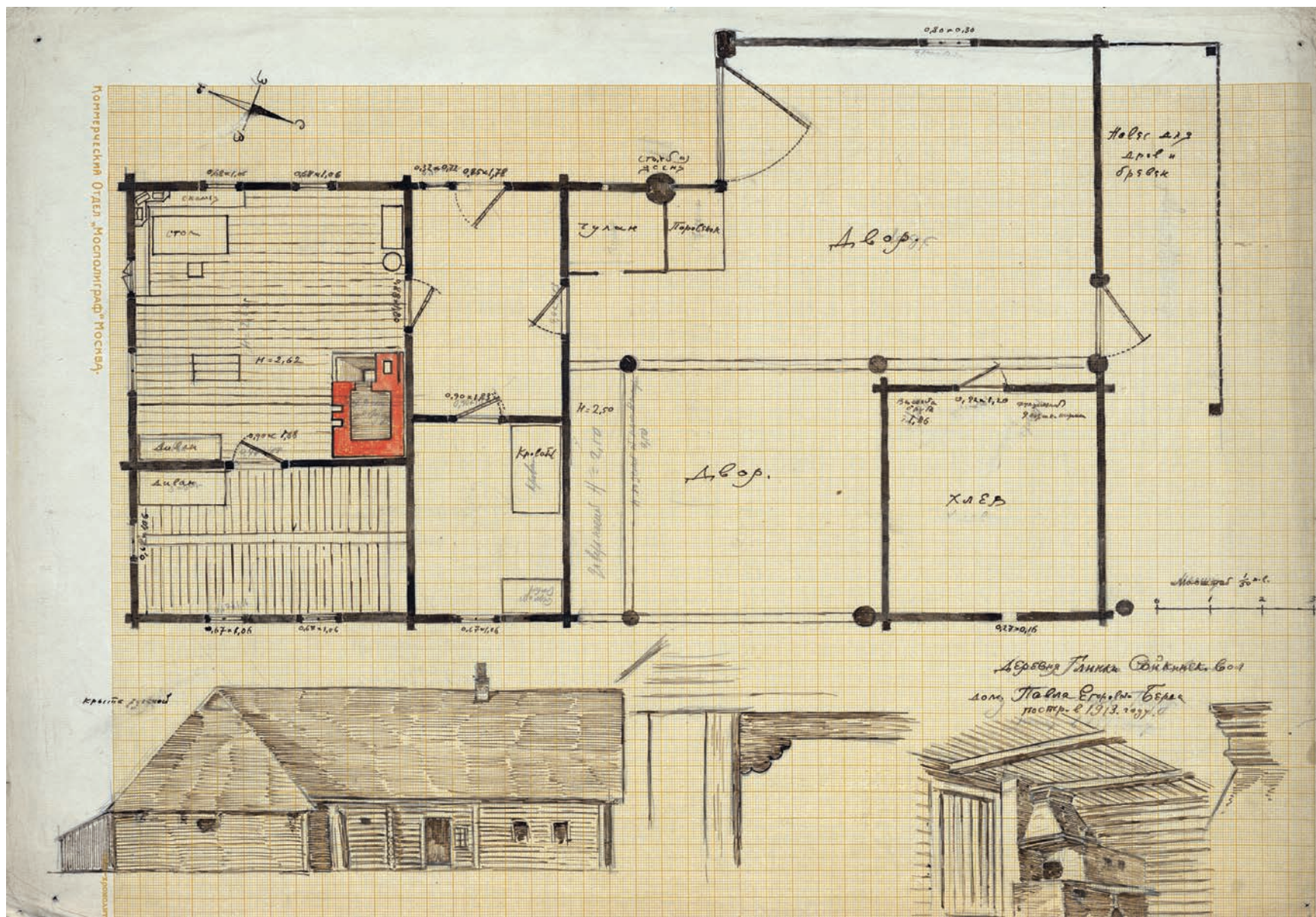
↘ План черной избы крестьянки М. С. Тарасовой в д. Гамолово б. Сойкинской волости. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, акварель. РЭМ 13144-10

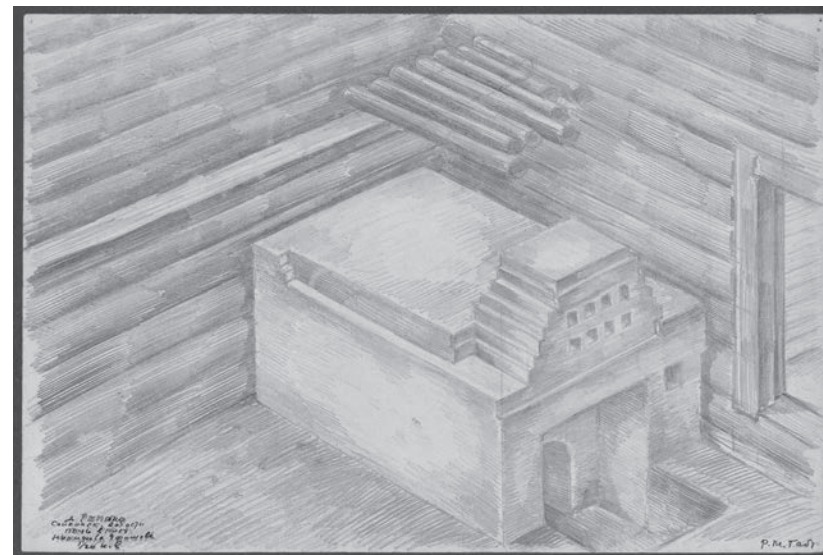
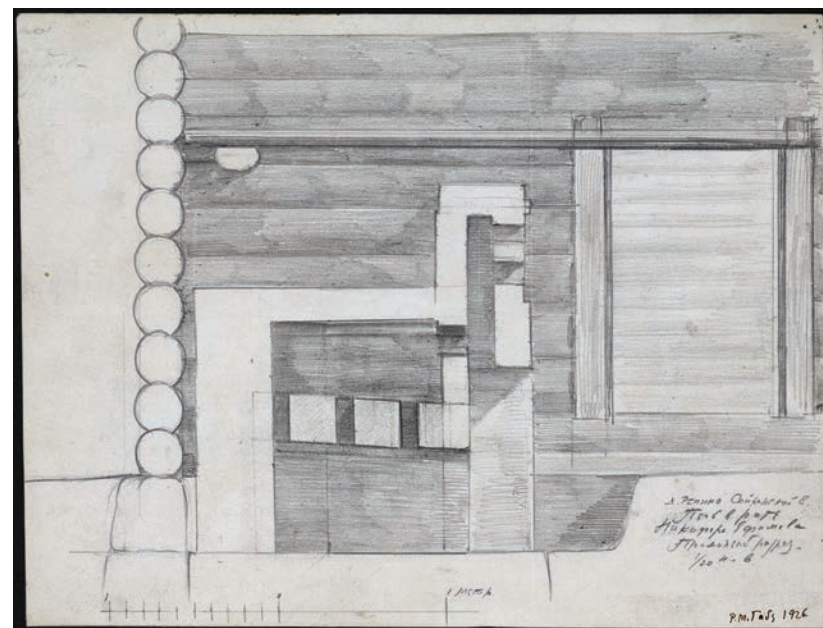
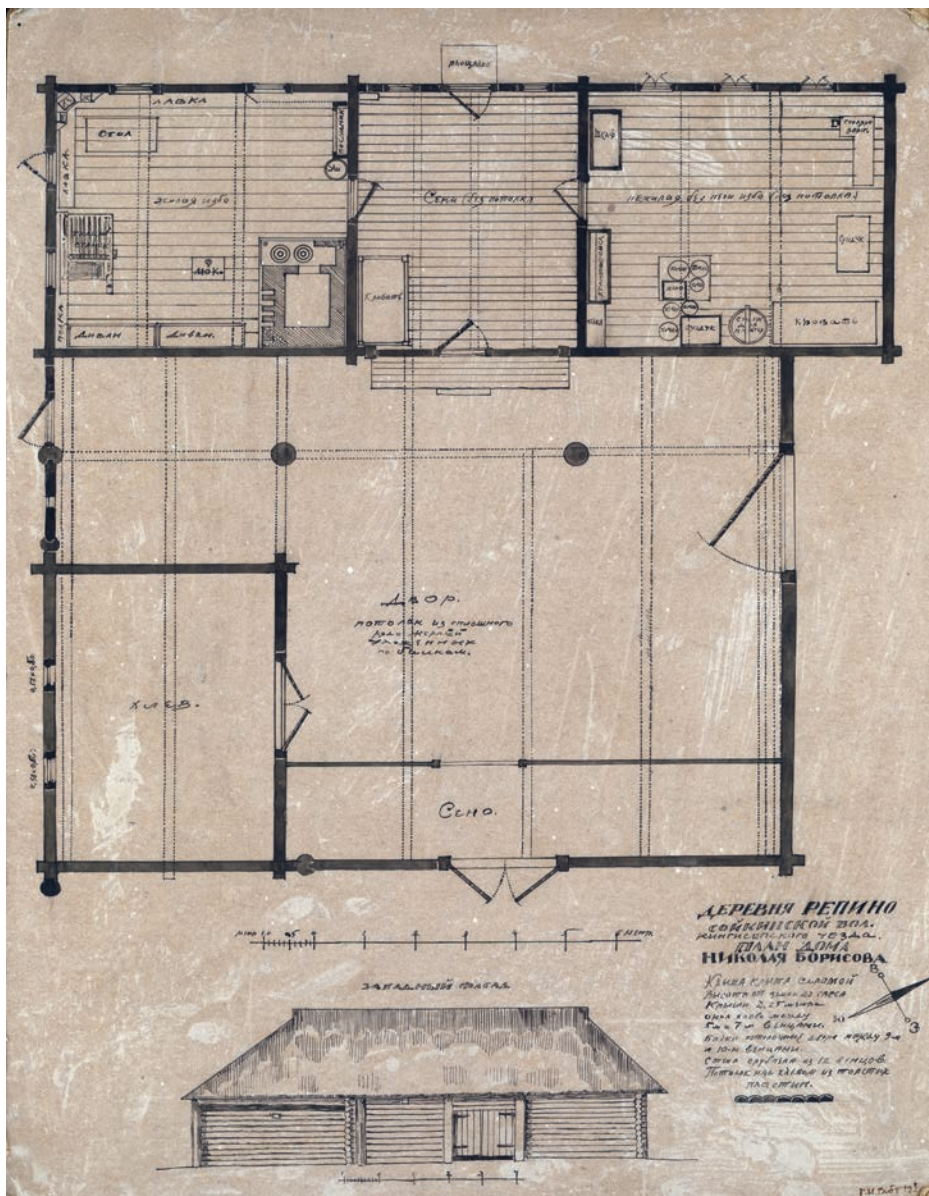
План черной избы с открытым двором крестьянина И. Еремеева в д. Логи б. Сойкинской волости. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, акварель. РЭМ 13144-9

Дом Луки Фёдоровича Моисеева в д. Логи б. Сойкинской волости. 1926. Ижора. Рисунки, тушь, акварель. РЭМ 13144-15

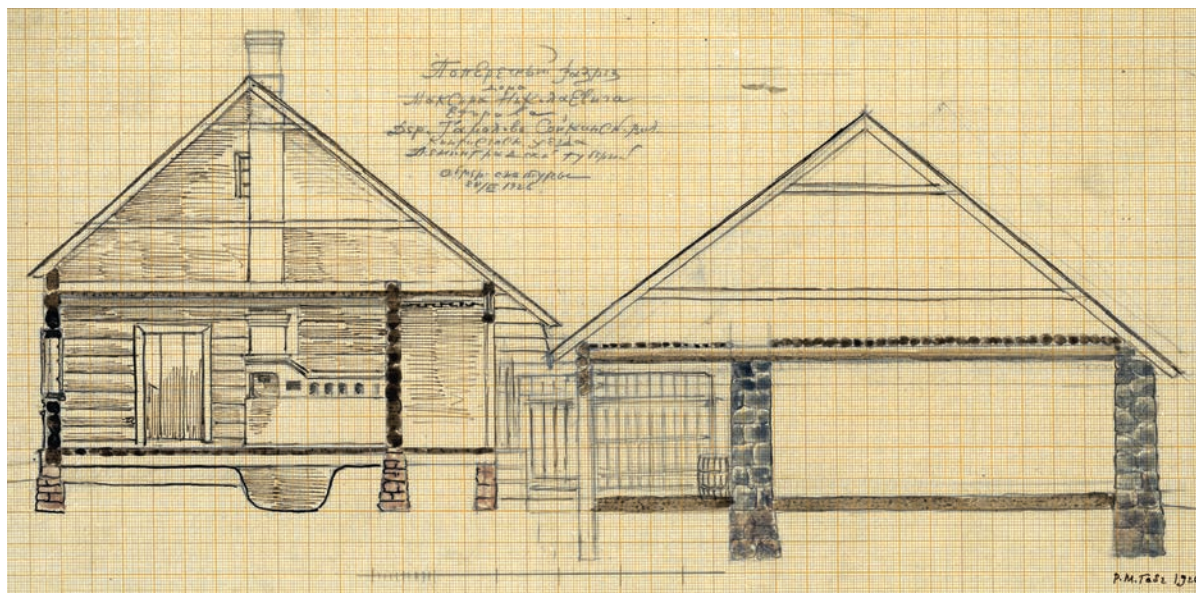
План и рисунок дома Павла Егоровича Берда (пост. 1913 году). Ленинградская губ., Кингисеппский у., Соикинская вол., д. Глинка. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-13

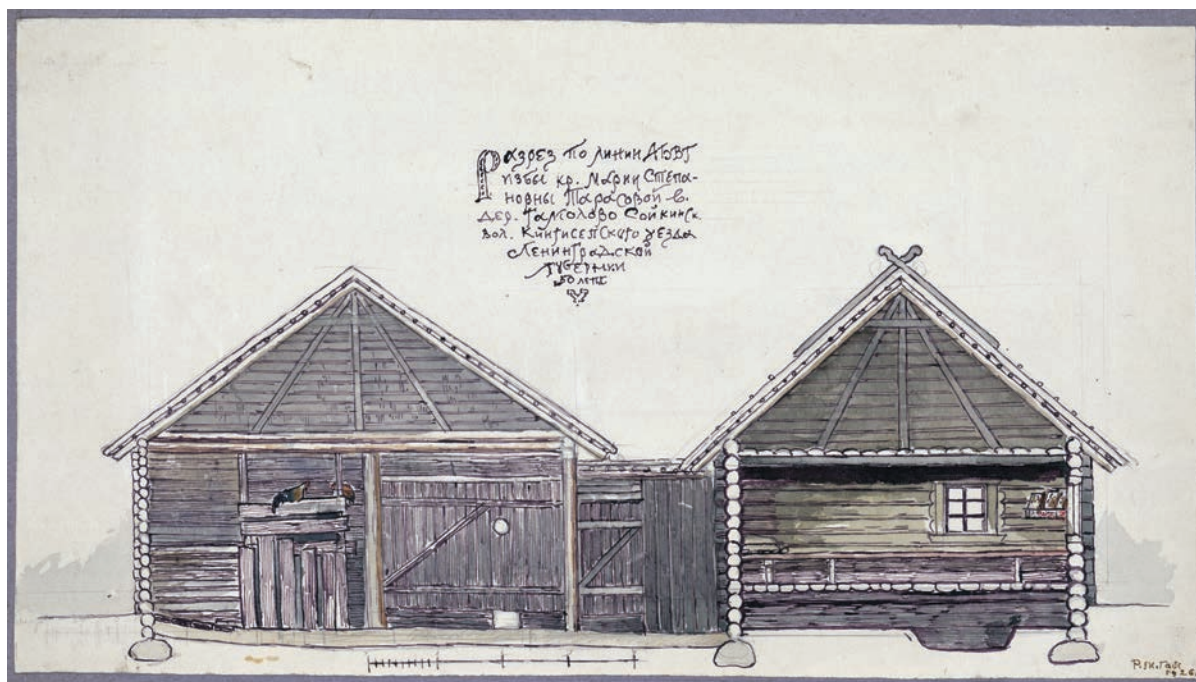
План дома Н. Борисова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Репино. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-16

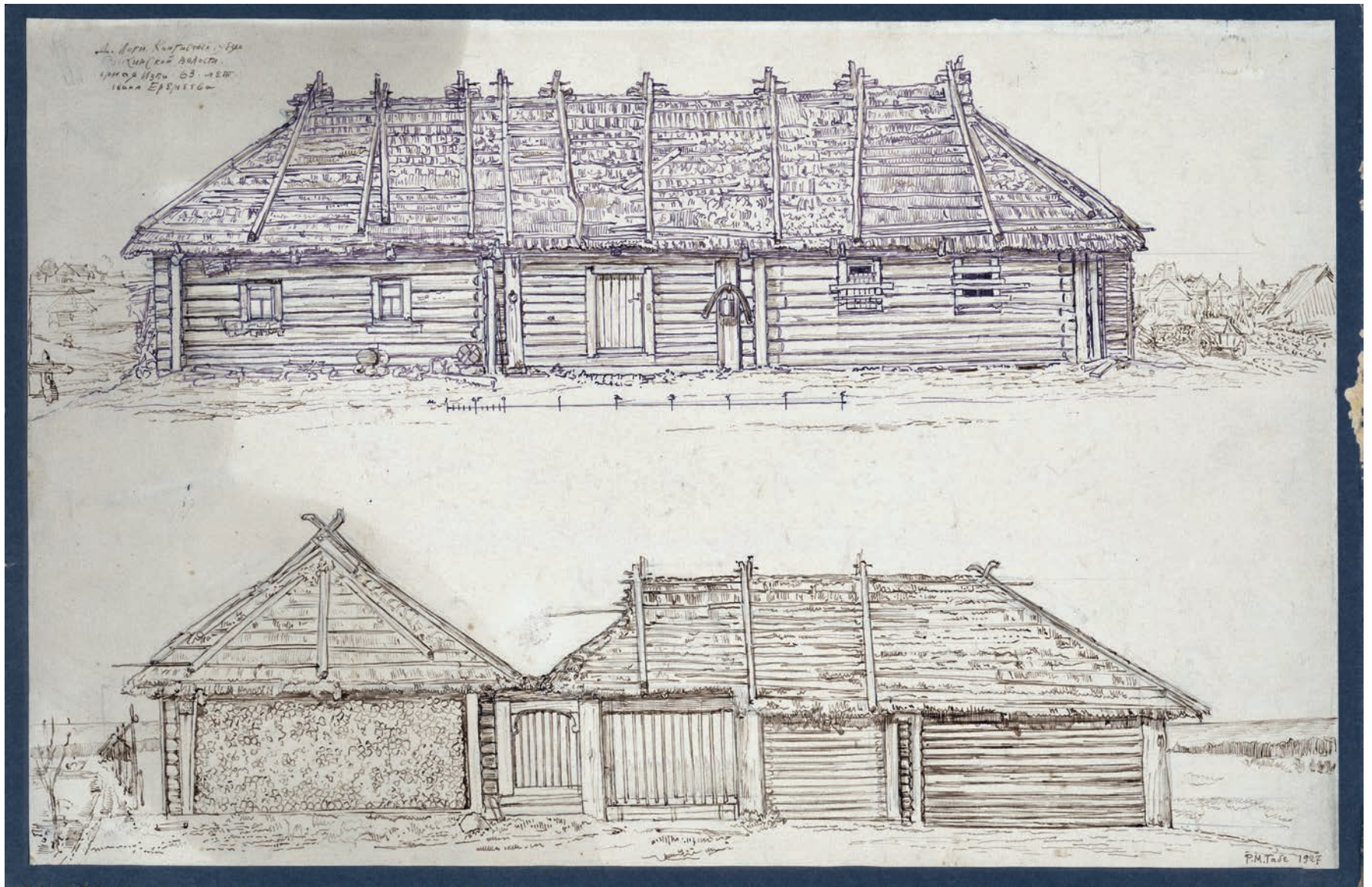
Печь в доме Никифора Ефимова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Репино. 1926. Ижора. Рисунок, карандаш. РЭМ 13144-45

Поперечный разрез дома
Максима Николаевича Егорова.
Ленинградская губ., Кингисептский
у., Сойкинская вол., д. Гамолово. 1926.
Ижора. Рисунок, тушь, карандаш,
акварель. РЭМ 13144-20

Поперечный разрез избы
кр. Марии Степановны Тарасовой.
Ленинградская губ., Кингисептский
у., Сойкинская вол., д. Гамолово. 1926.
Ижора. Рисунок, тушь, карандаш,
акварель. РЭМ 13144-21

Чёрная изба Ивана Еремеева. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Лог. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-23

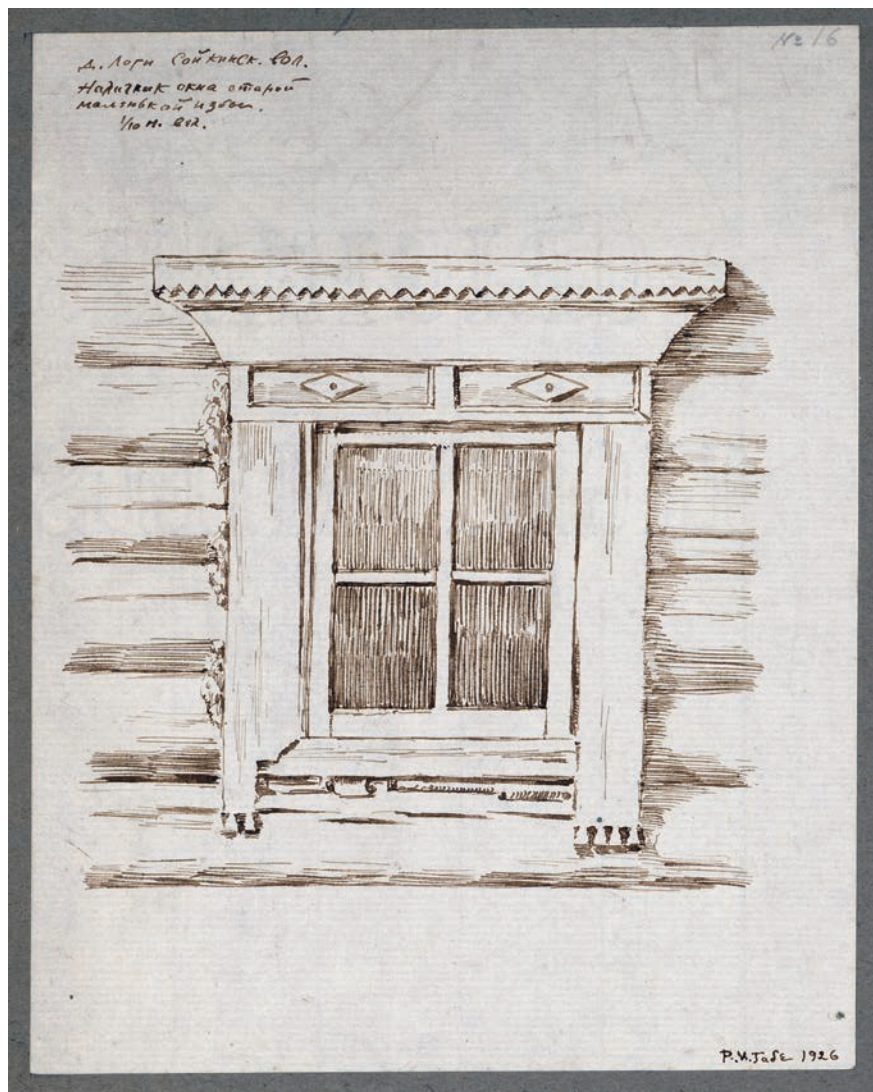
Хутор председателя Курголовского сельсовета Даниила Павловича Леонтьева. Ленинградская губ., Кингисептский у., Наровская вол., д. Курголово. 1926.
Финны савакот. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-24

↑ Наличник нежилой чёрной избы Ивана Семёнова.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Логи.
1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-55

↗ Деталь наличника нежилой чёрной избы Ивана Семёнова.
Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Логи.
1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-56

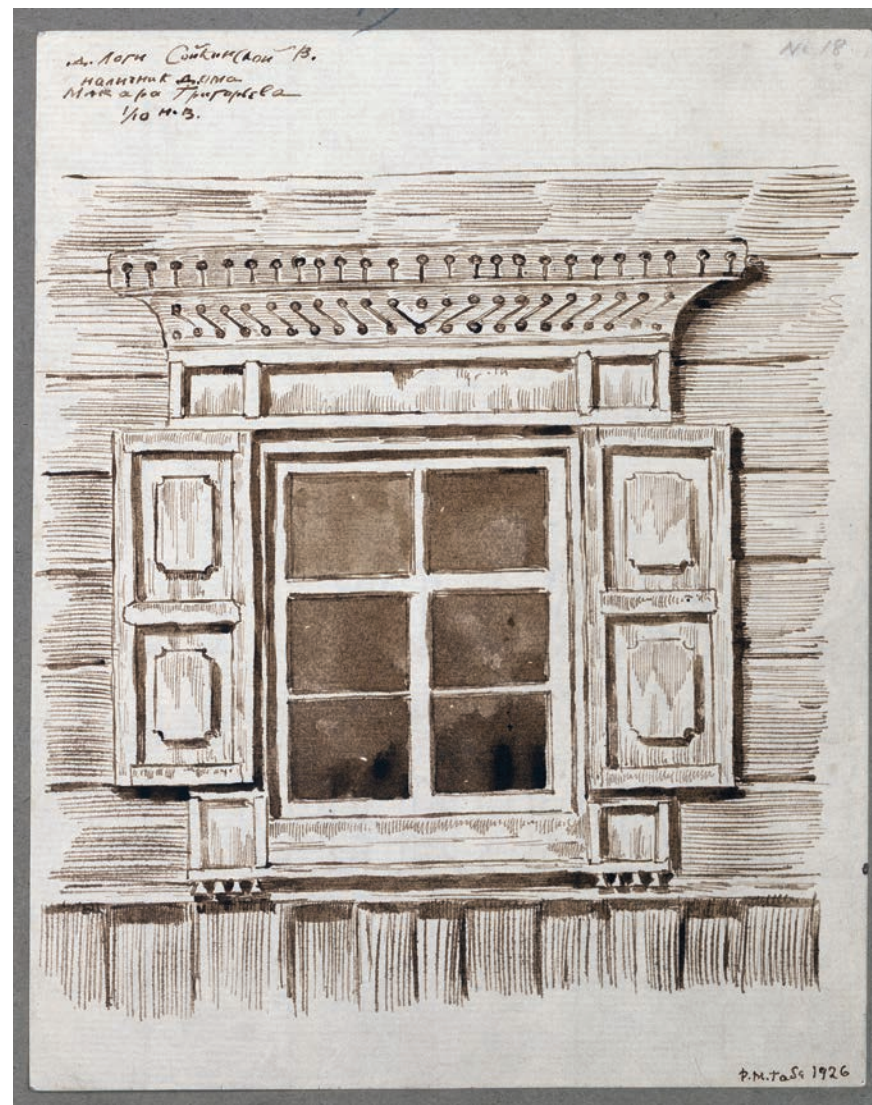
Наличник окна старой маленькой избы. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Логи. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-57

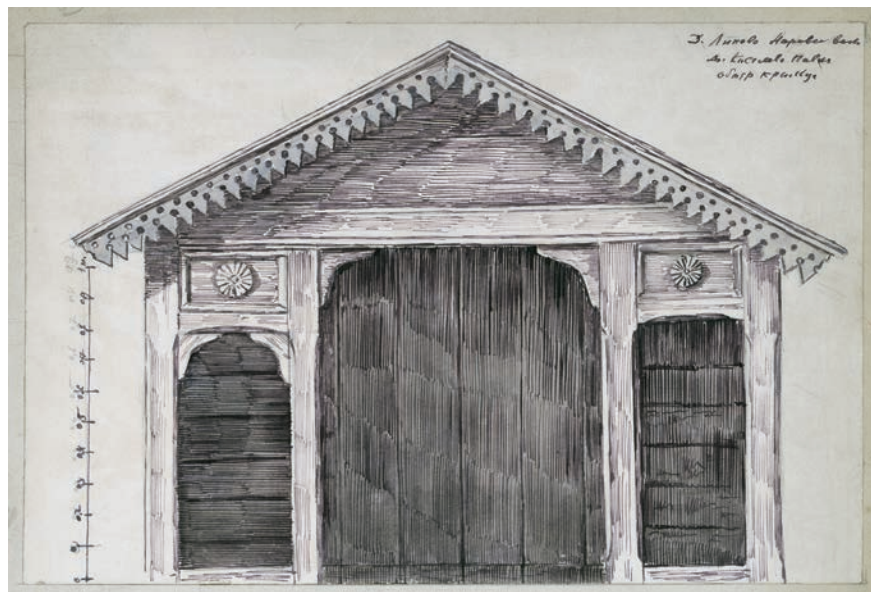
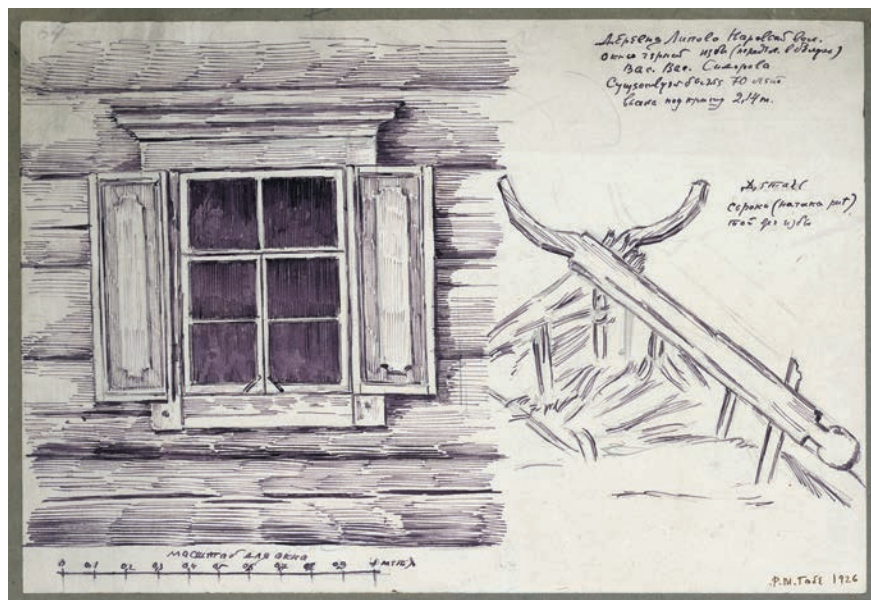
Наличник старой избы Павла Быстрова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Андреевщина. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-58

Окно чёрной избы Федота Яковлева. Ленинградская губ., Кингисептский у., Сойкинская вол., д. Логи. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-59

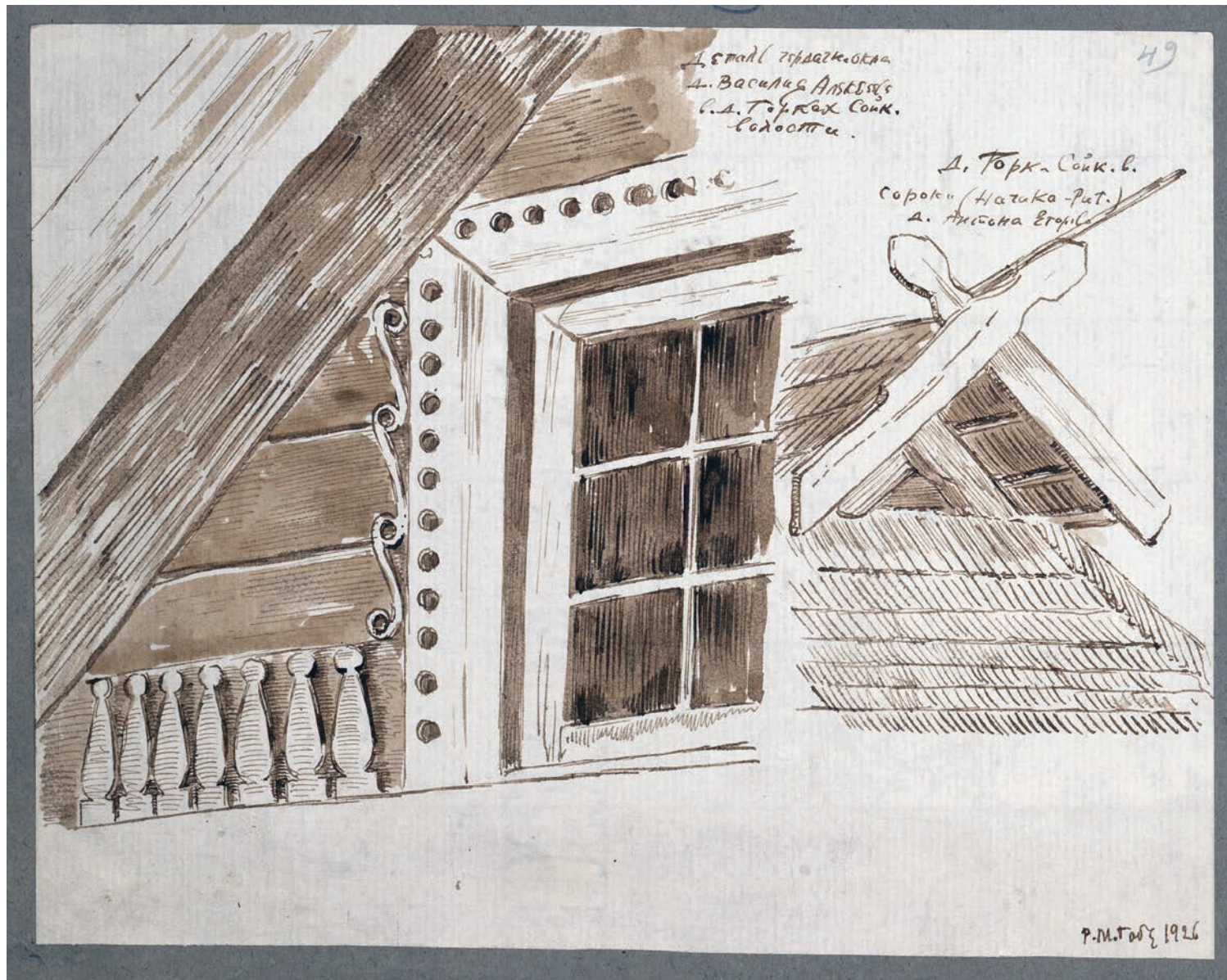
Наличник дома Макара Григорьева. Ленинградская губ., Кингисептский у., Сойкинская вол., д. Логи. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-60

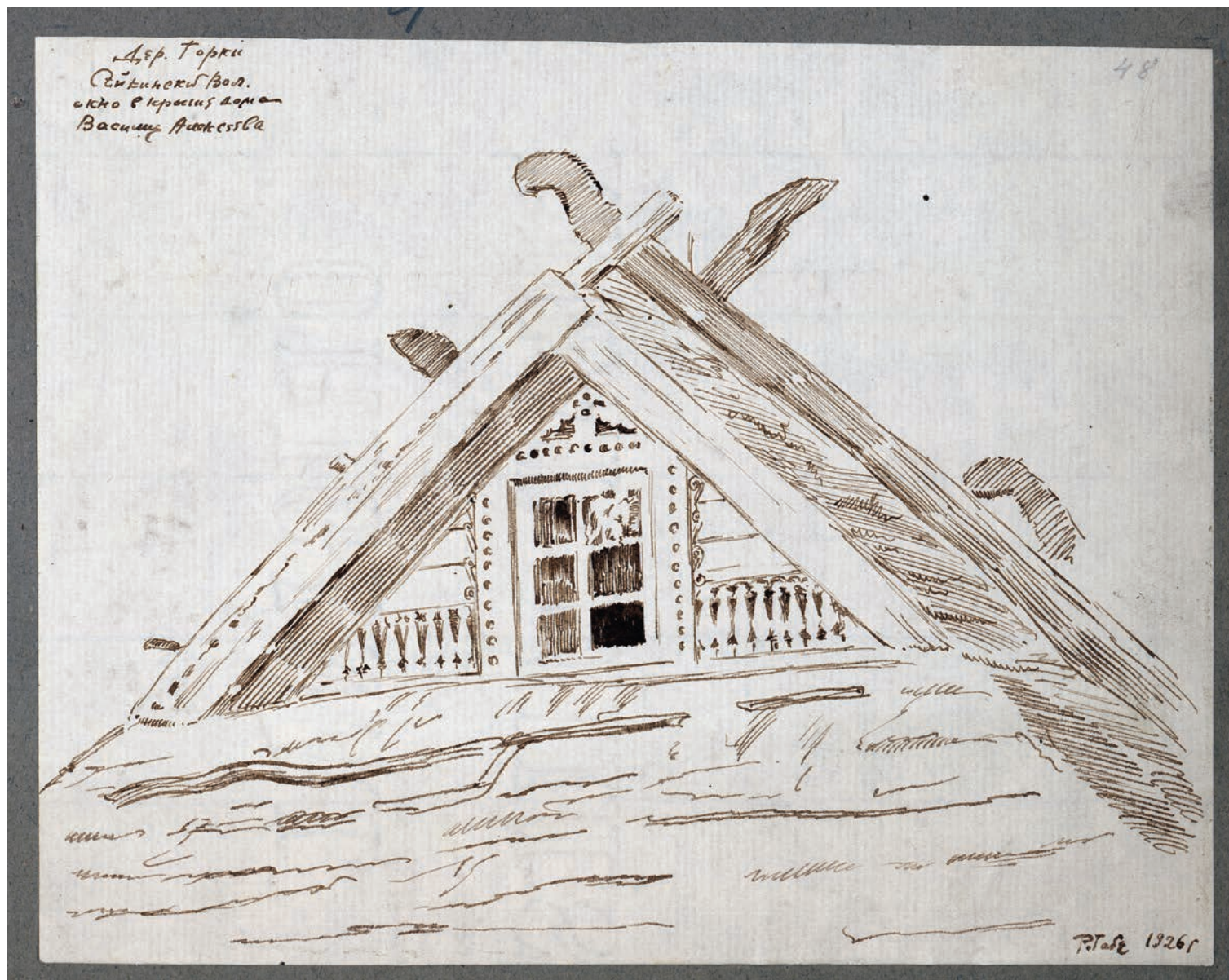
↑ Окно старой избы. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Колганья. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-64

↖ Окно чёрной избы Василия Васильевича Сидорова. Деталь сороки. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Липово. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-63

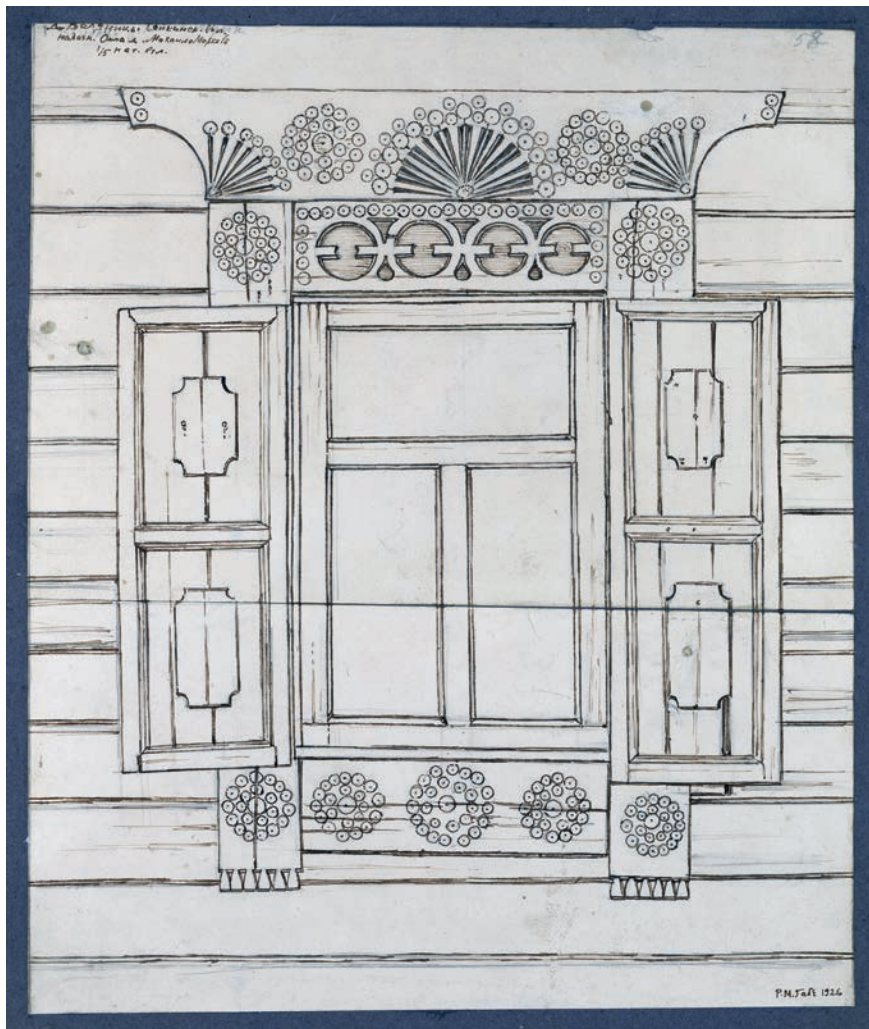
← Крыльцо дома Павла Киселёва. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Наровская вол., д. Липово. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-74

Деталь чердачного окна дома Василия Алексея и сороки (Натака-Рит) дома Антона Егорова. Ленинградская губ., Кингисептский у., Сойкинская вол., д. Горки. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-65

«Окно в крыше» дома Василия Алексева. Ленинградская губ., Кингисептский у., Сойкинская вол., д. Горки. 1926. Ижора.
Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-66

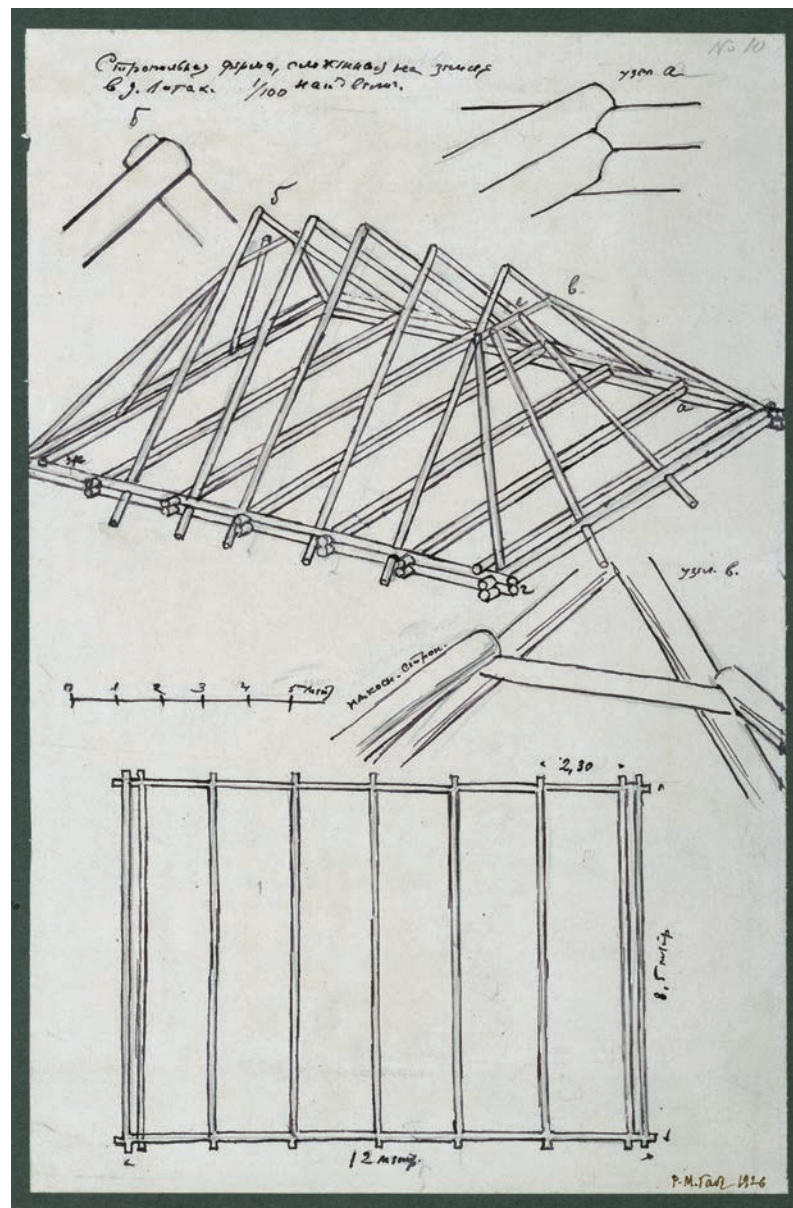
↑ Наличник окна дома Михаила Маркова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Валяницы. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-69

↗ Наличник окна дома Михаила Маркова. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Валяницы. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш. РЭМ 13144-70

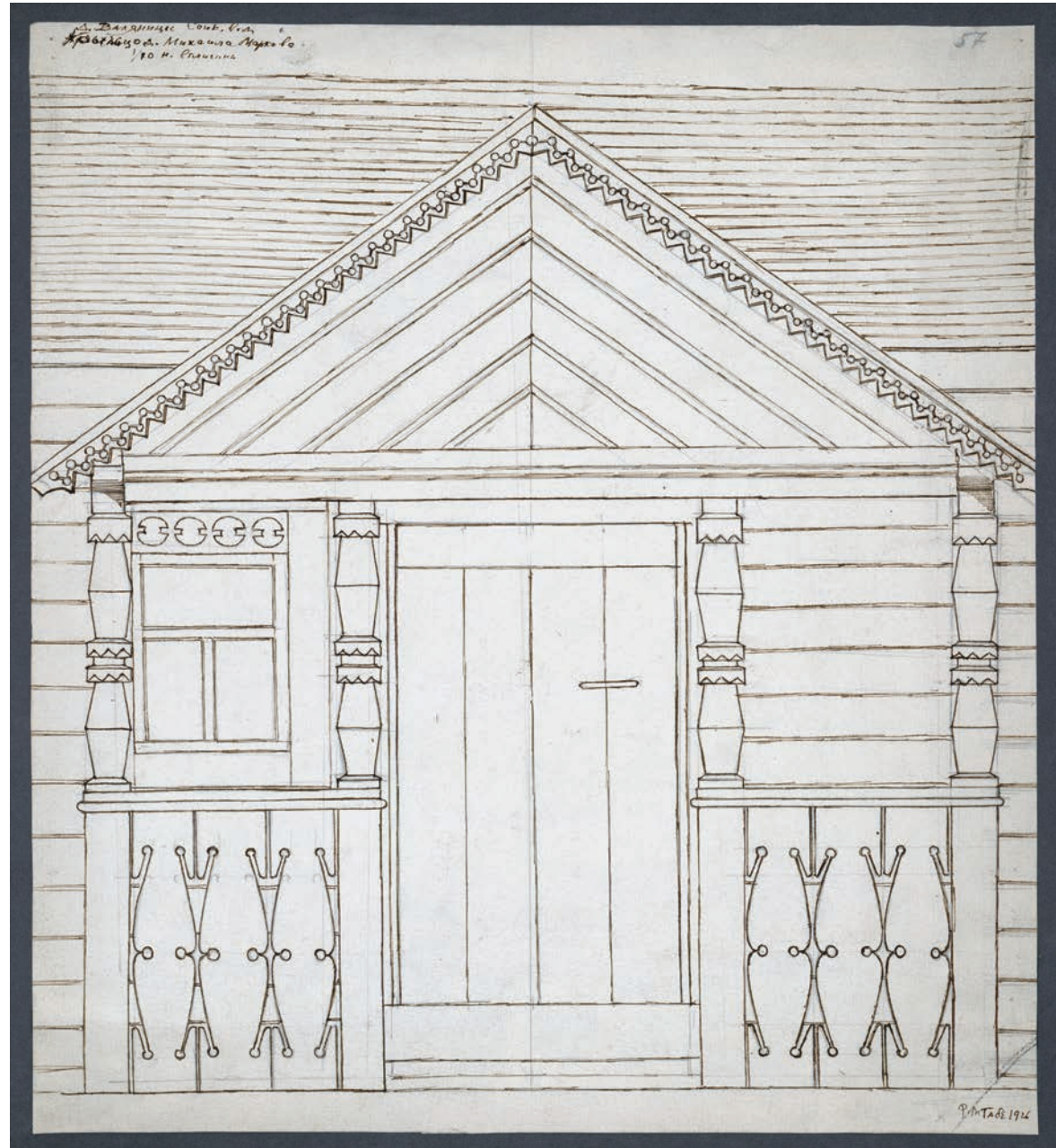

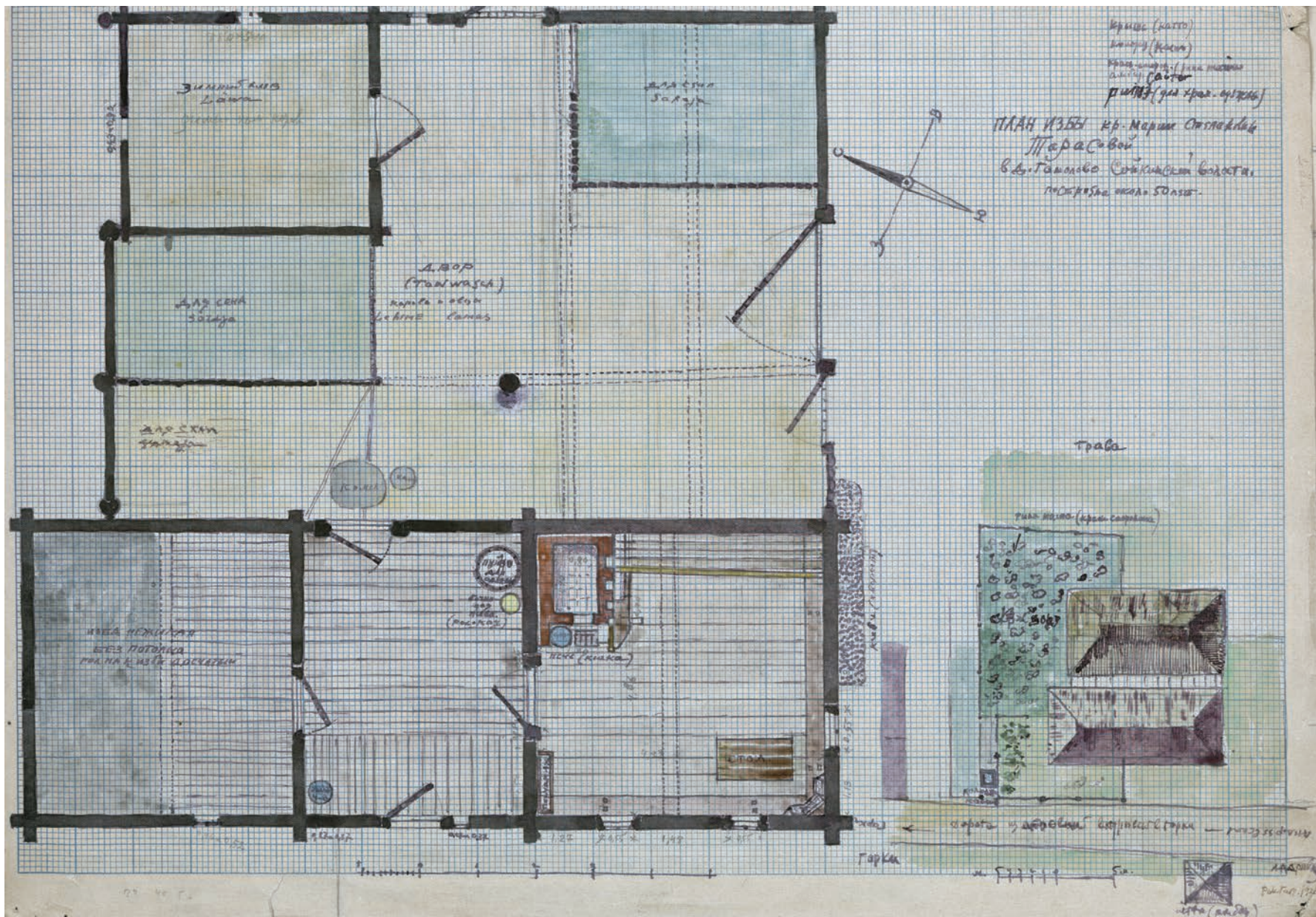
Наличник окна старой избы. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Колгомя. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-71

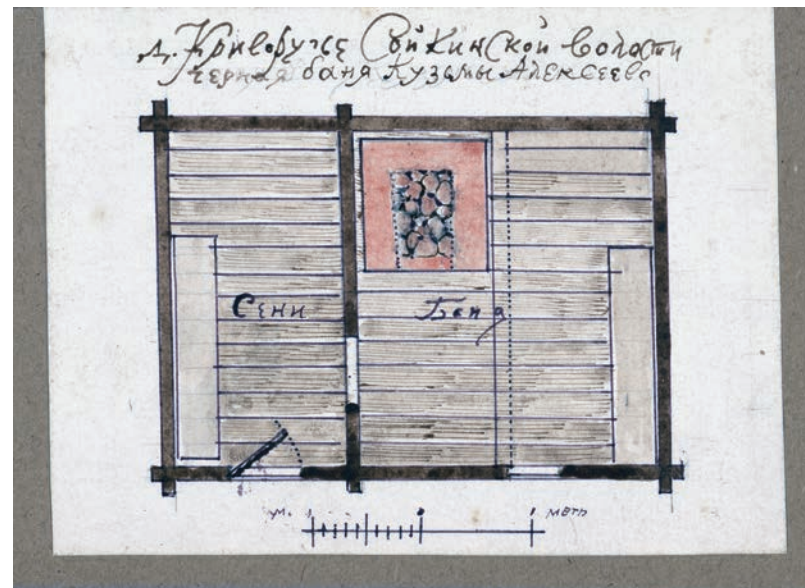
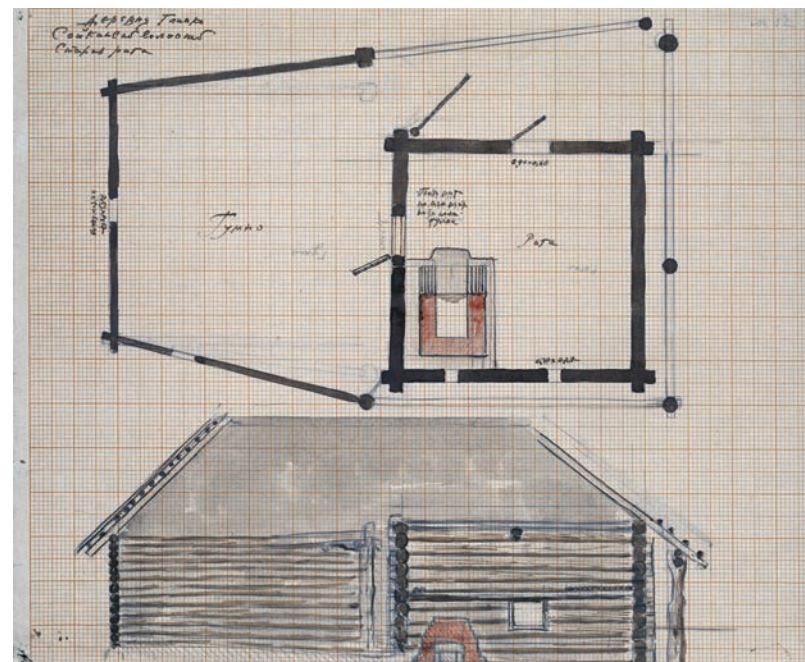
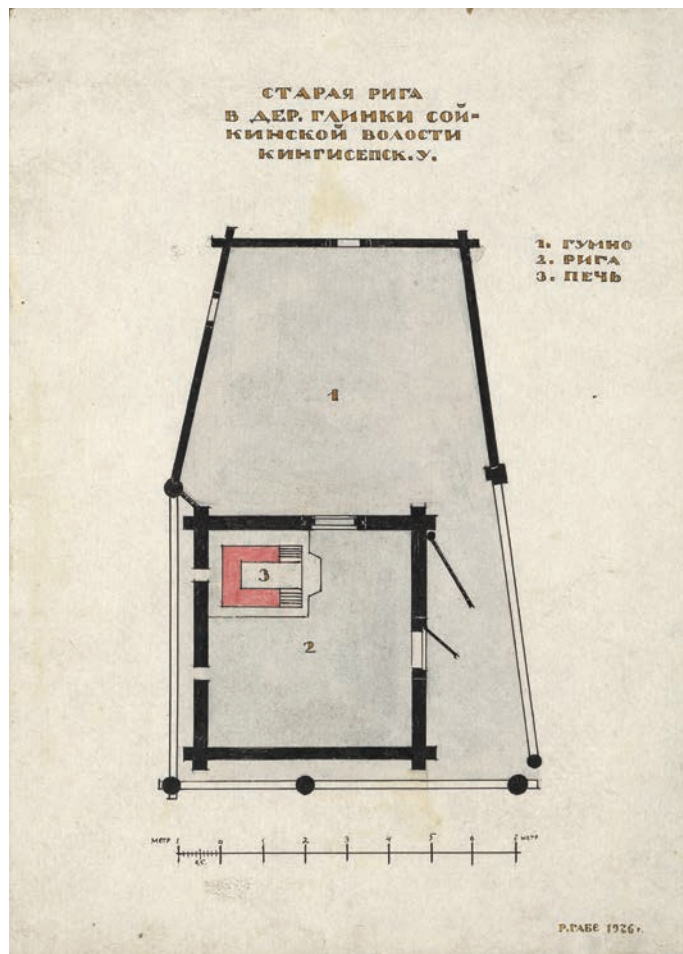
Стропильная ферма, сложенная на земле, д. Логи. 1926. Ижора. Рисунок, карандаш. РЭМ 13144-76

Крыльцо дома Михаила Маркова.
Ленинградская губ., Кингисеппский у.,
Сойкинская вол., д. Валяницы. 1926.
Ижора. Рисунок, тушь, карандаш.
РЭМ 13144-78

План избы Марии Степановны Тарасовой. Ленинградская губ., Кингисептский у., Сойкинская вол., д. Гамолово. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-68

↑ План риги. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Глинка.
1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-40

↗ План риги. Ленинградская губ., Кингисеппский у., Сойкинская вол., д. Глинка.
1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш, акварель. РЭМ 13144-41

→ Черная баня Кузьмы Алексева. Ленинградская губ., Кингисеппский у.,
Сойкинская вол., д. Криворучье. 1926. Ижора. Рисунок, тушь, карандаш,
акварель. РЭМ 13144-51

Район экспедиции Р.М. Габе. Фрагмент карты Ленинградской обл. СССР и Эстонии. 1933 г. Масштаб 1:200000

АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ В ДЕРЕВЕНСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ИХ В КОЛХОЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Поиски архитектурно-художественного образа колхоза, включающего в себя как сооружения производственного назначения, так и здания личного хозяйства на усадебной земле колхозника в настоящее время представляют для нас чрезвычайно острый интерес. Решения архитектурно-художественного оформления колхозов в большинстве проектов, предлагаемых для осуществления, так же как и в осуществленных уже сооружениях, нужно признать неудовлетворительными. Архитектура колхозов, создаваемая в условиях кабинетной работы, почти всегда обезличена формами городской архитектуры, которые совершенно не гармонируют с оригинальными решениями деревенского зодчества, столь индивидуальными и вместе с тем столь колоритными, что было бы безрассудно игнорировать их при создании новой архитектуры колхозной деревни.

В народном зодчестве всегда присутствует творческий размах, искренний и правдивый в своих конструктивных и декоративных решениях; этим оно так сильно действует на нас. Изучение в деревне архитектурно-художественных произведений крестьянского зодчества может подсказать нам новые яркие и правдивые решения. А между тем, в колхозном строительстве почти совсем не используются национальные формы крестьянской архитектуры, не утратившие смысла и значения для современности. Конечно, из этого не следует, что архитектурные формы дореволюционной деревни могут быть целиком перенесены в современную архитектуру колхозов. Они должны только вдохновлять архитектора

к созданию нового художественного образа так же, как народные мелодии вдохновляли наших великих композиторов, творивших высокохудожественные музыкальные произведения.

Главнейшая причина, препятствующая использованию накопленного народного опыта в архитектуре деревни, кроется прежде всего в том, что этот вопрос недостаточно еще изучен и поэтому отсутствуют необходимые литературные источники, где бы произведения крестьянского зодчества представлены были, как памятники искусства, в форме репродукций с рисунков, обмеров, фотографий и т. п. Мы располагаем богатой литературой дореволюционного времени о народном искусстве в области церковного зодчества, каменного и деревянного, но крайне незначительной и по объему и по качеству литературой о крестьянской гражданской архитектуре. Прекрасные, монументального вида громадные сооружения изб севера нашего Союза не имели права претендовать называться памятниками искусства. Право это признавалось лишь за произведениями церковного зодчества. Избами и прочими постройками в деревне интересовались главным образом этнографы. Ими собран относительно значительный материал, часть которого была опубликована в печати в форме статей, а в редких случаях в виде отдельных монографий. Но архитектора материал этот не может удовлетворить ни по самому подбору изучаемых объектов, ни по качеству иллюстраций. Большой частью рисунки и чертежи в опубликованных работах сделаны не специалистами

Рис. 1. Внешний вид дома на подклете в дер. Корза Сязозерского района (Карелия)

архитекторами и носят поэтому все черты, присущие дилетантскому исполнению. К тому же материал этот разбросан небольшими статьями по различным этнографическим журналам и сборникам и лишь изредка выпускался в виде специального исследования, чем и объясняется незнание архитекторов с литературой по вопросам крестьянского зодчества. Несмотря на такие крупные недостатки, этнографический материал должен быть использован для изучения и освоения крестьянской архитектуры.

Но все же можно сказать, что специальной литературы об архитектуре села, как искусстве, мы почти не имеем. И совершенно правильно сетует Н. Н. Соболев, автор книги «Русская народная

резьба»¹, на малую изученность пропорций памятников нашего зодчества. Только теперь начинают интересоваться художественными формами крестьянской архитектуры. Издательства должны принять самые решительные шаги к тому, чтобы опубликовать все наиболее интересное и ценное, имеющееся в собраниях учреждений и отдельных лиц. Необходимо возможно скорее осуществить то, чего не хотела и не сумела сделать дореволюционная Россия, отдавая предпочтение памятникам церковного зодчества.

Автор настоящей статьи в качестве участника этнологических экспедиций Академии наук, а также и по собственному почину изучал, зарисовывал и фотографировал произведения крестьянского зодчества в деревнях советской Карелии и побережья Финского залива Ленинградского округа. Некоторая часть материала по Ленинградскому округу в 1930 году была опубликована издательством Академии наук². Целью настоящей статьи является намерение автора ознакомить архитекторов с наиболее типичными и оригинальными произведениями крестьянского деревянного зодчества и с наиболее характерными их деталями.

На всем протяжении КАССР главным и почти исключительным строительным материалом до сих пор является дерево; обилие строевого леса дает возможность крестьянину осуществлять свои жилые, хозяйственные и производственные здания в более широких размерах, чем мы это видим в архитектуре селений Ленинградского округа. По побережью Финского залива, на границе с Эстонией, строевого леса значительно меньше, и здания здесь возводятся также и из других материалов, как, например, из известковой

¹ Н. Н. Соболев, Русская народная резьба по дереву. 1934, стр. 146.

² Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. № 16 — Р. М. Габе, Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа.

плиты, из крупного булыжника и валунов, а в некоторых случаях, в силу экономических причин, из коротких жердей и пластин, уложенных в перпендикулярном к плоскости стены направлении на глиняном растворе³. Ввиду этого наиболее интересна и поучительна крестьянская архитектура в Карелии. Здесь здания рублены из толстых бревен, имеют большую высоту, высокие подклеты под жильем для хранения корнеплодов, обширные сараи во втором этаже с бревенчатым взвозом прямо с улицы, просторные скотные дворы в первом этаже и прочие хозяйственные помещения. Все эти отдельные части объединены в одном большом доме под общей солидной тесовой крышей (рис. 1, 2, 3, 4, 5). Они стоят правильными рядами вдоль деревенской улицы на значительном расстоянии друг от друга. Высокий подъем тесовой крыши с большими свесами с лица дома, а также и с боковых стен, находится в полной гармонии с солидным срубом здания и со всеми примыкающими к нему частями.

Эта архитектура поучительна удачными решениями пропорций своих масс и своими декоративными формами, в осуществлении которых строители-крестьяне проявили большое чувство меры. Резные украшения умело распределены богатыми пятнами на обширных поверхностях рубленых стен, нисколько не ослабляя основной идеи, выраженной во всем внешнем облике большого дома. В резных украшениях на избах, амбарах и прочих зданиях нет ничего раздражающего глаз своей пестротой, сухостью и колючестью, чем весьма отличается резьба на городских домах. Ложнорусский стиль, широко распространенный в резной орнаментике городской деревянной архитектуры, проникнув в деревню, подвергается там основательной

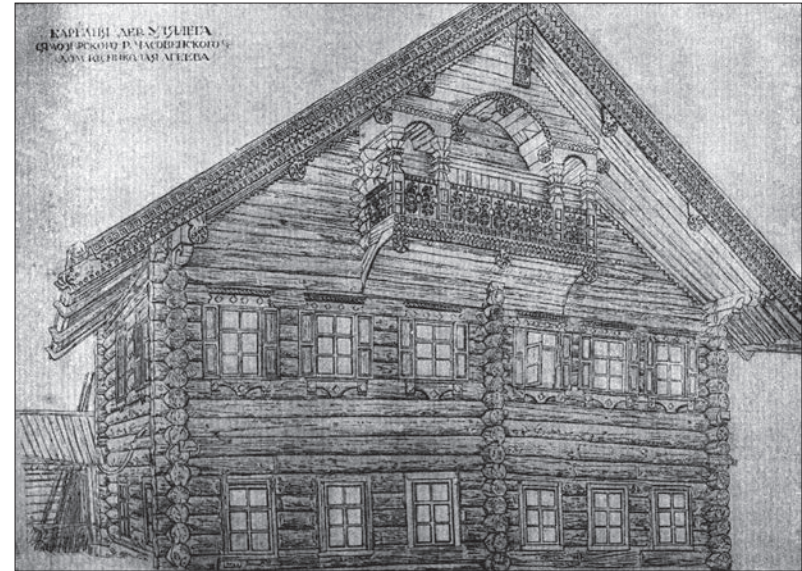

Рис. 2. Внешний вид двухэтажного дома в дер. Уляега Сямозерского района (Карелия)

Рис. 3. Внешний вид двухэтажного дома в дер. Петры Великодубского района (Карелия)

³ Р. М. Габе, Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа. Труды КИПС'а, № 16. таблицы XXXVII и XXXVIII.

Рис. 4. Внешний вид дома на подклете в дер. Пограничные Кондуши Видлицкого района (Карелия)

и целесообразной переработке. Примеры богатой резьбы на жилых домах мы видим на изображении двухэтажной избы в дер. Улялега (рис. 2) и избы на подклете в дер. Папила.

Следует отметить, что стиль барокко в орнаментике нашел широкое применение в значительном большинстве карельских деревень, в районах б. Олонецкой губ. В украшении оконных наличников он трактован в многочисленных интерпретациях. Чрезвычайно разнообразны мотивы прорезной орнаментики из досок на балконных решетках, причелинах, полотенцах, различных подвесках и прочих украшениях. Применение прорезных досок, накладываемых одна на другую, создает богатый орнамент причелины (рис. 6, 7, 21). Раскраска всех резных украшений дома в несколько ярких тонов придает ему жизнерадостный и торжественный

вид. Этот положительный результат следует использовать в новой колхозной деревне.

Заслуживает большого внимания оформление оконных отверстий. Наличники их, самых разнообразных форм и стилей, придают дому нарядный вид. В большинстве случаев орнаментация их заимствована из стилей барокко и классической эпохи, но в сильной переработке, согласно вкусу и пониманию деревенского художника, благодаря чему декоративные детали принимают черты, свойственные национальным формам, а также подчеркиваются особенностями материала, из которого они исполнены; поэтому-то они так сливаются в одно целое с бревенчатым срубом дома. Иллюстрациями сказанного могут служить рис. 3, 12, 19, 20 и 21. На такое критическое отношение к заимствуемым из города архитектурным формам и следует обратить серьезное внимание архитекторам, занятым созданием художественного облика новой колхозной деревни.

Искренность и правдивость, присущие произведениям крестьянской архитектуры, сказываются и в рациональном использовании материала и в рациональном применении конструкций: никакой фальшивой конструкции, никаких без надобности примененных строительных материалов, никаких форм, не вызванных необходимостью. Эти установки красной нитью проходят через любые сооружения какого бы то ни было назначения.

Высокие подклеты бревенчатых изб вызваны климатическими и хозяйственно-бытовыми условиями, а отнюдь не соображениями декоративного характера. Большой подъем тесовой крыши со значительными свесами с лицевой стороны и боковых стен также оправдывается климатическими требованиями.

Мощные бревенчатые столбы, на которых покоится солидное сооружение сарая для хранения годового запаса корма скоту

и всего хозяйственно-производственного инвентаря, являются не декоративным приемом, а вызваны необходимостью. Опыт показал, что срубы хлевов и скотных дворов, расположенных в первом этаже под всем помещением сарая, вследствие действия на них испарений животных, менее долговечны, чем бревна стен сарая. И вот, чтобы иметь возможность заменить пришедшие в негодность стены скотных дворов и хлевов, не разрушая стен сарая во втором этаже, народный опыт и создал такую конструкцию. Ее мы можем наблюдать на всей территории советской Карелии и во всем Северном крае, где только установился тип застройки жилого дома и всех хозяйственных сооружений под одну крышу с сараем над скотным двором. Этот чисто конструктивный прием вместе с тем является и декоративным моментом, так как архитектурное решение установки солидного сруба второго этажа на толстых столбах само по себе представляет интерес. И даже когда мы проходим мимо ряда таких домов по задворкам и смотрим на высоко вздымающиеся стены сараев, покоящихся на этих столбах, то эти сооружения своей суровостью и лаконичностью производят не менее сильное впечатление, нежели со стороны улицы, куда они глядят своими разукрашенными фасадами (рис. 8). Разве не стоит использовать такой прием установки деревянных столб-колонн под свешивающийся второй этаж, только поставив эти колонны на каменный фундамент, а не врывая их в землю, как это практикуется у крестьян?

А сколько конструктивной правды в крыльцах с лестницей, ведущей непосредственно во второй этаж, т.е. в жилое помещение! Такие крыльца весьма распространены в Карелии и по всему северу (рис. 9, 10, 11). Чисто декоративные элементы ограничены причелинами и колонками, где применены прорезные и резные украшения;

Рис. 5. Внешний вид дома с крытым навесом в дер. Большая Сельга Уланского района (Карелия)

но и без них художественный образ остается цельным, так как вся сущность его заключается в удачной и вместе с тем простой конструкции. Декоративные элементы, примененные здесь с чувством меры, только подчеркивают самую архитектурную форму. Напоминающая образцы крылец церковной архитектуры, архитектурное оформление крылец изб сильно отличается от церковных прежде всего своей интимностью. Небольшие крыльца в несколько ступеней покоятся на одном коротком резном столбике, а длинные крытые марши, ведущие непосредственно во второй этаж, поддерживаются несколькими столбами из толстых бревен уже без всякой резьбы, чтобы подчеркнуть нагрузку, которую они несут. При этом резные столбики, поддерживающие легкую кровлю крыльца, контрастируют своими изысканными формами с тяжеловесностью нижних солидных

опор. Этот цельный архитектурно-художественный образ крыльца всегда приковывал к себе взоры художников, и изображения его мы находим и на страницах И. Я. Билибина, и у А. А. Бобринского, и у всех исследователей, интересовавшихся избой, как памятником искусства⁴. Архитектурные формы крылец крестьянских домов долж-

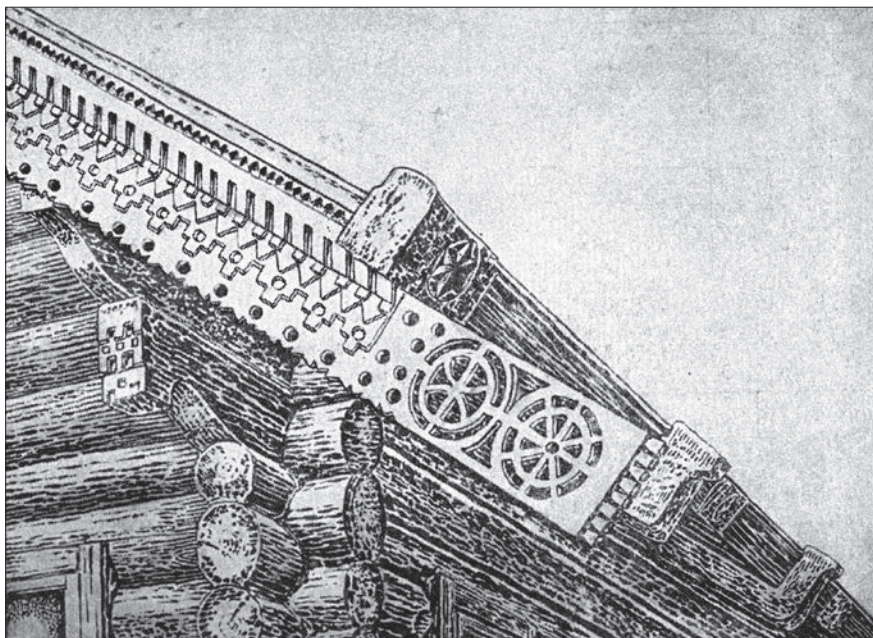

Рис. 6. Резная причелина на доме в дер. Сулалегора Прионежского района (Карелия)

ны найти себе отражение и в новой колхозной деревне как в жилых, так и в общественных зданиях; а удачные решения в крестьянской архитектуре, несомненно, подскажут новые хорошие приемы.

Правдивостью веет от солидной двускатной крыши, перекрывающей большое бревенчатое здание, и от конструкции широкого

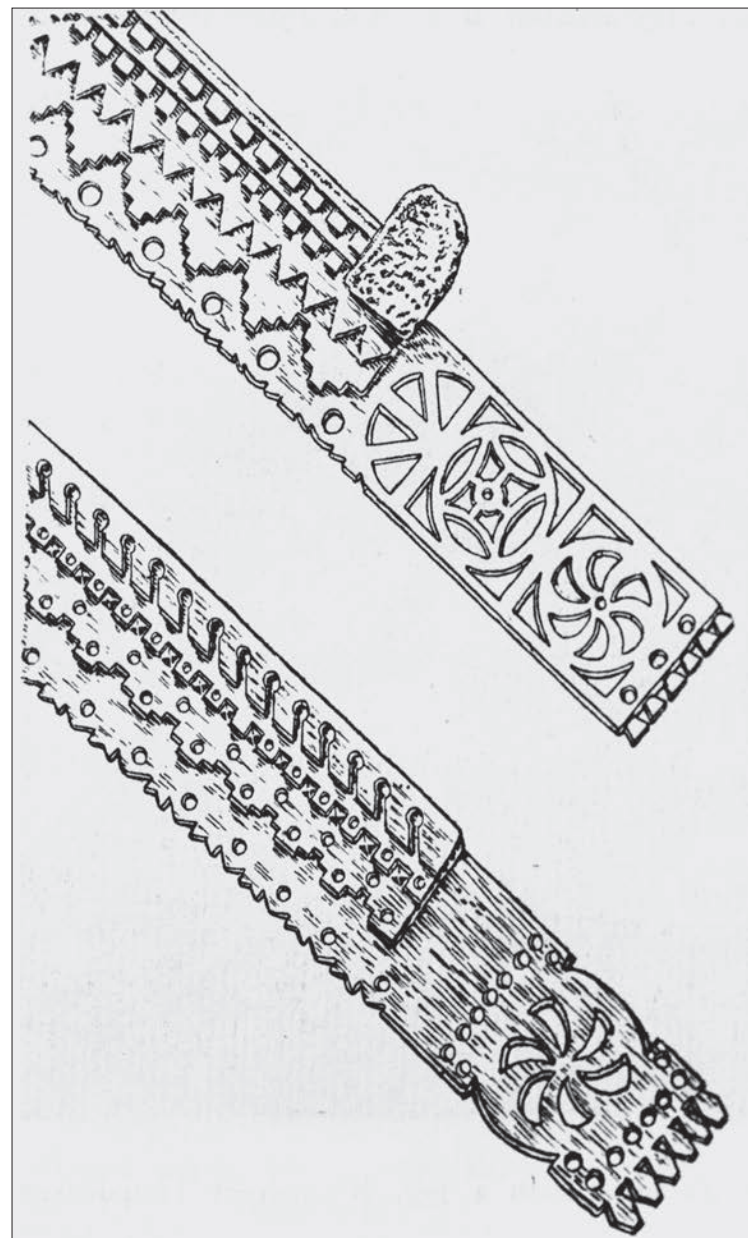

Рис. 7. Резные причелины на домах в Заонежье (Карелия)

⁴ И. Я. Билибин, Народное творчество русского Севера. «Мир искусства», 1904. А. А. Бобринский, Русские народные деревянные изделия.

бревенчатого фронтона, прочно устроенного и хорошо увязанного со всей системой покрытия. С давних времен строительный опыт многих поколений выработал прочную конструкцию тесовой крыши на бревенчатых слегах, курицах и потоках. И вся эта сложная система почти совершенно не нуждается в применении гвоздей. На это обстоятельство стоит обратить внимание.

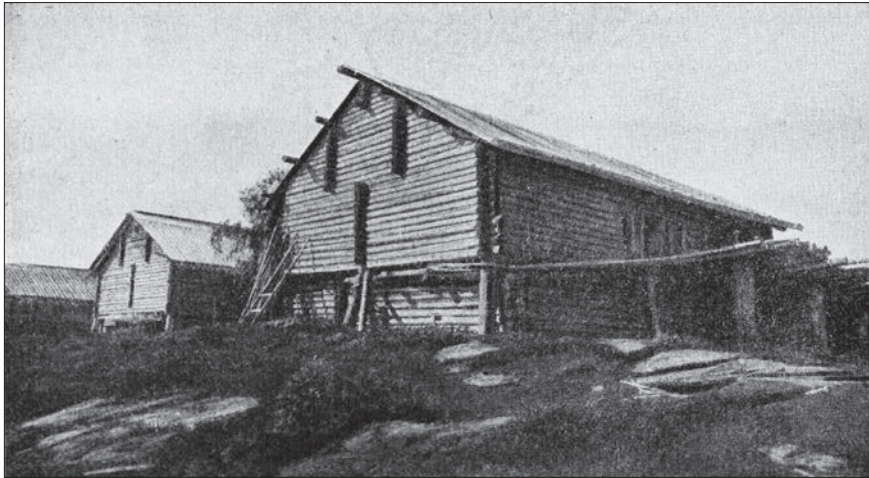

Рис. 8. Задние фасады домов в дер. Юркостров Петровского района (Карелия)

Поучителен также своей удачной конструкцией бревенчатый фронтон, и в высоту и в ширину имеющий весьма значительные размеры. Поперечные бревенчатые связи, расположенные в трех, пяти, а то и в семи местах плоскости фронтона, дают вполне прочную жесткую систему. Балконы, открытые или крытые, на столбах и арках, являющиеся почти неотъемлемой частью каждой северной избы, кажутся на первый взгляд лишь декоративным элементом фасада. А между тем, они только маскируют конструкцию, которая необходима для прочности фронтона. Фронтон из бревен, являясь продолжением бревенчатой лицевой стены здания, находится

в полной гармонии со всем архитектурно-художественным обликом дома. Если же в чердачном этаже помещается светелка, то сделать ее теплой и пригодной для жилья можно только при наличии бревенчатого фронтона. Рис. 1, 4, 8, 12 и 13 дают ясное представление о конструктивных приемах, примененных для укрепления фронтонных бревенчатых стен различных размеров.

Большие свесы крыш с боковых стен, а в особенности с лицевых, вызванные климатическими условиями, легко выполнимы при конструкции тесовой крыши на слегах, потоках и курицах. Постепенным удлинением верхних венцов продольных стен образуются достаточно прочные опоры, поддерживающие в виде мощных кронштейнов свесы любых размеров.

Оформление балконов, открытых и крытых, представляет собой самые разнообразные решения, многие из которых не утратили интереса и до сих пор. Прорезные украшения, как более легкие по выполнению и более дешевые, преобладают над резными, а удачно придуманный рисунок для прорезных досок, образующих решетку, создает богатое декоративное пятно на бревенчатом фоне фронтона (рис. 1, 2, 6, 14, 15, 16, 23).

Следует обратить внимание и на архитектурные решения бревенчатых взвозов во второй этаж в сарай. Даже этой чисто служебной части здания крестьянин стремится придать красивое оформление. Интересны разнообразием своих мотивов резные верхние окончания столбов, поставленных у начала взвоза. Поучителен и прием, применяемый посреди наклонной поверхности взвоза для облегчения лошади при подъеме нагруженного воза. Упор для ног лошади образован неотесанными выступающими частями бревен, в то время как вся остальная поверхность их гладко отесана. Тщательность выполнения этих деталей, исключительно

служебного назначения, создает вместе с тем и декоративный момент, и тогда весь длинный широкий взвоз, прочно сконструированный, приобретает нарядный вид (рис. 16, 17). В новом колхозном строительстве прием этот уже находит место, и можно отметить хорошо сконструированный и длинный взвоз на сеновал над скотным двором в финской коммуне «Сяде» в селе Олонец (Карелия). Здесь все здания, как жилые, так и производственного назначения, построены вновь, и в них вложено новое содержание, предъявляемое требованиями коллективного хозяйства.

На рис. 5 изображен прием устройства крытого взвоза, встречающийся довольно часто, в особенности, когда взвоз является вместе с тем и крыльцом для второго этажа, т.е. когда во второй этаж избы идут через сарай. Применение пандусов, наподобие взвозов, в современной колхозной деревне, как мы уже видели в коммуне «Сяде», вполне возможно, а потому этот крестьянский опыт следует широко использовать, не забывая также и об архитектурно-художественном оформлении его.

Резные украшения самых разнообразных мотивов и различной техники мы видим и на таких частях исключительно конструктивного значения, как потоки, служащие для упора нижних концов теса крыши. Слишком однообразна и скучна была бы гладко стесанная плоскость бруса вдоль всей боковой поверхности большого дома. И вот крестьянин оживляет этот брус у конца его резным орнаментом. При сооружении избы, амбара или риги каждый крестьянин вносит в этот орнамент свои индивидуальные вариации. Те же резные мотивы в различных вариациях украшают боковую плоскость потока по всей его длине.

Если даже в современной архитектуре колхозной деревни изменится конструкция двускатной крыши, а потоки и курицы отойдут в область истории, то во всяком случае необходимо стремиться

к тому, к чему стремились и теперь стремятся деревенские строители, — дать в своем произведении цельный художественный образ. Широкое использование всех возможностей для достижения удачных пропорций масс в новом колхозном строительстве и обогащение этих масс там, где это необходимо, декоративными деталями, — это одна из основных текущих задач. Поэтому даже и такие, на первый

Рис. 9. Крыльцо во втором этаже дома в дер. Няртила Сямозерского района (Карелия)

взгляд кажущиеся незначительными, моменты, как резные украшения на потоках, не должны быть отброшены. Кое-чем и из этих мотивов следует воспользоваться. Несколько образцов резьбы на потоках представлены на рис. 18.

Пропорциям окна и его художественной обработке деревенский строитель всегда придавал серьезное значение, и в архитектурное

Рис. 10. Крыльцо во втором этаже старого дома в дер. Койкары Петровского района (Карелия)

оформление окна вложено большое содержание. Не будем останавливаться на волоковых окнах старинных изб, уходящих в область преданий, стоит разве только отметить их горизонтально вытянутые пропорции. Но сохранившееся еще и до сих пор в глухих местах, отдаленных от культурных центров, косячатое или красное окно, обычно помещенное на лицевой стене избы, посередине между двумя волоковыми окнами, привлекает внимание и своими пропорциями и своими архитектурными формами. Массивные рубленые косяки с верхней горизонтальной подушкой, прочно покоящейся на них, уже сами по себе являются декоративным мотивом. Когда же местами такое окно украшено выемчатой резьбой или даже набивным орнаментом, то оно оправдывает свое название «красного».

Рис. 11. Крыльцо во втором этаже дома в селе Покровском Медвежьегорского района (Карелия)

Большинство декоративных мотивов, примененных на красных окнах, носит черты самобытности. Заимствованные же у городской архитектуры украшения оконных отверстий появляются лишь тогда, когда коренным образом изменилась конструкция окна, когда вместо массивных колод-косяков стали применять оконные коробки из более тонкого леса. Тогда, конечно, и явилась потребность прикрыть оконную коробку набивным декоративным наличником, и мотивами для его орнаментации послужили все стили, какие применялись в городской архитектуре: пышное барокко, и классические формы екатерининских времен, и стиль Людовика XVI, и ампирные детали, а также и более новые формы. Но все эти заимствованные мотивы, как отмечалось выше, подвергались коренной переработке. Одни

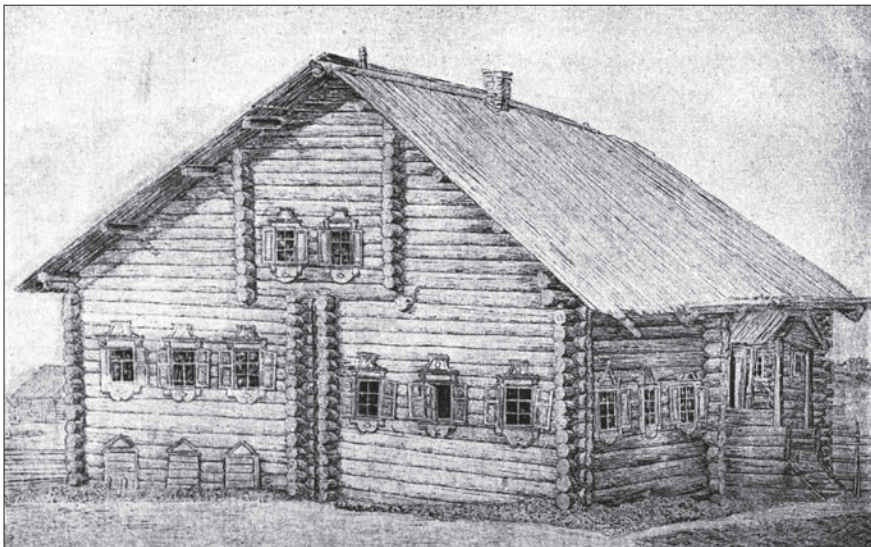

Рис. 12. Внешний вид старой избы на подклете в селе Кондопога Кондопожского района (Карелия)

и те же мотивы, трактованные в различных вариациях, приобретают особый интерес. Впечатление декоративного пятна усиливается раскраской наличника вместе со ставнями в яркие тона, удачно подобранные по своей гамме. На сером фоне неокрашенной бревенчатой стены эти красочные композиции особенно выигрывают (рис. 1, 2, 3, 9, 12, 19, 20, 21).

Меньше всего подвергались переработке ставни на окнах. Форма их, заимствованная у городской деревянной архитектуры, по большей части осталась та же. Обвязка с одним или двумя горизонтальными средниками и вставленные филенки говорят о городской форме, и лишь в окраске или расписных узорах сказывается народная фантазия. В сочетании с наличниками они дают интересные красочные пятна. И этот декоративный момент следует учесть в архитектуре колхозной деревни, если стремиться дать радостную архитектуру

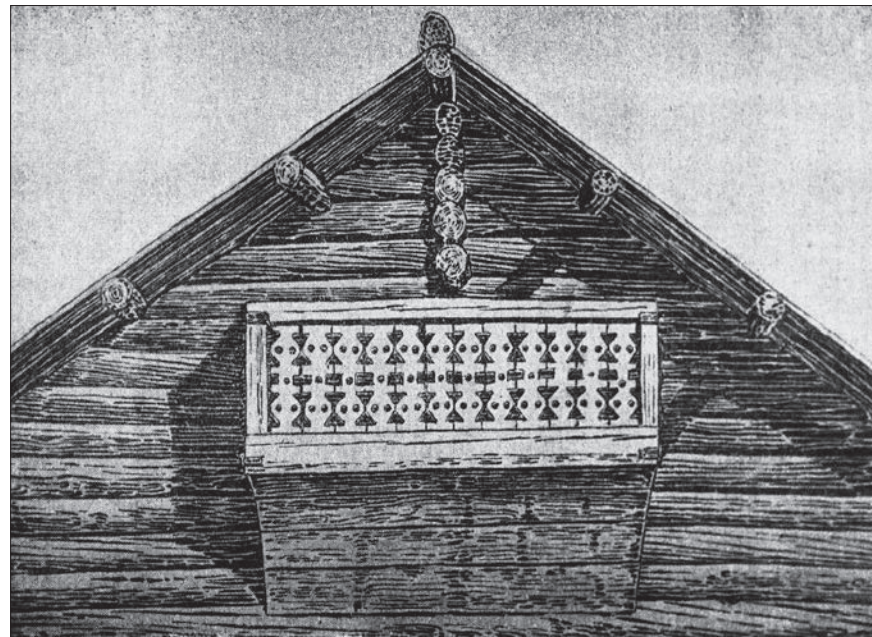

Рис. 13. Открытый балкон дома в дер. Корза Сямозерского района (Карелия)

жилища. Богатый материал оконных наличников сел и деревень нашего Союза мог бы служить отдельной темой для издания его с исчерпывающим количеством иллюстраций и воспроизведением той расцветки, которая является наиболее типичной для различных районов. Несомненно, такое издание сыграло бы немаловажную роль в декоративном обогащении архитектуры колхозной деревни.

Не остался крестьянин равнодушным и к архитектурной обработке ворот, ведущих в скотные дворы и сараи. Применением конструктивно-декоративных деталей в виде кронштейнов, резных досок несложного профиля и других элементов орнаментального характера он нашел решения, гармонирующие с архитектурой всего дома. Рисунок старой двухэтажной избы в дер. Петры (Заонежье),

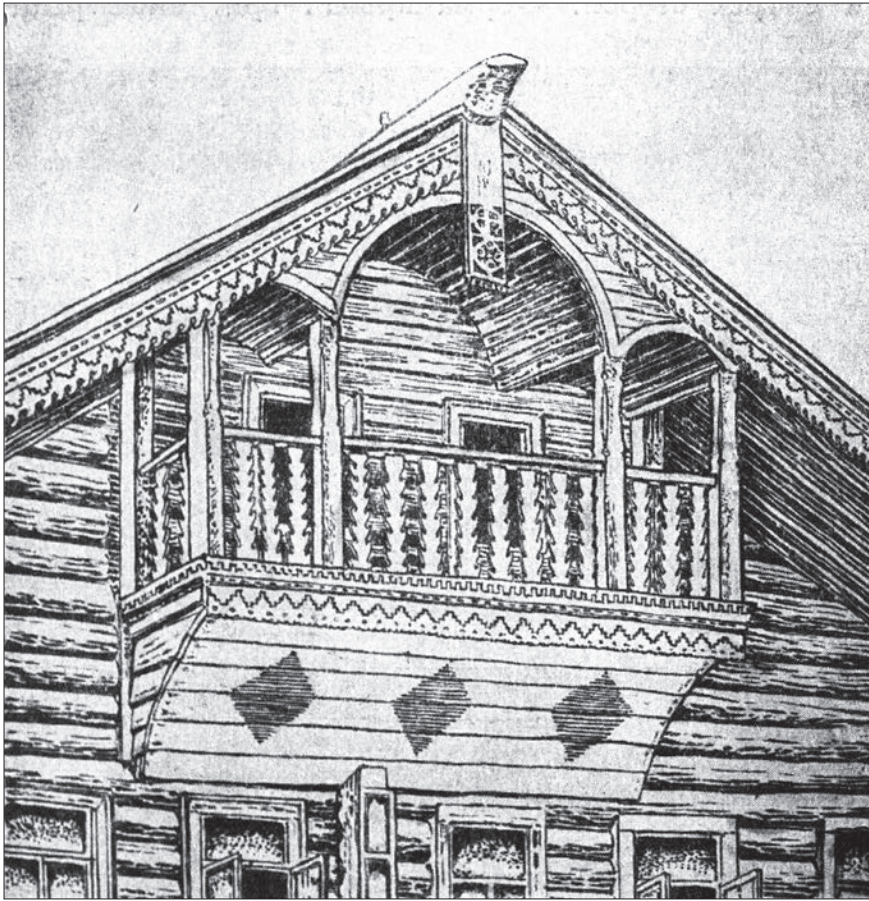

Рис. 14. Крытый балкон дома в дер. Юстозеро Медвежьего района (Карелия)

построенной около двухсот лет тому назад, дает представление об архитектурной обработке ворот сарая, о барочных наличниках, об архитектурной трактовке галереи «выходов» на уровне пола второго этажа, столь принятой в прежнее время в домах Заонежья (рис. 3).

Изучая планы домов в северных районах нашего Союза, где жилые и служебные помещения сосредоточены в одном большом здании под одной крышей, мы можем установить несколько типов,

но три из них, наиболее характерны. Первый тип имеет вид вытянутого прямоугольника и носит название «дома, построенного брусом» (рис. 22). Жилые помещения при этой планировке занимают все лицо здания, далее идут сени и кладовая, за которыми уже расположен большой сарай. В нижнем этаже, в случае, если он нежилой, под избой и горницей — подклет для хранения корнеплодов, а иногда и помещение амбара, а под сараем — скотный двор с хлевами. Второй тип (рис. 23) по плану близок к квадрату. Отличается он от первого типа тем, что служебные помещения охватывают жилье с двух, а то и с трех сторон. Форма крыши при таком решении бывает двускатной, несимметричной, с разными уклонами скатов, в то время как в первом случае двускатная крыша симметрична, с одинаковыми скатами. Третий тип в плане имеет вид буквы Г. В более узкой части плана расположены жилые помещения, а все хозяйственные, иногда же и часть жилых, расположены в широкой части плана (рис. 24).

Все указанные типы имеют значительное количество модификаций. Взвозы примыкают к дому, в зависимости от плана его, то сзади, то сбоку, то во входящем углу. Многие в этой планировке может оказаться жизненным и ценным для индивидуального жилища крестьянина в колхозе. Из планов видно, что помещения для животных отделены от жилья бревенчатой стеной, а если здание проектировано в плане в форме вытянутого прямоугольника, то имеется еще и вторая бревенчатая стена и между ними сени. Поэтому нападки на антигигиеничность помещения в одном здании и людей и животных не так уже обоснованы, раз осуществлена достаточная изоляция одного помещения от другого.

Северный климат обусловил необходимость поднять пол жилого помещения на значительную высоту, подклет же под ним

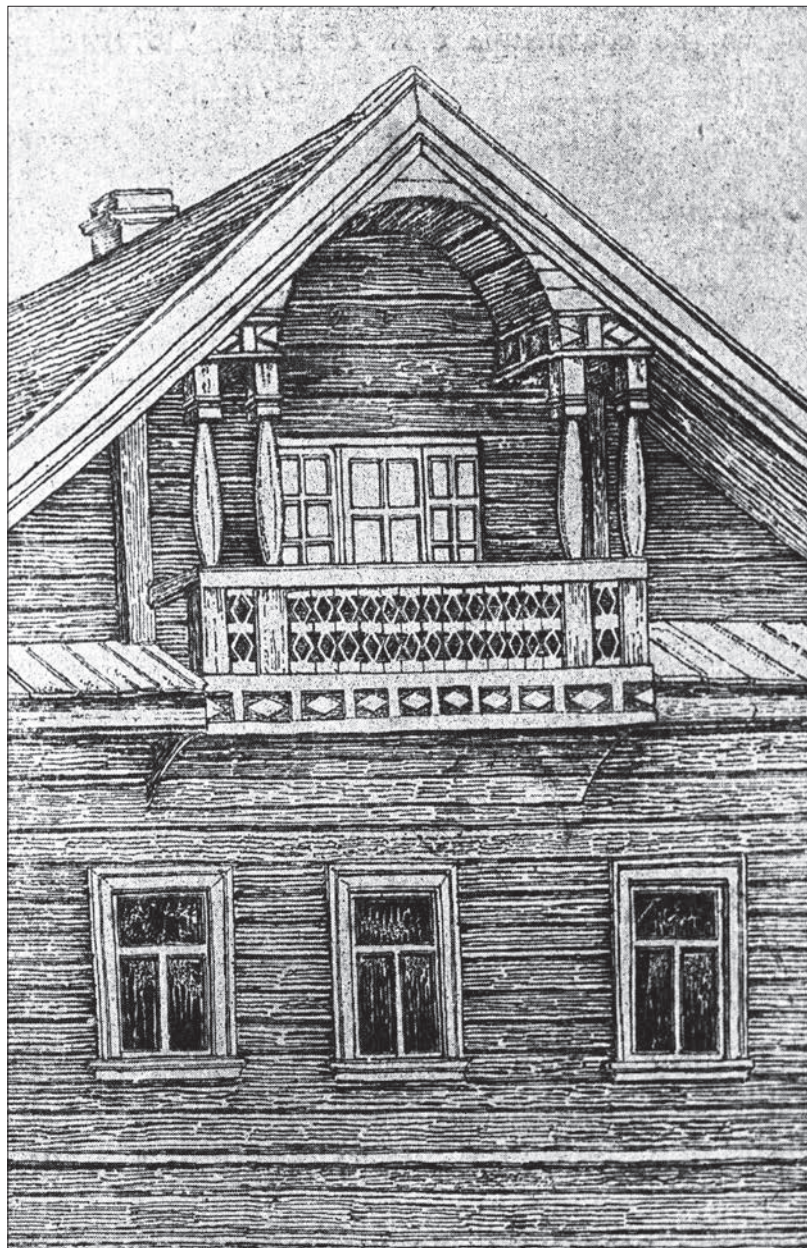

Рис. 15. Крытый балкон дома в селе Олонец (Карелия)

используется для хранения корнеплодов. Если пол жилья хорошо устроен, то такое хранилище под ним вполне допустимо, но, конечно, в колхозной деревне подклет может быть использован более рационально. Хотя колхозное жилище должно в полной мере отвечать требованиям культурной жизни, но из этого вовсе не следует, что необходимо предложить крестьянам жить в домах, спроектированных по планам городских зданий, и лишить их тех удобств, которые имеются налицо в крестьянских домах. При планировке крестьянских домов необходимо учитывать и климатические условия, и хозяйственно-бытовые, экономические, национальные, и другие факторы, влиявшие в прошлом на выработку того или другого типового плана. Отсюда вытекает насущная потребность в издании материалов по планировке существующих крестьянских зданий, жилых и хозяйственных, в различных районах нашего Союза. Но нельзя ограничиться изучением одной планировки: внешняя и внутренняя формы здания находятся в полной функциональной зависимости от того или другого типового плана. Помимо планов необходимо дать также внешние и внутренние виды зданий, выраженные тем или иным методом графического изображения: в ортогональных проекциях, аксонометрии или перспективе.

Вопрос об освоении крестьянского опыта в области внутренней обстановки жилого дома приобретает актуальный интерес. И здесь можно кое-чем воспользоваться для практических целей, а не смотреть на эту обстановку, как на исключительно музейный материал. Ведь лавки, неподвижно укрепленные вдоль стен избы, нашли себе удачное подражание в городской архитектуре, притом в такой нарядной обстановке, как в фойе Московского Художественного театра. В смысле хозяйственных удобств известный интерес представляют полки-надлабочники, помещаемые над окнами

приблизительно на высоте роста человека; удобен и красив по своим формам деревенский стол со шкафчиком под ним (рис. 25).

Русская печь в избе обычно является предметом для нападков. Указывают на слишком большую площадь, занимаемую ею, и на малую теплопроизводительность по сравнению с ее объемом. Во многих случаях эти нарекания совершенно правильны. Но необходимо отметить, что в деревнях Карелии во вновь сооружаемых русских печах применяются современные усовершенствования, как, например, дымообороты в достаточном количестве, кухонная плита с отдельной топкой и пр. И в отношении размеров печь за последнее время претерпела изменения в сторону ее уменьшения. С другой стороны, нужно подчеркнуть особенно ценное в крестьянском быту качество русской печи — ее способность долго сохранять тепло. После продолжительного рабочего дня в поле крестьянин находит в печке горячий ужин, приготовленный хозяйкой рано утром; да и поило для скота сохраняется здесь теплым в достаточном количестве. Функцию хлебопечения, столь существенную в крестьянском хозяйстве, едва ли может лучше выполнить печь другой системы.

Конечно, в колхозной деревне крестьянин имеет в своем распоряжении общественную столовую и хлебопекарню, благодаря которым рамки домашнего хозяйства могут быть значительно сужены, но самое существование индивидуального жилища для членов колхоза с необходимым ему индивидуальным хозяйством подсказывает, что при создании нового радостного жилища нельзя лишать крестьянина разумных удобств, следует лишь вносить культурные поправки.

Увеличение количества жилых помещений, конечно, является необходимым. Но нужно отметить, что в северных районах нашего Союза, где крестьянин строит дома, а не хаты, он и в зимнее время

имеет в своем распоряжении избу и горницу. В первой поставлена русская печь, а во второй — печь с лежанкой. Если учесть, что изба рубится из шестиметрового, а то и более длинного бревна, а горница, примыкающая к избе, по ширине имеет от 3 до 5 м, сохраняя такую же глубину, как и изба, то, даже без дополнительных помещений

Рис. 16. Взвоз у дома в дер. Кожали Олонецкого района (Карелия)

с печью, которые часто устраиваются позади избы, получается довольно значительная жилая площадь. В более современных домах нашего Севера, построенных пятистенком, наличие отапливаемой горницы рядом с избой считается обязательным, а весьма часто и нижний этаж весь или частично отводится под жилое помещение (рис. 2, 3, 5). Само собой разумеется, что следует отнестись отрицательно к таким зимним постройкам, «зимовкам», которые

помещаются сзади избы, за сараем, с низким потолком, с печью «по-черному», куда на зиму переселяется вся семья, да еще кормится молодой скот, как это описано у Едемского в статье о крестьянских постройках б. Вологодской губ⁵. В старых двухклетных избах, отживающих свой век, какие описаны Д. Осиповым⁶, под жилье

Рис. 17. Часть взвоза у дома в дер. Павойла Олонецкого района (Карелия)

отведены помещения низкие, мало удобные и совершенно не удовлетворительные при современных требованиях. Но такие жилища уже отходят в область истории так же, как и изображенная автором настоящей статьи «изба-двойня» в селе Кондопога, зарисованная

5 «Живая старина». 1913. Выпуск I - II. Едемский. О крестьянских постройках на севере России.

6 Д. Осипов, Крестьянская изба на севере России (в Тотемском крае).

им в 1924 году. Она представляет интерес лишь своим внешним обликом, а главное — деталями оконных наличников (рис. 12).

Помещение сарая в северном доме, находящееся, как мы уже отмечали, во втором этаже, поражает прежде всего своими размерами. В условиях северного климата, обильного атмосферными осадками, при индивидуальном хозяйстве, крестьянин должен был позаботиться о сохранении всего зимнего запаса корма для скота под надежной хорошей крышей. В этом же сарае он сохранял и весь свой производственный инвентарь. Результатом таких требований и явилось большое крытое помещение над всем скотным двором с хлевами. Конструктивно задача перекрытия столь значительного пространства решена правильно. Слеги из бревен, врубленные в бревенчатые треугольные фронтоны, находящиеся на поперечных стенах, создают существенную опору для всего перекрытия. Все сконструировано здесь таким образом, чтобы не загромождать помещения лишними подпорами и столбами.

И этот опыт крестьянина, с его знанием материала, из которого он привык строить, следует использовать не только для служебных

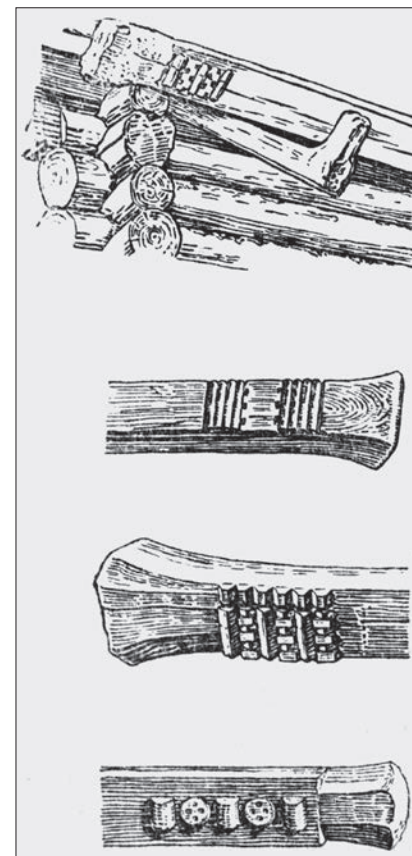

Рис. 18. Резные потоки на домах в деревнях Сямозерского района (Карелия)

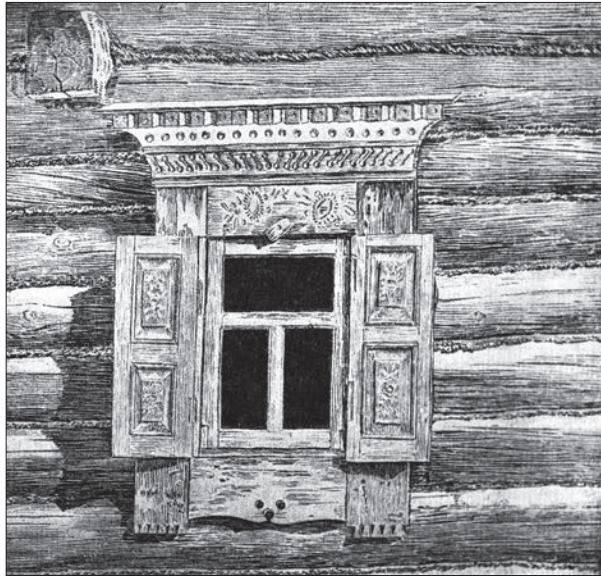

Рис. 19. Наличник окна избы в дер. Большой конец Котельской) района Ленинградского округа

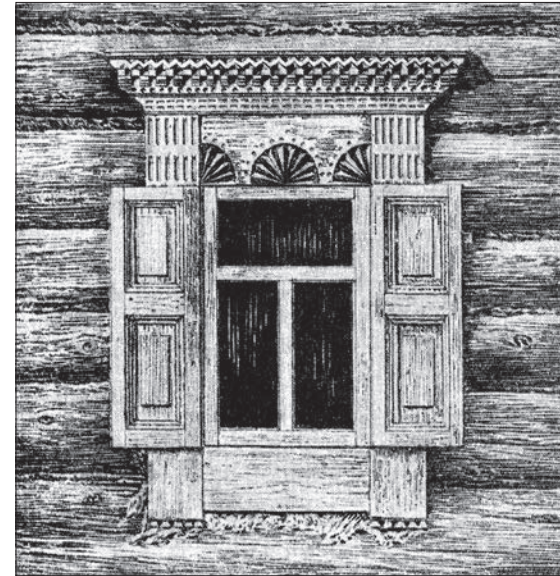

Рис. 20. Наличник окна избы в дер. Бабино Котельского района Ленинградского округа

строений в индивидуальном хозяйстве колхозника, но и в хозяйственных сооружениях коллективного назначения. А в хозяйстве крестьянина для его личного пользования необходим скромных размеров скотный двор с хлевами, а быть может, и небольшой сарай, и является вопрос, как они должны быть увязаны в плане усадебного участка.

Много поучительного и интересного представляет архитектурное оформление амбаров, поставленных на виду перед домом. Навес на столбах, небольшая галерея во втором ярусе с крутой наружной лестницей, если амбар имеет два этажа, придают этому сооружению чрезвычайно живописный вид. Резные и прорезные украшения на столбах, причелинах, потоках, на решетке галереи находятся в полной гармонии с общим архитектурным нарядом избы. Достижения деревенских строителей и в этой области могут найти применение в колхозном строительстве.

Рис. 21. Дом в дер. Корза Сязозерского района (Карелия)

Рис. 22. Планы нижнего и верхнего этажей дома в дер. Кожали Олонецкого района (Карелия)

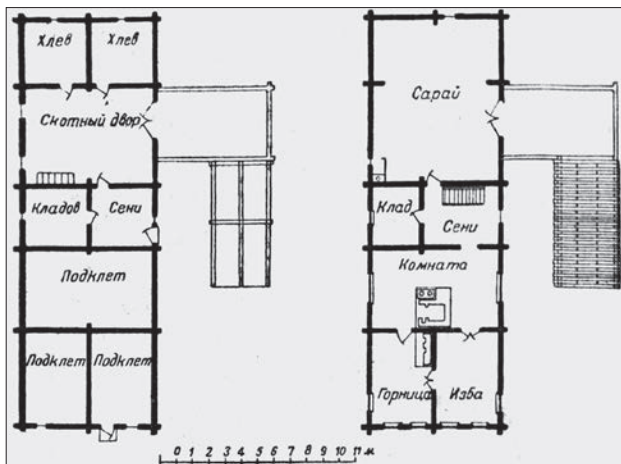

Рис. 23. Планы нижнего и верхнего этажей дома в дер. Петры Великогубского района (Карелия)

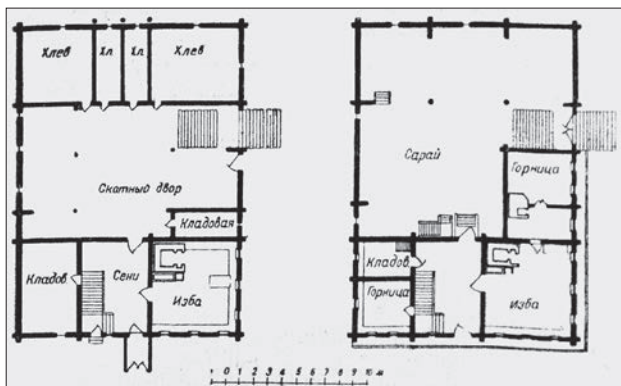

Рис. 23. Планы нижнего и верхнего этажей дома в дер. Петры Великогубского района (Карелия)

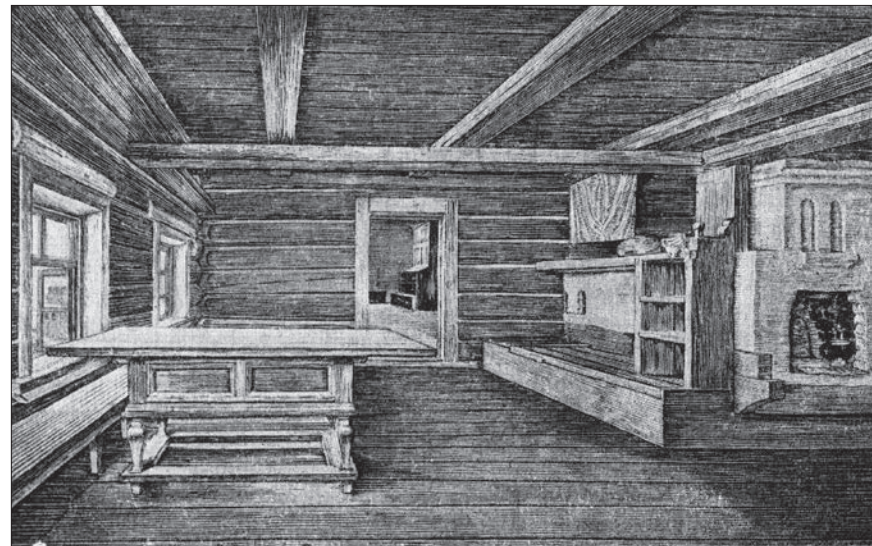
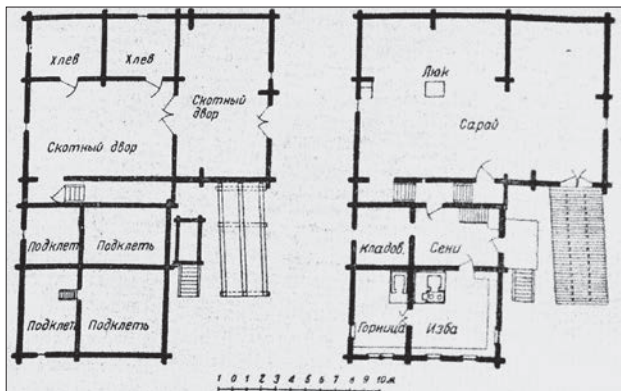

Рис. 25. Внутренний вид избы в дер. Угмойла Сямозерского района (Карелия)

Несколько слов о постройках исключительно производственного значения, как риги и мельницы. Архитектура риг в общем отвечает деловому характеру этих зданий. Поставленные в глубине усадебного участка или же в начале и в конце селения, на значительном расстоянии от жилья, они не требуют в своем внешнем оформлении увязки с архитектурным обликом жилых домов и амбаров, но все же и они имеют своеобразную архитектурную физиономию. Большие навесы и свесы крыш, то на столбах, то на выпущенных длинных концах верхних венцов, придают этим зданиям интересный вид (рис. 26). На потоках их довольно часто фигурирует резьба. Конечно, рига отдельному члену колхоза не нужна; она в значительной степени является зданием общественным. Тем более следует придать ему архитектурные формы, характеризующие назначение этого здания, но вместе с тем не представляющие разногласия ни с условиями климата, ни с национальным вкусом населения.

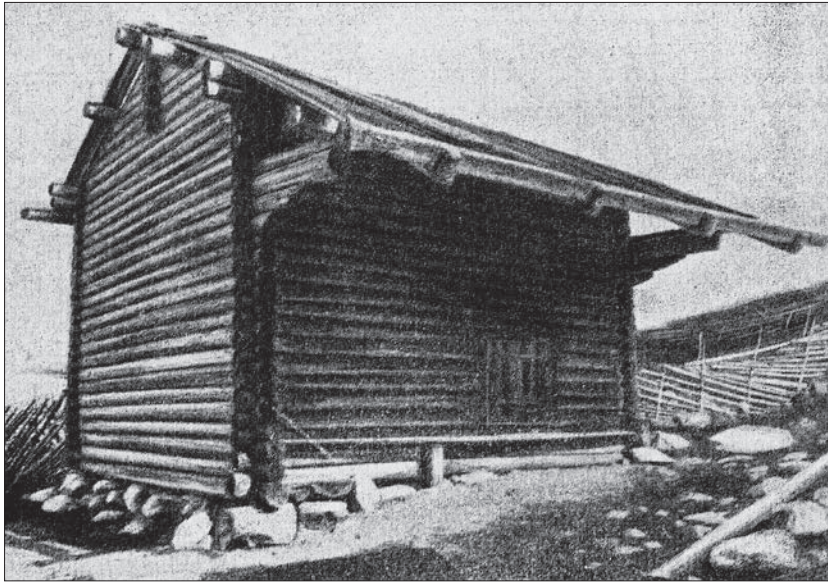

Рис. 26. Внешний вид риги в дер. Курмойла Сязозерского района (Карелия)

Архитектурный облик ветряных мельниц отличается своей живописностью. Можно, конечно, заранее сказать, что при том примитивном устройстве, какое они имеют в крестьянском хозяйстве, они не могут удовлетворить большим требованиям, предъявляемым к ним колхозами. В колхозах уже давно начали применять усовершенствованные мельницы, приводимые в движение при помощи тракторов. Но ведь существуют ветряные двигатели, более совершенные и более мощные, нежели деревенские ветряные мельницы старого типа. Принимая же во внимание дешевизну ветряной энергии, надо полагать, что там, где невозможно пользоваться водяными мельницами, усовершенствованные ветряные найдут свое применение в колхозном хозяйстве. А в таких случаях придется подумать и об их архитектурном оформлении. На рис. 27 изображен внешний вид мельницы голландского типа в дер. Большие Иммалицы Олонецкого района (Карелия).

Рис. 27. Внешний вид ветряной мельницы в дер. Большие Иммалицы Олонецкого района (Карелия)

В архитектурных формах водяных мельниц также встречаются интересные решения, а разные декоративные элементы нашли себе и здесь применение, хотя и в скромном масштабе. Рис. 28 представляет внешний вид водяной мельницы на р. Туксе в Олонецком районе (Карелия). Взвоз, менее грандиозный, чем это бывает при доме, ведет во второй этаж мельницы. В качестве декоративного момента здесь можно отметить решетчатую двухстворную дверь и небольшое оконце со ставнями на бревенчатом фронтоне.

От отдельных зданий перейдем к плану селения. Дело планировки новой колхозной деревни — вопрос очень серьезный, и от его удачного решения зависит весь облик селения. Умелый выбор места для колхозных зданий общественного назначения играет огромную роль в создании живописного ансамбля этих сооружений. И тут есть чему поучиться у крестьян. Многие селения

расположены очень живописно на возвышенности, но чаще внизу, у воды. «У воды жить веселей», заявляют карелы. Красиво, например, выглядит небольшая дер. Юстозеро, вытянувшаяся по берегу озера того же названия. Дома поставлены по обеим сторонам главной улицы с достаточными разрывами между ними.

Снятые автором статьи планы сел и деревень Карелии и Ленинградского округа показывают закономерность в расположении зданий. Было бы весьма желательно располагать возможно большим количеством планов сел и деревень различных районов нашего Союза, чтобы иметь основания установить типичные черты планировки, свойственные отдельным народностям. Можно заранее предвидеть, что в планировке старой деревни найдется немало поучительных и пригодных моментов, нуждающихся лишь в улучшениях в отношении санитарно-гигиенических условий и благоустройства, отвечающего требованиям культурной жизни.

Из всего сказанного постараемся сделать некоторые выводы. Предлагая внимательное изучение и освоение строительного и архитектурно-художественного опыта старой деревни, мы вовсе не собираемся рекомендовать восстанавливать в новой архитектуре колхозной деревни устаревшие строительные приемы и утратившие смысл архитектурные формы. Мы против слепого подражания даже и тому, что сохраняет живой интерес для нас, мы за творческую работу. Произведения крестьянского зодчества должны лишь вдохновлять архитектора к созданию нового архитектурно-художественного образа колхозной деревни.

Какие же условия являются необходимыми для использования всего ценного в народной архитектуре?

Прежде всего нужно отказаться от высокомерного отношения к архитектурно-строительным приемам и формам старой деревни,

Рис. 28. Внешний вид водяной мельницы на р. Туксе в дер. Текатчула Олонецкого района (Карелия)

как к чему-то мало поучительному и мало пригодному для современного, культурного архитектора. Далее, не следует навязывать деревне городских архитектурных форм, якобы содействующих уничтожению грани между городом и деревней. Необходимо внимательно изучать на местах лучшие произведения крестьянского зодчества в различных районах нашего Союза.

И, наконец, следует издать в широком масштабе и в наилучшем оформлении собранные по крестьянской архитектуре материалы, где нашли бы себе достаточно яркое освещение вопросы планировки селений, типичные планы жилых и хозяйственных сооружений, внешняя и внутренняя архитектура зданий и даже мелкие детали домашней обстановки.

ИНТЕРЬЕР КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА¹

Еще не так давно только произведения народного церковного зодчества исследователи считали памятниками искусства. Они равнодушно проходили мимо изб, амбаров, риг, мельниц и прочих произведений крестьянского зодчества, не замечая того, что в них проявилось не меньше творческой фантазии народа, чем в церковных зданиях. Лишь немногим приходила мысль смотреть на эти сооружения как на памятники архитектуры, как на произведения искусства.

Внутреннему помещению крестьянского жилого дома уделялось еще меньше внимания.

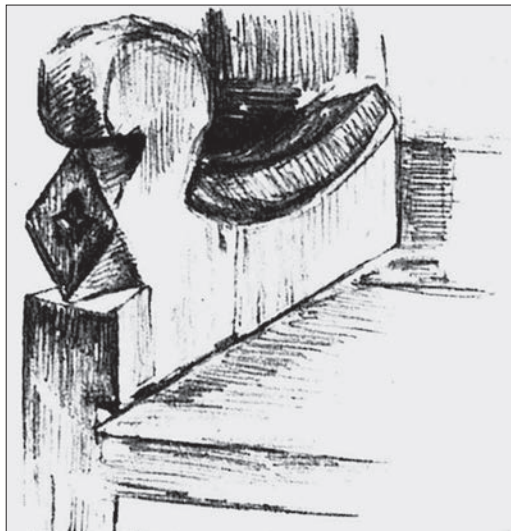
Этнографический подход в изучении внутренней обстановки избы получал значительный перевес над изучением объекта с художественной точки зрения. С особой добросовестностью описано внутреннее устройство старых курных изб. Но почти никто еще не делал попытки проанализировать художественные особенности курных изб и отметить свойственную русскому народу потребность в красивом, настолько глубоко коренящуюся в сознании нашего крестьянина, что даже дым и копоть черных печей, создавшие неприглядные условия домашнего быта, не могли выкурить этого тяготения к прекрасному. А ведь есть места, где 60–80 лет назад большинство изб строилось с печами по-черному², и эти-то избы

с прокопченными в течение многих десятков лет потолками и стенами обладают высокими художественными достоинствами. Тесно связанные с условиями быта и хозяйственным укладом, формы эти оказались настолько жизнестойкими, что сохранились почти в полной мере в последующее время и были применены в новой избе, где под воздействием роста культурного уровня населения явилась возможность отказаться от черных печей и жить в чистых, незаконченных светлых домах. Все детали новых печей по-белому в таких избах красноречиво говорят о преемственности и свидетельствуют о том, что причину устойчивости форм нужно искать не в косности крестьянской психологии, а в убежденности крестьянина, что им применена конструктивная форма не только привычная и удобная для его быта, но вместе с тем и красивая.

Не консерватизм крестьянского быта, но совершившийся в течение веков отбор композиционных и конструктивных приемов, наилучшим образом соответствующих бытовым требованиям и свойствам строительного материала, объясняет, почему во внешнем облике и в интерьерах сравнительно новых крестьянских изб зачастую можно найти черты, связывающие их с крестьянскими домами XVI–XVII вв. и с рублеными боярскими хоротами того же времени. Компоновка зданий из отдельных срубов, подклеты, наружные крыльца, рубленые стены и крыши на самцах и слегах, волоковые и косячатые окна — все это известно с глубокой древности.

¹ Рисунки, помещенные в статье, выполнены автором.

² К. Соловьев, Жилище крестьян Дмитровского края, Дмитров, 1930. Крестьяне, занимающиеся выделкой глиняной посуды, предпочитают черные избы, более удобные для ее просушки.

*Рис. 1. Коник у лавки в доме Попова
в деревне Рудневской Тарногского района Вологодской области*

Воспроизвести с исчерпывающей полнотой внутреннюю обстановку и мебель крестьянского русского дома очень трудно. Материалом для данной статьи в известной степени послужили зарисовки, обмеры и фотографии, исполненные автором в Карелии, Ленинградской области и других областях Севера, а также коллекции фотографических снимков, сделанных исследователями в деревнях различных районов России, которые хранятся в фототеке Музея этнографии в Ленинграде, предметы обстановки и утвари крестьянских домов, хранящиеся в том же музее.

Материалы, собранные этнографами, не вполне удовлетворяют архитекторов и искусствоведов. Не всегда удачны с художественной стороны бывают выбранные ими объекты и не в одинаковой мере воспроизведены интересующие нас предметы внутреннего оборудования избы и отдельные части самого жилища. Домашний быт крестьянина изображается этнографами часто в обстановке мало

характерной с художественной точки зрения. Нас же интересуют главным образом те объекты, где наиболее ярко выражено художественное творчество крестьян. Поэтому вне нашего наблюдения остаются избы, интересные лишь с бытовой точки зрения.

Деление жилых помещений крестьянского дома на три составные части: избы, сени и клеть — широко распространено в архитектуре русской деревни. Оно весьма наглядно выражено и в больших домах на высоких подклетах, встречающихся в Северном и Северо-Западном крае, и в скромного размера избах центральных промышленных районов, и даже в местах более южных, где из-за недостатка леса приходится значительно экономить его применение или заменять иным строительным материалом. Эти три основные части мы видим и в новых и в старинных крестьянских домах. Переписные книги XVII в. полны сообщениями о такой планировке жилых зданий³. Эти же сведения мы черпаем из старинных рукописей XVI и XVII вв. Все это указывает на уходящие в глубь веков корни современного жилища крестьянина. Те же исторические документы повествуют нам о существовании наравне с черными и белых изб (с печами, имеющими трубы).

К. А. Соловьев в своем труде о жилище крестьян Дмитровского края приводит опись избы посадского человека Ивана Григорьева в Березовской слободе города Дмитрова, составленную «февраля 22 дня 1727 г.»: «Изда жилая... Печь глиняная з голбцом, полати дощатые, подволоки дощатые. Против той избы клетка на омшанике, пол и потолок бревенной тесаной... Оконница слюдная. Промеж вышеописанной избы и клетки сени, вышеописанное строение изба, сени да клетка крыто дранью»⁴. Приводя это описание, мы

³ И. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв., М., 1895.

⁴ К. Соловьев, Указ, соч., стр. 19.

можем сделать предположение, что избы зажиточных крестьян в этот период были схожи с избами посадских людей.

Изменение количества и характера жилых помещений всецело зависит от хозяйственно-бытовых условий, от степени зажиточности крестьянина и от климатических условий края. Три неотъемлемые части крестьянского дома начинают обрастать и другими жилыми помещениями, отапливаемыми или холодными. Зимняя изба (зимовка) является необходимою частью северного дома. Мы видим ее и в районах Вологодского края, и у архангельских и олонечких карел, и у зырян, и у других народов Севера, жилища которых выстроены по образцу русских построек⁵. Существовая наравне с помещениями для летнего пребывания, зимние избы отличаются от последних более скромными размерами и меньшими окнами. Все здесь было предусмотрено для лучшего сохранения тепла в избе в зимнюю стужу, поэтому и печи большею частью ставились с топкой по-черному⁶.

Разрастание семьи требовало пристройки дополнительных помещений, таких, как горницы, устраиваемые в старинных домах в отдельных срубах-клетях, а в более новых — в пятистенках. Местоположение горницы различно: она размещается рядом с избою или отделенная от последней сенями, или за избою в самостоятельной клетке в помещении хозяйственного двора, или на повети. Жилые помещения устраиваются и в высоких подклетах, первоначально предназначенных для хозяйственных целей, и в светелках под двускатными крышами дома, и в мезонинах. Наконец наибольшее использование объема здания для жилья мы наблюдаем в так

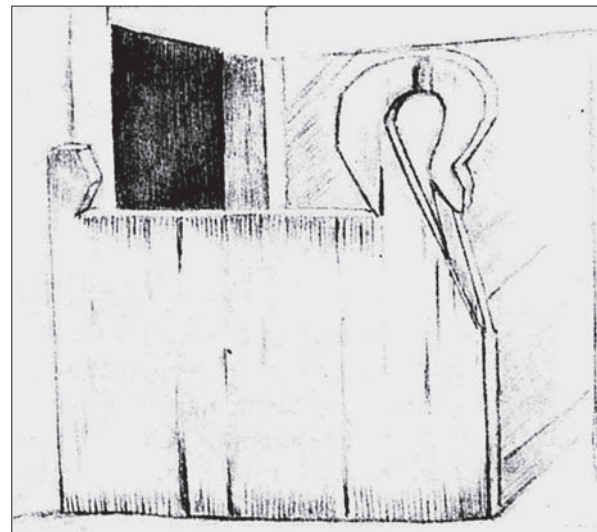

Рис. 2. Коник у печки в черной избе Попова в деревне Тюкачеве, Тарногского района Вологодской области

называемых двухжилых домах и в первом и во втором этажах, где подклета в собственном смысле этого слова не существует. Такие дома носили бы все черты городских деревянных зданий, если бы не отличались от них характерными пропорциями своих частей и своими конструктивно-декоративными деталями.

Но наиболее характерной была внутренняя обстановка изб, совершенно не похожая на интерьеры городских домов и сохранившаяся в основных чертах с XVI — XVII вв.

Такие детали внутренней обстановки изб, как идущие вдоль стен лавки и полки-надлабочники, расположенные над ними, «воронцы», тянущиеся от печного столба к наружным стенам полати и массивные «матицы», служащие опорой для потолочин, напоминают известные по старинным описям, переписным и писцовым книгам детали обстановки изб и хором XVII и даже XVI вв. Те же документы свидетельствуют и о том, что многие строительные

5 И. Сорокин, Современные зыряне. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, Архангельск, 1911, стр. 527-531.

6 М. Едемский, О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», год XXII, вып. I-II. СПб., 1913.

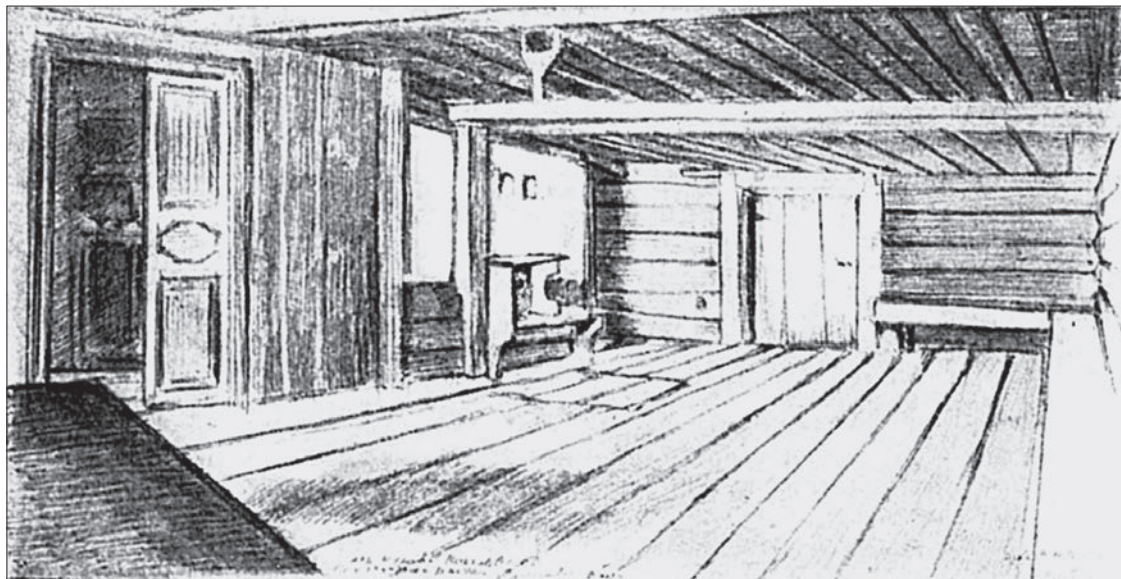

Рис. 3. Внутренний вид избы Астафьева. Люк в подполье со съёмной крышкой; дверь в шомнушу открыта. Деревня Курово Пошехонского района Ярославской области

термины и названия предметов домашнего обихода, бытующие и в наши дни, были известны и в давно прошедшие времена. Таковы термины, обозначающие отдельные части здания (подклет, подызбица, горница, сенник и др.), имеющие сейчас то же содержание, что и в старину. Таковы и названия деталей внутренней обстановки — коник, голбец, рундук с лазом в подклет, матицы, печной коник, опушенные лавки и др. Все это подтверждает, что крестьянская изба долгое время являлась хранительницей ряда исторически сложившихся форм, конструктивных и композиционных приемов не только снаружи, но и внутри.

Наш Север, не знавший крепостного права, наименее подвергся внешним влияниям и в отношении домашнего уклада крестьян и в отношении характера их построек, благодаря чему черты самобытности в его деревянной архитектуре сохранились

здесь в наиболее неприкосновенном виде. Север сохранил нам и по сие время волоковые и косячатые (красные) окна даже в больших, высоких, просторных избах, и, смотря на такие избы-хоромы, мы хотя и не можем согласиться с И. Забелиным, утверждавшим, что «теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился может быть за 300, 400 и даже за 1000 лет»⁷, но понимаем что было причиной такого утверждения. И когда И. Забелин описывает древние царские рубленые хоромы с обычною мебелью в виде лавок вдоль стен всей палаты с рундуками под ними, коником (рис. 1) и прочим хоромным нарядом, то, сопоставив эту обстановку с интерьером просторной крестьянской избы на Севере СССР, мы несомненно найдем известное сходство во внутреннем облике тех и других.

⁷ И. Забелин, Указ, соч., стр. 27, 137 и 138.

Зимняя изба, столь распространенная в большинстве районов северного края, обычно занимает часть озадка дома. Она нередко отличается от летней, как уже говорилось, более скромными размерами, и весь ее внутренний облик сохраняет в наибольшей мере черты архаичности. В летних избах нашли себе место уже некоторые новшества. С этнографической точки зрения, внутреннее устройство изб для зимнего и летнего пребывания в Тотемском, Вельском и Шенкурском районах Вологодского края достаточно полно и обстоятельно описано. Здесь внутренняя обстановка представляется в таком виде: в углу, образуемом стеной с входной дверью и боковой стеной («сутки»), стоит стол и находится божница с иконами. У противоположной боковой стены, ближе к середине — русская печь, рядом с которой может быть голбец с лестницей в подклет. За печью, в углу, образуемом стеной, противоположной двери, и боковой печной стеной размещается «шомнуша», или «кут», отделяемая невысокой перегородкой. Устье печи обращено в шомнушу. От печи до стены с входной дверью на значительной высоте — полати (рис. 3). Оставшаяся свободной от шомнуши и других помещений часть дома и носит название собственно избы. Вдоль трех стен ее тянутся широкие лавки, прикрепленные к стенам, опирающиеся на врезанные в них снизу ножки-подставки. Над лавками вдоль тех же стен устроены широкие полки, называемые полицами. Последние, проходя над входной дверью, достигают боковой стены с печью или воронца полатей. Солидный печной столб из толстого бруса в углу печи служит опорой для двух воронцов, направленных к стенам — боковой с окнами и дверной. Один из этих воронцов носит название печного или полатного; на него укладываются две балки на расстоянии двух с небольшим метров, причем задняя

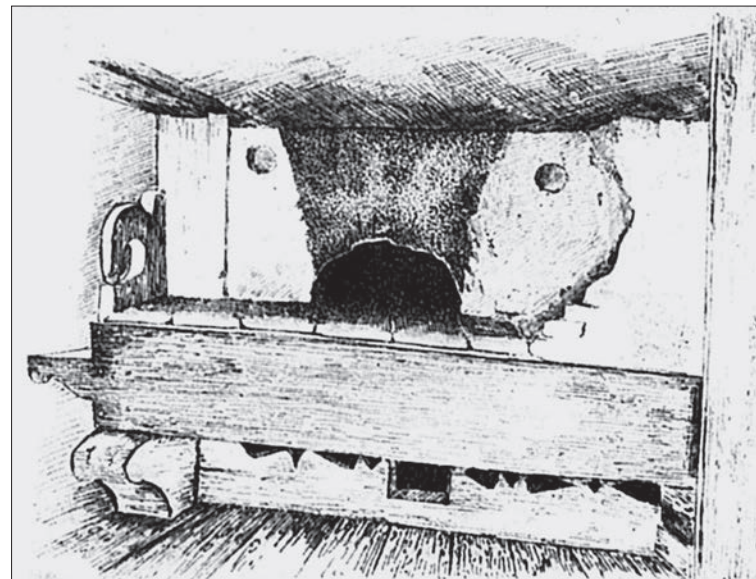

Рис. 4. Черная печь в «избе семи государей». Село Митенское Онежского района Архангельской области

идет возле самой боковой стены, а в глубокие пазы этих балок закладывается ряд досок — полатниц для образования полатей. Расположенные на высоте, достаточной чтобы проходить под ними не нагибаясь, воронцы представляют значительное удобство в домашнем быту, так как служат полками для различных предметов, необходимых в хозяйстве. Для сохранения их в чистом виде один из них (более длинный) делается съемным. Если полати отсутствуют, снимаются оба воронца. «Сутки» являются обеденным местом, и здесь протекают все торжественные события в жизни крестьянской семьи.

При наличии в избе неподвижных лавок, полиц, воронцов и полатей инвентарь подвижной мебели весьма ограничен. Он состоит из столов, скамей и небольшого количества стульев деревенской работы. Посудный открытый шкаф всегда неизбежно

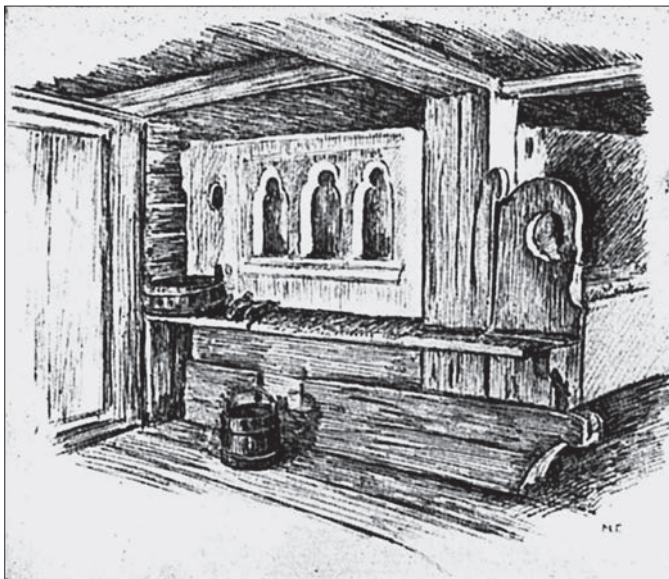

Рис. 5. Черная печь (боковой фасад) в «избе семи государей». Село Митенское Онежского района Архангельской области

прикреплен к стене; под ним стоит открытый или закрытый шкаф с полками для крынок молока и кушаний или стол. Если голбца не имеется, то вход в подклет устраивается из шомнуши через люк в полу со съемной крышкой. Но большей частью дверь голбца из шомнуши ведет на крутую лестницу в подклет. Таким образом, шомнуша, отделенная от чистого помещения избы, является как бы кухней, где проводится вся черная работа.

Горница, примыкающая к задней стене избы, сообщается с нею дверью. Занимая значительно меньшую площадь по сравнению с избою, она все же вмещает в себя всю необходимую мебель, а иногда и лавки с полками над ними. Мебель здесь состоит из стола, стульев, табуретов, комода, деревянной кровати и шкафа-поставца. Вместо русской печи здесь устанавливают обычно кирпичную печь-лежанку.

Летняя изба — «перед» с сенями и горницей, занимая переднюю часть дома, является наиболее нарядной частью его. Все размеры внутренних помещений ее значительно больше, нежели в зимних избах. Но в остальном различие между зимней и летней избою не очень значительно, если не считать новшеств, вне всякого сомнения принесенных из города, как, например: оклейка стен обоями, филенчатые двери, оконные переплеты с подстекольниками, мебель городского вида и пр. Таков в общем виде крестьянский интерьер на севере и в выше названных районах. Внутреннее устройство всех жилых помещений, конечно, может быть и несколько иным — более сложным или несколько упрощенным. Но в основных чертах оно остается одинаковым для русского жилища в большинстве районов северного края. В этнографической литературе имеется описание внутреннего вида жилых крестьянских домов и других районов России, как, например, Ярославской, Калининской, Владимирской, Калужской, Московской и других областей. Но во всех описаниях полным молчанием обходятся художественные качества этой обстановки. Между тем крестьянин совсем не безразлично относится к этим качествам.

Всмотримся внимательно в красивый, смелый изгиб конника резного дерева у черной печи в старинной курной избе Архангельской области в деревне Митенская Онежского района, выстроенной еще в 1765 г.⁸ Обратим внимание на простой ритмичный прорезной узор брусчатого опечка, оживляющий своими четкими формами его гладкую поверхность, посмотрим на архаичной формы тяжеловесный профиль кронштейна, на котором покоится наружный конец шесточки с вытесанным топором изгибом, на углубления в боковой стене глинобитной печи,

⁸ Л. Костиков, Изба семи государей. Материалы по этнографии России, т. II, СПб., 1914, рис. 7 и 8, стр. 6 и 7.

выраженные плавными очертаниями, — разве все это не говорит о стремлении крестьянина создавать в своих произведениях формы лаконичные, убедительные своей красотой, спаянные в одно неразрывное целое с конструктивной основой (рис. 4 и 5)?

Когда произносят название «черная изба», то прежде всего в воображении людей неискушенных рисуется картина закопченного, страшного своим видом помещения, с которым мог мириться только человек, находившийся на низком уровне культурного развития. На самом деле только потолок и верхние части стен, прокопченные на протяжении многих десятилетий, имеют в такой избе черный лоснящийся цвет. Причем хозяйки несколько раз в течение года приводят в порядок стены избы до уровня дымовой линии тщательным отскабливанием и мытьем. Потолок и верхушки стен этой операции не подвергаются, с них лишь сметается сажа.

Здесь нелишне будет сообщить впечатление иностранных исследователей, интересовавшихся архитектурой курных изб Восточной Карелии.

Финский архитектор J. Blomstedt⁹ писал: «Что больше всего обращает на себя внимание иностранца, когда он входит в русско-карельскую избу, в особенности если он вступает в эту страну из закопченных курных изб Финляндии, — это сверкающая чистота стен избы. По меньшей мере каждый третий год стены соскабливаются чисто и гладко и очищаются до линии дыма, так что они выглядят совершенно новыми, точно так же, как и уголь». И далее он отмечал: «Чистота и блеск изб резко отличают их от наших финских черных изб, постоянно пребывающих в той же закоптелой черноте, в которую они были приведены первоначально,

вследствие дыма». Поддержание чистоты в избах северного края издавна возводится в какой-то ритуал, чистота крестьянского дома воспевается в рунах Калевалы. Так в руне 23-й невесте дается наставление, как она должна жить в доме своего мужа.

Ты столы захочешь вымыть
 Попоздней в конце недели:
 Мой поверхность, мой и сбоку,
 Не забудь и ножек вымыть.
 Ты облей скамьи водою.
 Обмети, как нужно, стены,
 По порядку все скамейки
 И в длину все стены дома.
 Что на стол насело пыли,
 Что насело по окошкам,
 Ты смети крылом прилежно,
 Вытри тряпочкой с водою,
 Чтобы пыль не разошлася,
 К потолку б не поднялася.
 С потолка смети ты сажу,
 Черноту сотри как надо,
 О печной трубе подумай,
 Не забудь ты и стропила,
 Чтобы горницу узнали
 И сочли ее жилищем¹⁰.

Цитируя строфы из «Калевалы», я нахожу уместным обратить внимание на то, что значительная часть наиболее ценных рун собрана в бывш. Архангельской и Олонецкой губерниях, заселенных русскими и карелами.

⁹ J. Blomstedt, V. Sucksdorf, Karelische Gebäude und ornamentale Formen. Helsingfors, 1902.

¹⁰ Калевала. Финский народный эпос. Перевод Л. Бельского. П., 1915, Руна 23, стр. 173.

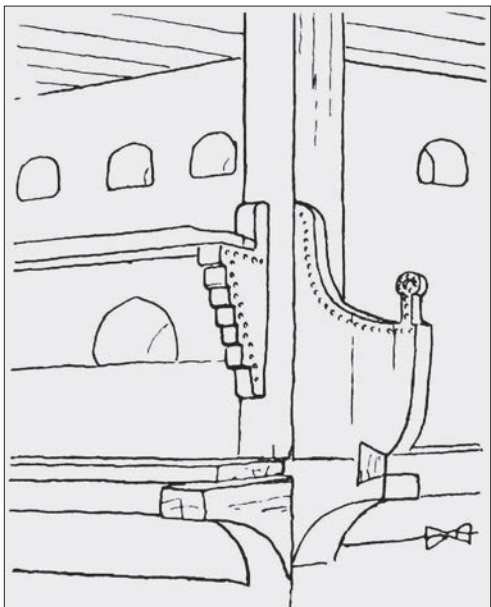

Рис. 6. Деталь черной печи нежилой избы Гаврилова.
Деревня Ручьи 2-е Сойкинского района
Ленинградской области

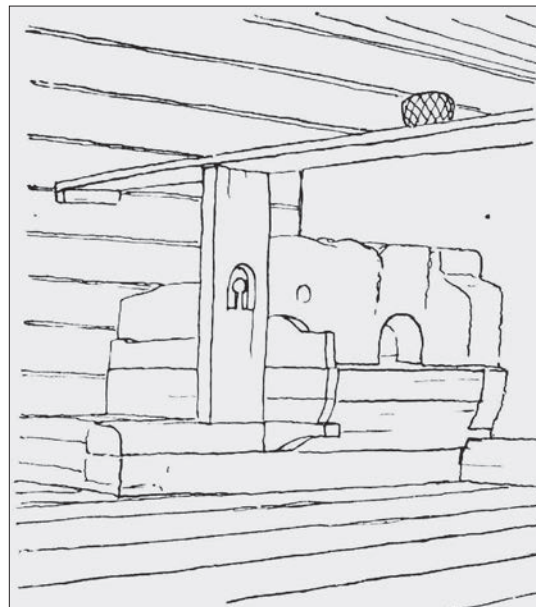

Рис. 7. Черная изба с печным столбом в виде доски.
Высота избы около 4 метров. Деревня Ахпойла
Сямозерского района Карело-Финской ССР

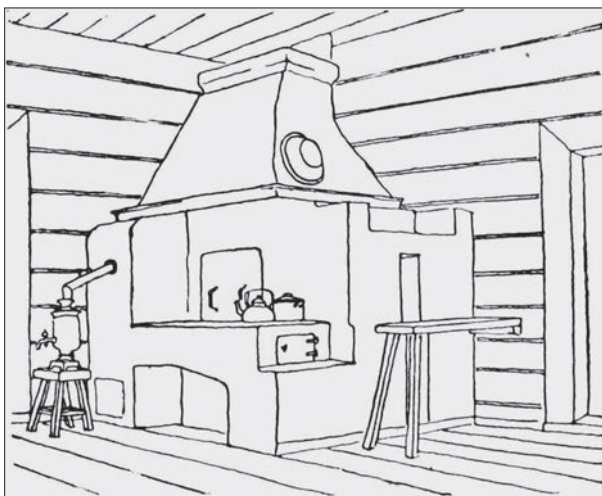
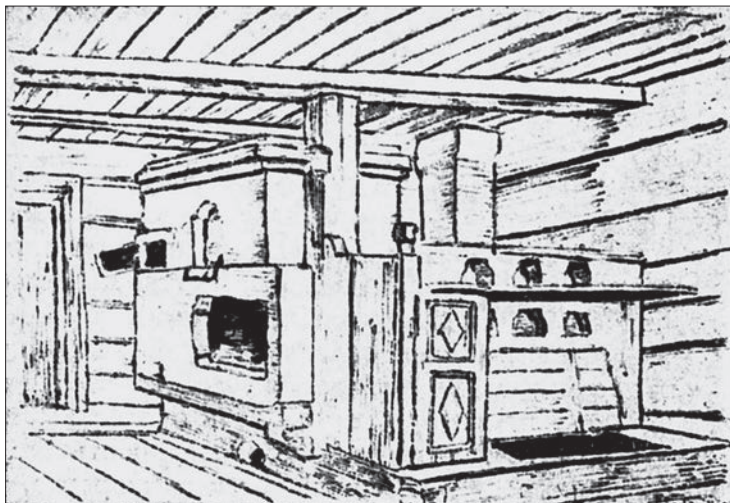

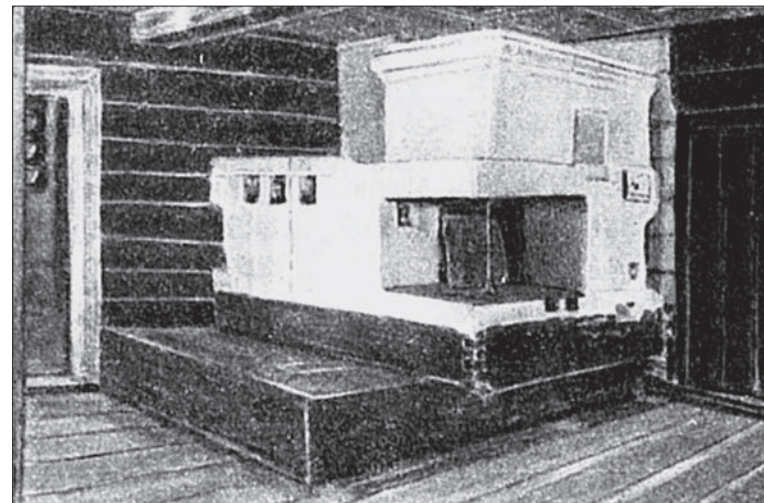
Рис. 8. Печь с плитой в шестке. Село Олонец Карело-Финской ССР

Печь «по-белому» со шкафиком и карзиной в доме Скворцовой. Село Кондопога Кондопожского района Карело-Финской ССР

Следует отметить, что сочетание черного, лоснящегося своим блеском потолка и верхов стен высоких курных изб со светлыми, только что вымытыми до линии дыма гладкими поверхностями бревенчатых стен медно-красного оттенка было очень красиво. Не раз приходилось мне любоваться этими сочетаниями красок, сидя в избе за зарисовыванием интерьера.

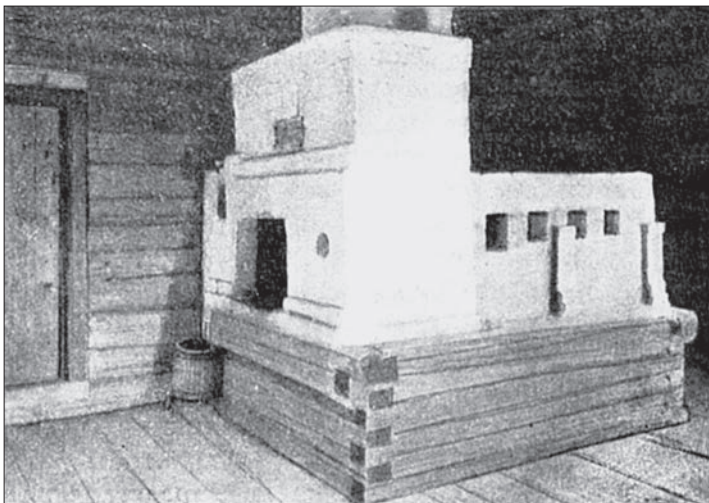
Четко вырисовываются на фоне черных потолков и верхов стен все светлые предметы внутренней обстановки, не закопченные дымом и контрастирующие с чернотой. Но наибольшее внимание привлекает своими тяжеловесными формами, полными конструктивной логичности, русская печь, покоящаяся на солидном брусчатом опечке. Большая выбеленная ее поверхность со впадинами-печурками и примыкающими деревянными частями, необходимыми в условиях крестьянского быта, представляет гармоничное целое. А стремление облечь в красивые формы

Печь с карзиной в доме Смирнова. Деревня Угмойла Сямозерского района Карело-Финской ССР

и в целом и в деталях выразить свои эстетические наклонности способствует созданию истинного произведения искусства. Полны выразительности формы печного коника, вытесанного из толстой доски, изображающего то стилизованную голову и шею коня, то фантастическую птицу, то представляющие собою загородку изящного очертания, заканчивающуюся шарообразным выступом на тонкой шейке, на которой вешают полотенце (см. рис. 2, 4, 5, 6). А когда печной столб устроен из широкой доски, как это обычно принято в Карелии, традиционный шарик на тонкой шейке помещен в отверстие, прорубленном в плоскости доски, составляя с последней красивый ажурный узор (рис. 7).

Грузная, сильно выступающая передняя часть печи, именуемая шестком, покоится на выступах брусьев, коим приданы нарочито грубые очертания, чтобы подчеркнуть значительную тяжесть, какую несут эти концы брусьев. В более легких и изящных

Печь на брусчатом опечке в новом еще не совсем законченном доме Дмитриева. Деревня Староверский луг Лужского района Ленинградской области

формах выражены обычно очертания брусьев, служащих опорой для лежанки (рис. 6).

Возвышающийся над полом брусчатый опечек обычно покоится на балках пола, в подклете же имеется солидный столб в качестве подпоры узла опечка. Шесток печи в форме ящика, образованного выступающими концами брусьев опечка, ограниченный спереди доской-шесточницей, а снизу дном из толстых досок, заполнен камнями с примесью глины. Он представляет, таким образом, огнестойкую поверхность для помещающегося у дверной стены жаратка, а также и для выгребаемых из печи раскаленных углей. Тут же, на шестке, ставят чугунные и гончарные горшки. Противоположный конец его упирается в широкую доску изящных очертаний, печной коник, укрепленный в печной столб. Но несмотря на разнообразие архитектурных форм тяжелых консолей, шесточницы, коника, печного столба и прочих

деталей, прекрасно осуществлено единство конструкции и декоративного убранства. При наличии деревянного печного шкафика для необходимой посуды его наружная торцовая стенка, совпадая с плоскостью лицевой стены печи, вверху заканчивается выступом у изголовья лежанки и имеет большей частью украшение в виде шарика или многогранника на тонкой шейке (рис. 9). Если имеется «карзина», лежанка устроена в виде полки над ней. Такова в основных чертах русская печь по-черному в ее конструктивно-декоративном оформлении. Характерным приспособлением, способствующим сохранению раскаленных углей, как постоянного источника огня, является жараток. В глухих отдаленных местах можно видеть, как хозяйка, разгребая рано утром золу жаратка, достает тлеющие угли, чтобы поставить самовар. Удобство жаратка справедливо оценивается населением. Поэтому и в новых печах по-белому он обычно находит себе место. Прямоугольное отверстие опечка под шесточницей служит местом для ухватов, кочерги и помела. Декоративное оформление здесь выразилось в ритмичном прорезном узоре по обе стороны отверстия, в простых красивых очертаниях (рис. 4).

Если мы уделили столько внимания печам курных изб, то лишь с той целью, чтобы дать о них ясное, вполне правильное представление и передать то впечатление, какое они производят своим внешним обликом. Эти печи сыграли большую роль в дальнейшем художественном оформлении более новых печных устройств в крестьянском жилище.

Присматриваясь теперь к формам русской печи с топкой по-белому, т.е. с дымовой трубой, мы можем отметить, что в них есть много общего с их черными предшественницами. Они также установлены на возвышающемся над полом брусчатом

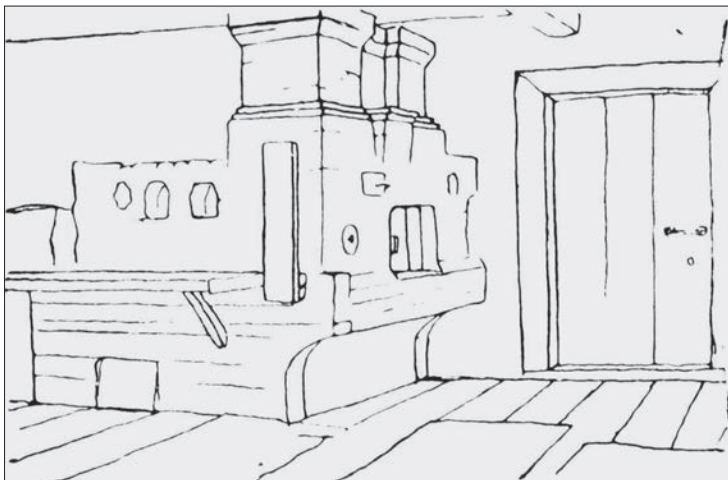
опечке (в иных местах называемом рассадником). Так же, как там, в опечке имеются сквозные отверстия прямоугольной или более сложной формы для ухватов, кочерги и пр., через которое зимою куры проходят в подпечье. Устройство углублений в плоскости самой глинобитной или кирпичной печи в виде печурок, а также различных выступов и впадин продиктовано практическими требованиями. Этим и объясняется устойчивость данных конструктивных и декоративных форм. В установленных в разное время печах, начиная от черных глинобитных и кончая новыми кирпичными, встречаются все эти особенности. Однако в разных местах (в зависимости от климатических и хозяйственно-бытовых условий) подверглись изменениям не только детали, но и объем и форма самих печей. Интересны формы печей в той части северной Карелии, которая граничит с Финляндией. Здесь они своим внешним обликом уже совсем не похожи на печи России. На высоко поднимающемся над полом брусчатом опечке покоится русская печь с отдельным камельком. Последний расположен то в закругленном углу, то в одной плоскости с печным отверстием. Весь массив, сложенный из кирпича или камня, завершается колпаком в виде усеченной пирамиды или верхом иной формы (рис. 8). Вместе с примыкающим сбоку голбцем столярной работы, с тщательно выполненными филенками, печь эта далека от архаического вида, какой она имеет в других местах Севера. Впрочем и во всем интерьере крестьянских домов северо-западных районов Карелии приходится отметить сходство с финской обстановкой, с ее тяготением к городским формам. По мнению Н. Харузина¹¹ установка печи на деревянном опечке, принятая

в Карелии, заимствована у русских. В русских избах почти повсеместно деревянный опечек является неотъемлемой частью печи.

Климатические и хозяйственно-бытовые условия северной и средней полосы СССР вынудили крестьянина поднять пол своего жилища на значительную высоту от уровня земли, устраивая высокие подклеты и используя их для хозяйственных целей. В высшей степени интересны выработанные с давних пор приемы сообщения избы с подклетом: с помощью голбца и с помощью карзины (каржины). Голбец, являясь ограждением хода в подклет, представляет собою переборки плотничной или столярной работы, с дверью, за которой установлена крутая лестница. В зависимости от местонахождения голбца — между печью и полатями или за печью — получается ряд различных архитектурных решений. Будучи необходимой частью печи в избах с подпольем в местах с преобладанием русского населения, голбец может считаться изобретением исключительно русским, и устройство его в избах карел является результатом русского влияния. Второй прием сообщения избы с подклетом с помощью карзины — низкого и длинного, примыкающего с боковой стороны печи ящика-рундука — принят чаще всего в Карелии, а также и у тверских карел (рис. 7).

Эта форма достигается продолжением передних брусьев опечка, врубленных в наружную стенку, из толстых же брусьев, направленных параллельно боковой поверхности печи. Сверху такой ящик закрывается плотно съемным дощатым щитом, под которым дощатая лестница ведет в подклет. С точки зрения архитектурного оформления, второй прием имеет значительные преимущества перед первым. Уширенное карзиной брусчатое основание печи придает особую устойчивость всей массе ее, образуя красивый

¹¹ Н. Харузин, Очерк развития жилища у финнов. «Этнографическое обозрение» № 2, 1895-1896.

*Рис. 12. Внутренний вид старой избы Куприянова (200 лет).
Деревня Староверский луг Лужского района Ленинградской области*

ступенчатый переход от плоскости пола к спокойным формам печи. Выступающие концы продольных брусьев опечка, обработанные простыми формами кронштейнов, на которые опирается своей тяжестью шесток, фигурный печной коник, а иногда и прилегающий к нему посудный шкафчик — придают всему сооружению живописный и полный уюта вид. Глядя на такую печь, можно без преувеличения сказать, что она является главным художественным элементом во всей внутренней обстановке избы. Конструктивные и декоративные элементы здесь тесно переплетены в одно стройное целое и во всем чувствуется большая логичность, основанная на опыте целых поколений.

В настоящее время принято ставить русские печи на брусчатых опечках не только в отдельных районах России, но и в местах близ крупных культурных центров. Фотографический снимок (рис. 11) изображает только что поставленную русскую печь на деревянном опечке в деревне Староверский Луг Лужского района

Ленинградской области в новой, еще не совсем законченной избе. Солидная, большого объема печь эта, покоящаяся на тщательно сделанном брусчатом опечке, вносит художественную выразительность во внутреннюю обстановку просторной избы, не успевшей еще подчиниться воздействию города, что обычно выражается прежде всего в оклейке обоями красивых бревенчатых стен. Повалы, выраженные плавной кривой или уступами, мы видим на опечках в деревнях Лужского района (рис. 12). Они являются прекрасным переходом к нависающей над опечком кирпичной массе лицевой части печи. Прием такого плавного, мягкого перехода меньшего объема в больший применяется и во внешней архитектуре народных построек — в верхних частях стен старинных рубленых амбаров, при переходе их в сильно нависающую двускатную тесовую крышу, и в церковных сооружениях, где эти повалы осуществлены в рубленых восьмигранных барабанах. Все это говорит о глубоком понимании народом физических свойств материала, из которого ему приходится строить.

Специфические особенности печей с топкою по-белому потребовали таких архитектурных форм, которые не имеют места в черных печах. Шесток с возвышающимся над ним кирпичным колпаком выражен, конечно, иначе, чем в черных печах, где чело их имеет незначительную высоту, а самый шесток является открытой выступающей вперед частью. Последний в белых печах приютился под сводом грузного кирпичного колпака, да еще с одного, а то и с двух боков зажат кирпичными стенками. Такое конструктивное решение продиктовало архитектурные формы печи и различным образом сказало на ее оформлении. Сочетания объемов различной высоты диктуются назначением печи, и эти объемы одеты здесь лишь в скромные архитектурные наряды из

тяг различных профилей, пилястр с капителями и базами, окаймленных ниш, свисающих частей, обработанных какими-либо профилями, и прочих деталей или местной крестьянской выдумки, или заимствованных извне и переработанных на свой манер. На целом ряде помещенных здесь фотографий мы можем видеть весьма разнообразные толкования таких форм.

Влияние провинциального города сказалось, между прочим, в замене деревянного опечка кирпичным основанием, что отняло у печи значительную долю живописности и нарушило гармоническую связь между бревенчатыми стенами избы и самой печью. Точно так же пострадала цельность художественного образа от устранения таких деталей, как печной коник и столб, голбец, карзина и посудный шкафчик у печи.

Усовершенствования конструкции русской печи для лучшего ее использования выразились в присоединении к ней плиты сначала в шестке, а в дальнейшем в виде отдельной пристройки сбоку с самостоятельной топкою, что, нарушивши цельность объема печи, не содействовало красоте ее архитектурных форм. Но как бы ни были сильны городские влияния, в формах печей осталось много первоначального, идущего из недр народного творчества. Нововведением было устройство добавочных кирпичных печей с оборотами, называемых здесь щитами. Они поставлены в добавок к русской печи для зимней топки. Стоящие отдельно, они имеют несколько иные формы, они трактованы в виде узких, высоких впадин, ритмично чередующихся с еще более узкими перемычками. Когда такой щит примыкает к русской печи, то особенно осязателен архитектурный разлад между декоративными формами его и печи. Быть может, в новизне этого сооружения и нужно искать причины архитектурной неувязки его с формами

печи. В интерьере избы такие щиты (большого протяжения), поставленные поперек, дают возможность избежать переборки для отделения части избы под спальню или горницу, а примененные вместе с ними домотканые светлые ажурные драпировки сообщают уют всему помещению. Такие щиты можно наблюдать во многих деревнях Лужского района.

Орнаментация печи каким-либо вдавленным узором встречается относительно редко, так же как и расписывание ее декоративными мотивами. Поверхность самой печи обычно белится, а деревянные части окрашиваются масляной краской в яркие тона.

В Дмитровском районе Московской области, по сообщению К. А. Соловьева¹², украшение печей вдавленным орнаментом геометрического характера посредством трафарета было принято довольно часто, а расписывание их изображениями льва и кота с надписью «лев-кот», двух львов с надписью «львы дерущие» или пейзажа — проводилось, по его мнению, владимирскими богами. Мотивы растительного орнамента, воспроизведенные живописью на таких деревянных частях печи, как печной столб и опечек, были распространены и в деревнях Заонежья.

В направлении печного устья в крестьянских домах Севера этнографами усматриваются финские и русские черты. Признаком финского влияния считается направление печного отверстия к стене со входной дверью или, точнее сказать, под прямым углом к дверной стене, если печь занимает угол избы. Русские черты они видят в направлении устья к фронтовой стене¹³. В своих исследованиях крестьянской архитектуры я встречал печи как с таким, так и с другим направлением печного устья и у русского и у карельского населения

¹² К. Соловьев, Указ, соч., стр. 64.

¹³ Н. Харузин, Указ, соч., стр. 27.

Севера. В значительном большинстве старых изб, в особенности курных, печное отверстие направлено под прямым углом к дверной стене, и, по всей вероятности, это представляет значительные преимущества, так как дым курных печей кратчайшим путем уходит в сени через открытую дверь. В более новых домах встречаются печи, у которых печное устье направлено к фронтовой стене. Оба эти приема имеют свои преимущества и недостатки. При устье, обращенном к дверной стене, изба меньше затаптывается, ближе носить воду, кухня, при наличии переборки, более изолирована от чистой половины избы. Но зато хозяйке менее удобно работать у печи: из-за близости входной двери, ее рабочее место находится в самом проходе. Но, повидимому, преимущества этого положения устья преобладают над недостатками, и во вновь строящихся домах чаще всего печь ставится именно таким образом.

Здесь уместно обратить внимание на те термины, которые с давних пор имеются в обиходе у крестьян для названий отдельных частей избы. Главным образом это касается углов и стен. Стена, приходящаяся против входа, носит название задней стены или фронтовой. Впрочем, иногда задней стеной считается дверная, отделяющая сени от избы. Боковая стена у печи называется стеной печного угла, противоположная ей считается боковой, а стена с входной дверью носит название дверной стены. Угол, образуемый задней и боковой стеной, считается красным, большим или святым углом. Он находится, следовательно, в конце диагонали, проведенной от угла печи. Образуемый задней и печной стеной угол носит название печного или заднего, а иногда и кутного. Здесь находится обычное место женщин для занятий рукоделием. Дверной угол образуется плоскостью печи и дверной стеной. Здесь висит гончарный или медный рукомойник с лоханью под ним. В углу между

боковой и дверной стеной приютился коник. В кутном углу помещается судник или залавок. Все эти названия в различных местностях имеют различное содержание, но они настолько близки друг к другу, что в дальнейшем ими можно пользоваться при обозначении элементов крестьянского жилища всех районов России.

Относительные размеры жилых помещений сильно разнятся в различных районах, и совершенно невозможно установление какого-либо единого типа, твердо принятого в жилище всей России. Размеры эти зависят от многих условий местного характера. Но исходя из того, что изба представляет собою клеть, рубленную из бревен определенной длины — от трех до четырех сажень (6–8 м) и что различного рода прирубь, пятистенки, двойни и другие приемы расширения жилища зависят от длины бревна, являющегося как бы модулем, то обычного вида изба без дополнительных пристроек получает более или менее определенные размеры. Соотношение длины и ширины близко к квадрату. Горница же, помещаясь в пятистенке или в самостоятельной клетке, может иметь отношение 1:2 или 1:1. Средней величиной внутреннего квадратного в плане помещения избы можно считать 6Х6 м.

Бревенчатые стены в избе гладко обтесаны и даже выструганы почти до самого паза, но остаются в углах круглыми, такой переход от круглой поверхности к плоскости делается возможно тщательнее по плавной изогнутой линии. Угол избы приобретает своеобразную красоту, в особенности когда применен крупный лес. Нижние венцы бревен от пола до лавки оставляются часто не стесанными. В старинных высоких курных избах не стесанными остаются венцы от потолка почти до верха окна. Обычная высота избы 2–2,5 м. Но и она также изменяется. В то время как курные избы русского Севера имеют незначительную высоту, на территории Карелии они

достигают высоты 4 м, что разрешает крестьянам-рыболовам сушить и прокуривать дымом свои сети под высоким потолком избы. Помимо этого, наличие в избах старого типа полатей и воронцов на значительной высоте от пола, дает возможность ходить по избе не нагибаясь. Чтобы потолок также не слишком нависал над полатами, делается значительно большая высота, а следовательно, и не такие приземистые пропорции. Такими высокими избами отличаются дома в таких богатых лесом районах, как Карелия, Архангельская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Молотовская и отчасти Горьковская области.

Гладкие плоскости стен, рубленных из крупного леса, с хорошо пригнанными пазами и старательно сделанными углами, красивые сами по себе, гармонируют с потолком на солидных матицах, широкими половицами, бревенчатым печком, воронцами и прочими деталями внутреннего убранства избы. Первое нарушение этой гармонии выражается в оклейке стен, а иногда и потолка вместе с матицами обоями, а то и просто газетной бумагой, из-за чего в значительной мере утрачивается привлекательность интерьера.

Еще и сейчас можно встретить местами в старых избах потолки или, как их по старинному называют, подволоки из сплошного ряда бревен, пригнанных плотно друг к другу. Особенно распространенный в курных избах, такой прием нашел себе применение и в белых, с тою лишь особенностью, что там нижние круглые части бревенчатого наката слегка стесываются (рис. 13). Применение бревенчатого наката для образования подволоки позволяло придавать последней форму иную, нежели форма горизонтальной плоскости. В некоторых случаях, довольно редко, потолок напоминает плоский цилиндрический свод: он образуется сочетанием трех поверхностей — двух крайних наклонных и средней

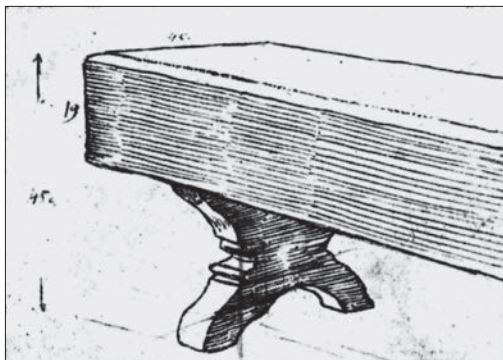
Рис. 13. Старая изба Зайцева. Потолок из наката. Деревня Заполье Лужского района Ленинградской области

горизонтальной. Впрочем, это достигается также при двух матицах, врубленных выше, чем верхние венцы боковых стен. В таком случае потолочины на матицах уложены горизонтально, а к боковым стенам наклонно, образуя ломаную поверхность. Такой прием также встречается нечасто, главным образом в старинных курных избах. В большинстве же изб потолок на матицах имеет форму горизонтальной плоскости, а количество матиц, в зависимости от их толщины и от размеров помещения, колеблется от одной до трех. Матицы выходят в помещение избы или целиком, или частично, когда концы потолочин лежат в специально оставленных для них пазах. Следует отметить наряду со старинными и более новые приемы. К первым относятся подволоки из толстых потолочин, всю свою длину лежащих на матицах.

*Рис. 14. Угол избы Михайловой (Воловой).
Деревня Староверский луг Лужского района Ленинградской области*

Незамаскированная конструкция потолка на матицах, рельефно выступающих в помещение, с хорошо пригнанными друг к другу потолочинами, сама по себе является достаточным украшением избы. Находясь в полной гармонии с такой же незамаскированной конструкцией всего интерьера, она совершенно не нуждается в декорировании подшивкой, несмотря на то, что это новшество иной раз проникает в деревенскую архитектуру под влиянием города.

*Рис. 15. Лавка в старом доме Волкова.
Деревня Байново Пошехонского района Ярославской области*

Про окна в избах можно сказать, что в их формах отражена вся история деревянного зодчества, прошедшего различные этапы в своем развитии. Старые волоковые и косячатые окна еще кое-где сохранились в далеких и глухих местах, но наряду с ними в тех же селах встречаются уже совсем по-новому трактованные окна большого размера, называемые «итальянскими». А в промежутке между такими диаметрально противоположными формами можно встретить целый ряд переходов. В курных и старинных белых избах мы видим еще окна, размером не превышающие 0,70 м высоты, при ширине всего в 0,40 м, со створкой, поднимающейся кверху (почему окно и носит название подъемного). Иногда (значительно реже) эти окна имеют задвигающуюся створку. Появление косяков в качестве оконной обвязки резко повлияло на форму и величину окон. Высота и ширина окон в избах постепенно увеличиваются, да и количество окон также возрастает. Изба получает значительно лучшую освещенность. Обрамление из массивных косяков, врубленных в еще более массивный подоконный брус, и завершение горизонтальным обвязным деревом — подушкой, вытесанные весьма тщательно, уже своими размерами придают совершенно новый вид окну. Лишенные каких-либо декоративных мотивов, подобные рамы в сочетании с оконными переплетами сами по себе являются вполне достаточным украшением избы. Они совершенно не нуждаются в такой чисто внешней декорации, как прибивные шаблонные наличники, красующиеся на окнах новых изб и приближающиеся по своим формам к городским оконным коробкам. Прибитые гвоздями к оконным коробкам внутри избы наличники фабричного изготовления, тонкие подоконные доски, продороженные иной раз калевкой и законченные с обоих краев профилем в виде выкружки, во внутренней обстановке избы выглядят так же фальшиво, как

и обои, скрывающие красивую конструкцию бревенчатых стен. И в формах оконных переплетов, в зависимости от времени сооружения избы, мы можем проследить различные варианты. Деление волоковых окон на шесть стекол, а косячатых — на девять, распространенное в старые времена, когда стекла только пришли на смену бычьему пузырю и слюде, до последнего времени встречалось на волоковых и косячатых окнах изб Севера. Когда же окна стали исключительно косячатыми, а размер их увеличился, то и форма переплетов изменилась и деление на шесть стекол стало обычным и повсеместным. Наряду с этим было принято делить окна на три стекла: верхнее в виде фрамуги и два нижних; и все три стекла включались в один переплет, навешенный на один косяк. В дальнейшем под несомненным влиянием города переплеты получили еще и подстекольники под фрамугой и в нижней ее части, что совсем сравнивало их с переплетами городских окон, в особенности когда была введена фрамуга как неподвижная часть переплета.

На формах дверей внешние влияния сказались относительно меньше. Здесь изменения главным образом выразились в заимствовании целиком форм одностворных филенчатых дверей, ведущих в горницы. Деление на один или два средника со вставленными филенками применяется довольно часто (рис. 3). И только живопись, иногда украшающая такие двери, отличает их от городских. Там, где имеется тяготение к городской обстановке, предпочитают филенчатые двери. Входная же дверь в избу сохраняет старые формы и пропорции. Она навешена на толстые дверные косяки — ободверины, и имеет также высокий порог, соответствующий толщине нижнего венца у пола. Обрамленная такими исключительно конструктивными частями, как ободверины, порог и верхний брус, дверь, представляющая собою гладкую плоскость из нескольких

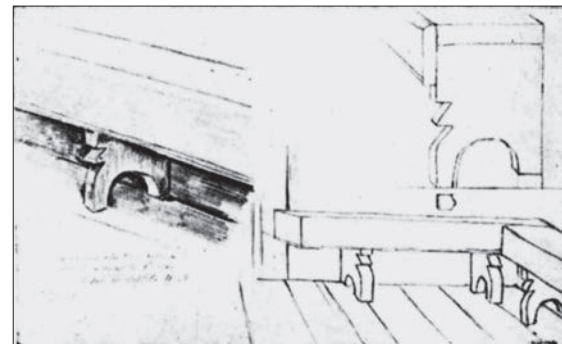

Рис. 16. Опушенная лавка в доме Астафьева.
Деревня Курово Пошехонского района Ярославской области

широких толстых досок, находится в полном их соответствии с простыми бревенчатыми стенами избы.

Архаичные, приземистые двери старинных изб имеют мощные косяки, порог и верхний брус, а также необыкновенно широкие доски, ширина которых близка к толщине бревен рубленых стен избы. В новых избах все конструктивные части менее солидны: дверь собрана из значительного количества узких досок, имеющих большую высоту, а в сухих очертаниях тонких дверных косяков, окаймляющих дверь, нет уже прежнего созвучия с окружающей обстановкой.

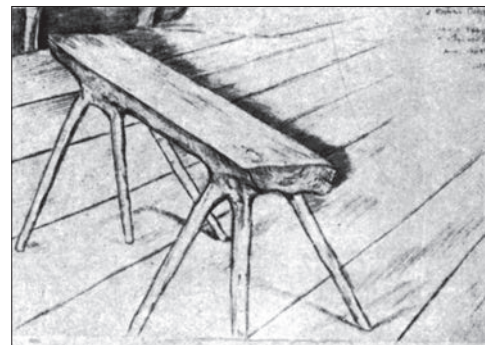

Рис. 17. Скамья из елового дерева о шести ногах в доме Астафьева.
Деревня Курово Пошехонского района Ярославской области

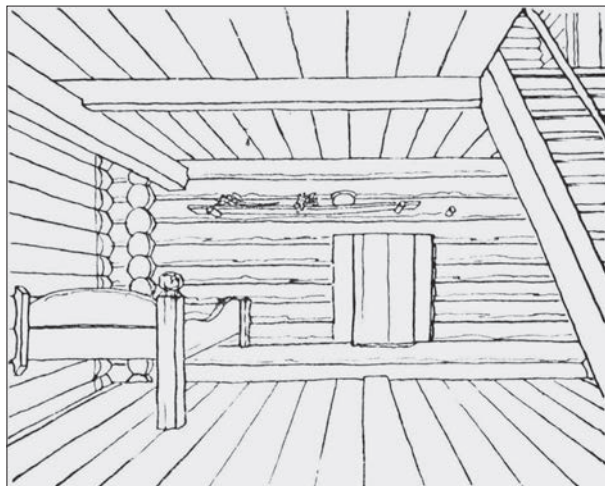

Рис. 18. Кровать в доме Кононова.
Деревня Юстозеро Медвежьегорского района Карело-Финской ССР

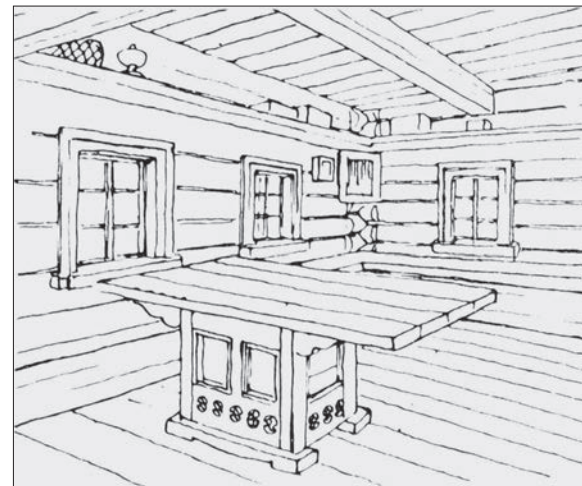

Рис. 19. Старинный стол в избе.
Деревня Эссоила Сямозерского района Карело-Финской ССР

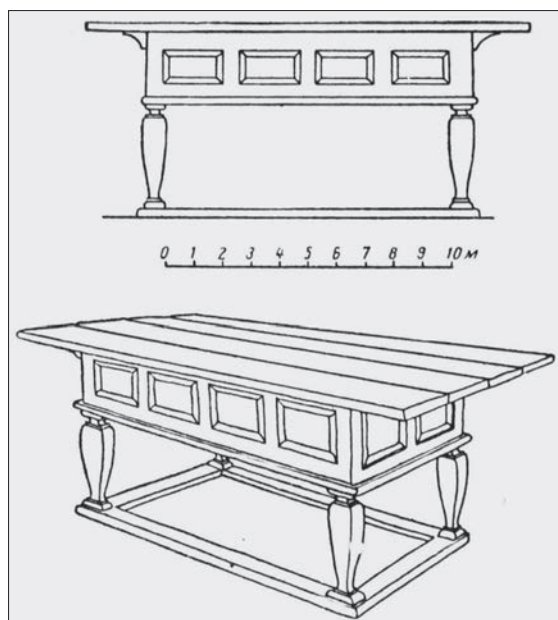
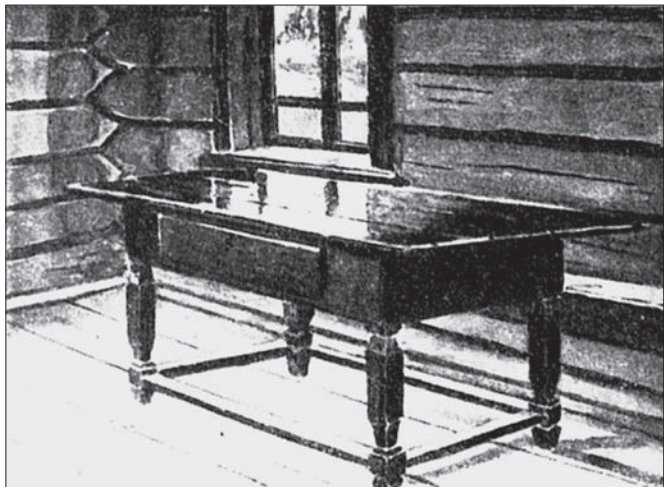

Рис. 20. Стол в доме Леонтьева.
Деревня Святнаволок Петровского района Карело-Финской ССР. Обмер

С давних времен было принято, что изба целиком занимает предназначенную для нее клеть: деление ее стенками или перегородками вообще не практиковалось. После трудового дня, когда собиралась вся семья, в избе было достаточно места, чтобы разместиться и за обеденным столом в красном углу, и отдохнуть на лежанке или на карзине, погреться на печи, а то и заняться домашней работой. Русская печь, вся целиком выходящая в помещение избы, являлась и в прямом и в переносном смысле домашним очагом — источником тепла и уюта.

В делении избы на несколько более мелких комнат в деревне особенно не нуждались еще и потому, что, помимо избы, обычно была горница в самостоятельной клетке или в пятистенке и другие помещения (не считая просторных сеней). И, если с давних пор в Архангельском и Вологодском краях, а также и в некоторых других районах Севера было принято отделять часть избы под стряпущую, называемую «шомнушей», то стенка эта, не доходившая

*Рис. 21. Стол в горнице дома Малышевой.
Деревня Новинка Ермаковского района Ярославской области*

до потолка и архитектурно обработанная филленчатыми плоскостями или резными фигурами (вверху), представляла собою лишь красивого вида ширму, отделяющую стряпущую от чистой половины избы. Эта невысокая перегородка, архитектурно связанная со всеми примыкающими к печи деревянными пристройками и брусчатым опечком, не нарушала цельности впечатления от всей обстановки, а главное, отделяя лишь очень небольшую часть просторной избы, не создавала тесноты и входила в состав неподвижной, прикрепленной к стенам мебели.

Деление избы на комнаты и кухню высокими, доходящими до потолка перегородками, появилось, как подражание городу и как следствие потребности отвести для каждой стороны домашней жизни не только угол, но и отдельное помещение. На первых порах это осуществлялось путем разделения перегородками сложившегося целостного интерьера избы, что привело к тесноте отдельных комнат, случайному, не увязанному с объемом печи,

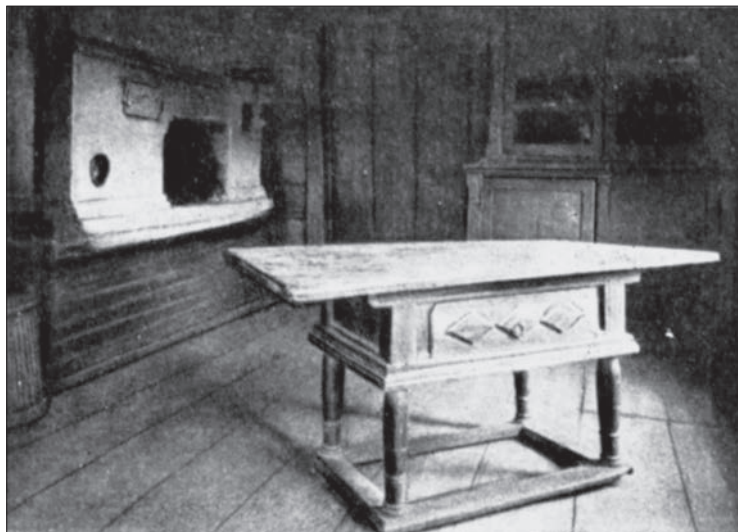

Рис. 22. Самодельный стол с солонкой, плетеной из корней, в доме Астафьева. Деревня Курово Пошехонского района Ярославской области

*Рис. 23. Стол в доме Михайловой.
Деревня Староверский луг Лужского района Ленинградской области*

разделению помещения на части. Потребность в создании отдельных помещений или более изолированных частей общей площади удовлетворялась в крестьянской жилой архитектуре или путем устройства отдельных комнат (горница, сени), или путем изменения положения печи в избе.

*Рис. 24. Старый стол в доме Михайлова.
Деревня Невежи Лужского района Ленинградской области*

Благодаря размещению печи с отступом от дверной стены на расстоянии 1–1,5 м за печкой получился закут, используемый в домашнем хозяйстве различным образом — или в качестве кладовой для одежды, или в качестве спальни для детей. Впрочем, нужно сказать, что такое положение печи, встречающееся в зимних избах Вологодского края, описанное М. Едемским¹⁴ повидимому, принято там с давних пор. Позднее можно наблюдать отступ печи и от боковой стены приблизительно на такое же или несколько меньшее расстояние. Место же за печью используется под кладовую или кухню. Такое положение печи встречается часто и в деревнях Вологодского края. Все же приходится отметить, что заимствованное из города деление избы на комнаты не нашло применения в широком масштабе, являясь на первых порах лишь искажением первоначального плана. Но если мы рассмотрим в планы старых

изб Севера (например, изб Вологодского края), где в общей клети выделена просторная изба, маленьких размеров горница и шомнуша за печью, то мы обнаружим глубокую продуманность планировки и архитектурную увязку всего интерьера.

* * *

Устанавливать неподвижные лавки вдоль стен избы — обычай, существующий в течение нескольких столетий. Такие лавки имелись в царских и боярских хоробах древней Руси. В описях дворов XVI — XVII вв. встречается упоминание об устройстве обыкновенных и опущенных лавок, имеющих полное сходство с лавками, заменяющими всю мебель в крестьянских избах настоящего времени. В устройстве их, размерах и деталях сохранились все черты старинных лавок. Это особенно бросается в глаза в старых избах, насчитывающих сто — сто с небольшим лет. Широкие доски, вытесанные топором из бревна, имеют большую толщину. Их ширина, достигающая 70 см, соответствует ширине лавок в старинных хоробах (рис. 14). И до сих пор даже в новых домах Севера и иных районов богатых лесом встречаются лавки таких размеров. Резным доскам, свешивающимся с свободного края лавки, называемым опушками, подставкам-стамикам, подпирающим в двух-трех местах лавку, и рубленным топором придавались в старые времена (да еще и не так давно) выразительные декоративные формы. И до сих пор мы видим эти детали, украшающие более старые избы Лужского района Ленинградской области (рис. 14, 15, 16). Спокойные, плавные линии узора орнамента таких лавок выполнены топором. Очертания, приданные подставкам-стамикам, вполне гармонируют с узором опушек и иногда непосредственно переходят в них. Но даже и в неопущенных лавках подставки, также исполненные топором, в большинстве случаев имеют очертания балясин или резных досок

¹⁴ М. Едемский, Указ. соч.

балконных решеток, но трактованы в более тяжелых формах. Лавки, украшенные опушками, отмечены А. Бобринским в избах деревень Вологодского края¹⁵. Встречаются они и в трапезных старинных рубленых церквей Севера, исполненные теми же плотниками, которые рубили и наряжали крестьянские избы.

До сих пор лавка под окнами лицевой стены называется красной, и конец ее у красного угла считается самым почетным местом в избе. Противоположный конец лавки называется бабьим. Долевые лавки, расположенные у боковых стен, являются местом для повседневной домашней работы. На короткую же лавку, достигающую до дверной стены, складывают хозяйственные предметы. Толстые массивные лавки и значительно более тонкие и легкие полицы делят стену по высоте на три пропорциональные части, образуя как бы постамент, среднюю часть и фриз.

Как мы видели, неподвижная мебель удовлетворяет уже многие потребности крестьянского домашнего быта: лавки вдоль стен служат для сидения, воронцы и надлабочники — для различной утвари и посуды, стенной шкаф — для тарелок и блюд, полати и настилы за печкой — для спанья, и т.д. Поэтому, как было уже отмечено, количество подвижной мебели в крестьянской избе весьма ограничено, и это чрезвычайно характерно для крестьянского жилища на всех этапах его развития. Незагроможденная лишними предметами изба остается просторной и удобной для жилья даже при большой семье. Один-два стола, две-три скамьи на четырех ножках да иногда еще приставная скамья о двух ножках, табуреты — вот и все, что заполняет середину избы. Можно еще иной раз встретить небольшую трехногую табуретку, для которой использован обрубок сосны с разветвляющимися корнями,

или низкую скамеечку о шести ножках, нужную для домашних работ (рис. 17). Не всегда находит себе место в избе деревянная кровать. Но если она здесь имеется, то, будучи очень скромной и простой по своим формам, она отмечается деталями, выполненными в той же технике, что и детали голбца, печного коника и прочих деревянных частей, примыкающих к печи.

Большой частью кровать составляет обстановку горницы, а то и сеней, в которых спят летом, спасаясь от духоты (рис. 18). В избе же стелют постели на лавках, на полу, на полатях, на рундуках, на лежанках и на досчатых настилах за печью, устраиваемых там, где отсутствуют полати за недостатком необходимой для них высоты в избе. В последнем случае такие настилы, состоящие из ряда толстых досок, располагаются на уровне лавок или несколько выше и относятся уже к неподвижной мебели. Используется, конечно, и верхняя плоскость русской печи, где охотно спят старики.

Наибольший интерес представляет в обстановке избы обеденный стол; по своему оформлению он среди скромной и простой остальной мебели вызывает к себе исключительное внимание и часто является подлинным произведением народного искусства. Деревенский обеденный стол имеет свои особенности, свои пропорции и даже свои тона (если в нем применена раскраска). Наиболее художественными формами отличаются старые столы, сохранившиеся до наших дней не только в музеях, но являющиеся и сейчас предметами домашней обстановки. Такие столы обычно состоят из трех частей; верхней — называемой столешницей, средней — подстолья и нижней — ножек, скрепляемых при значительной высоте последних обвязкой, носящей название проножек.

Большой величины столешница, плотно скрепленная из гладко струганных, хорошо пригнанных досок, всегда делается съёмной,

¹⁵ А. Бобринский, Народные русские деревянные изделия.

покоящейся на верхней обвязке и далеко выступающих концах продольных брусьев, оформленных резными кронштейнами. Подстолье, заключаая или выдвигной ящик, или шкафчик с двустворными дверцами, бывает различной высоты и оставляет иногда лишь очень незначительное пространство до пола для коротеньких ножек. Здесь (большей частью в нижней половине подстоля) нашел себе широкое применение резной орнамент самых разнообразных мотивов: и прорезные кружки с поперечными перемычками, и ажурные квадраты с вставленными в них розетками, и многие другие. Заполнение плоскости створок мотивами розеток, выполненных выемчатой трехгранной резьбой, также находит себе применение (рис. 19). Такие столы воспроизведены А. Бобринским в «Народных русских деревянных изделиях»¹⁶. Кронштейнам, на которые опираются сильно свешивающиеся концы столешницы, приданы несложные профили, выполненные топором. В таких столах ярко выражены черты самостоятельного народного творчества. Их оформление близко к церковной мебели, а именно к свечным столикам. Но эти последние исполнены теми же крестьянами-столярами.

Совершенно иной вид представляют столы на высоких ножках с подстолями, заключающими выдвигные ящички (рис. 20, 21, 22, 23, 24). Резные или точеные ножки, подстолье, разделенное по всей длине на несколько впадин с окаймляющими их калевками и рельефными украшениями на этих впадинах, нижняя обвязка подстоля, профилированная в классических мотивах, а также примененная здесь резьба на калевках и многие другие детали — все это в совокупности говорит о том прототипе, который когда-то лег в основу этой формы стола. Таким прототипом были старинные столы

русской, голландской и немецкой работы, находившиеся в боярских хоромах. Но это нисколько не умаляет самостоятельности творческой фантазии деревенских столяров — воспринятые ими старые формы трактованы совершенно по-новому, и во всем облике таких столов видны черты настоящего народного искусства. В некоторых местах Карелии можно встретить столы на длинных полозьях, позволяющих легко передвигать их, что весьма необходимо в домашнем быту и русского и карельского крестьянина. Стол то ставят близ русской печи, когда пекут хлеб, то в красном углу, то передвигают по всей избе во время мытья пола и стен. Такой стол имеет и столешницу, и подстолье, и ножки и отличается от обычных только полозьями. Называются такие столы финскими. Столы более нового изготовления с сильно упрощенными формами представляют мало интереса с художественной точки зрения — в них преобладает конструктивное начало: столешница остается также съемной, а подстолье и ножки чаще всего делаются без всякой орнаментации и лишь окрашиваются в какой-либо яркий тон. Надо сказать, что окраска придает мало красоты шаблонным, однообразным формам. Совершенно противоположное впечатление производит яркая жизнерадостная раскраска более старых столов, где резные и точеные детали, а также различные рельефы плоскостей сами вызывают многоцветную, играющую контрастными тонами роспись.

Установить дату и место изготовления старинного стола с высокими подстолями и шкафчиками далеко не всегда представляется возможным. Владельцы мебели обычно не могут указать возраста своих столов, доставшихся им по наследству от предков, и даты, получаемые путем распросов, очень приблизительны. По характеру форм отдельных частей и самой резьбы установить точную датировку также весьма трудно. Но во всяком случае формы, техника резьбы

¹⁶ А. Бобринский, Народные русские деревянные изделия. Табл. 5, рис. 1 и 2; табл. 32, рис. 1 и 2.

и мотивы орнаментики столов указывают на их несомненную связь с конструктивно-декоративными элементами внешней и внутренней обработки старинных крестьянских зданий и утвари. Здесь мы видим и орнаментальные мотивы, примененные на старинных крыльцах изб и церквей, на церковных клиросах, на оконных наличниках, на балконных решетках и на резных деревянных частях русской печи. Орнамент, украшающий такие столы, выполнен в той же технике трехгранной выемчатой резьбы, какая преобладает на старинной утвари — ткацких станах, прялках, стенных и печных шкафчиках, киотах. Все это говорит о значительной самостоятельности в созидании форм таких старинных крестьянских столов.

Обращают на себя внимание в интерьере избы и люльки, или, как их называют в деревнях, «зыбки», для грудных детей со всем устройством для подвешивания, вполне оправдывающим такое название. На конце длинной жерди, называемой оцепом, прикрепленной к матице, висит на четырех веревках люлька, сделанная из дерева, луба или бересты. Второй конец жерди упирается в потолок. Люльку большей частью качают ногой за петлю, привязанную к оцепу, в то время как руки остаются свободными для другой работы. В большинстве случаев форма люлек весьма проста. Если люлька деревянная, то имеет вид опрокинутой усеченной пирамиды; сделанная из луба или бересты, она представляет удлиненной формы ящик с закругленными углами, а то и продолговатое плетеное лукошко. Накинута поверх веревок в виде полога яркая ткань или цветистый сарафан представляет красочное пятно на фоне бревенчатых стен. Зыбки с резной орнаментикой и живописью встречаются в крестьянском быту в обследованных нами районах чрезвычайно редко.

Все остальные предметы обстановки избы, необходимые в домашнем хозяйстве, преследуют исключительно цели утилитарные,

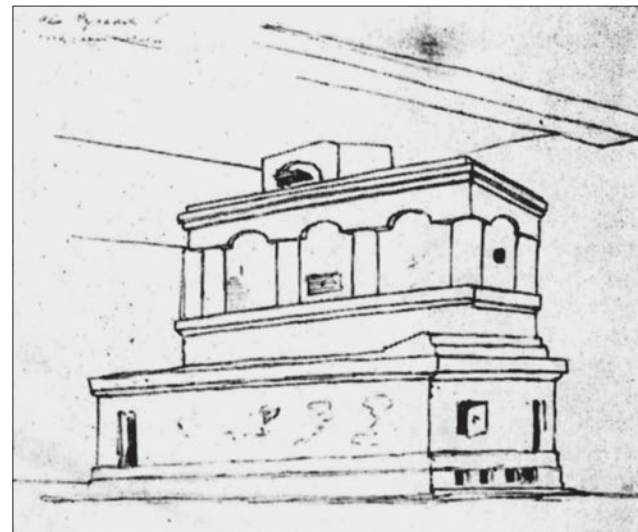

Рис. 25. Печь-лежанка в доме Русанова.

Деревня Кижский погост Великогубского района Карело-Финской ССР

не претендуя на художественное оформление. К таким относятся ушаты для чистой воды, стоящие близ входа в избу, деревянные лохани и гончарные рукомойники, подвешенные на веревках или на цепочках. Значительно привлекательнее по своим формам реже встречающиеся медные рукомойники на медной же цепочке, имеющие довольно изысканный вид и напоминающие отчасти металлическую церковную утварь.

Этим исчерпывается вся мебель в избе. Как мы уже видели, большая часть ее представляет неподвижно укрепленные предметы обстановки, имеющие вполне определенное, традиционное назначение. Из этой неподвижности мебели и обусловленности ее применения вытекает главная особенность крестьянского интерьера, резко отличающая его от интерьера городского дома. В то время как городская обстановка, будучи вся подвижной, всецело зависит от потребностей, вкуса, состояния, профессии хозяина дома и совершенно не связана

с характером внешней и внутренней архитектуры, в крестьянском интерьере мы имеем совсем иные качества и полную гармонию обстановки с внешним и внутренним архитектурным обликом. Здесь ярко чувствуется единая мысль строителя — то, чего не хватает интерьеру городского дома, а личные вкусы хозяина, даже уровень его материального благополучия почти совершенно растворяются в этих общепринятых, узаконенных веками нормах. Но здесь и речи не может быть о мертвящем шаблоне, так как положенная в основу архитектурная идея, прорабатываемая сменяющимися друг друга поколениями, получает в народном творчестве все новые и новые толкования и самое разнообразное оформление.

В горнице гораздо больше подвижной мебели, чем в избе. Здесь мы видим стулья, табуреты, шкафы-поставцы для посуды, деревянные кровати под пологом, сундуки и укладки разных размеров, комоды, столы, иногда стенные часы и другие предметы, частично проникшие из города, частично выполненные в деревне в формах, отражающих городские вкусы. Стилевого единства, каким отличается интерьер избы, здесь, в горнице, мы не найдем. Эта мебель, привезенная из города, так же как и другие предметы городского обихода, случайно попавшие в деревню, мало гармонирует с тесаными бревенчатыми стенами, потолком на матицах и печью-лежанкою, являющейся почти обязательной в горнице северных районов. Сложенные из кирпича, обмазанные глиной и выбеленные, эти печи-лежанки бывают очень интересны по своим архитектурным формам: в них нашли себе место и собственная выдумка крестьянина, и классика, своеобразно преломленная в деревне. Одна из таких печей-лежанок, в пропорциях и в деталях которой есть много своеобразия, зарисована мною в доме Русанова в Кижском погосте Заонежского района Карелии

(рис. 25). Меньше самостоятельности в формах кирпичной голландской печи, имеющей иногда место в горнице и напоминающей кирпичные печи в провинциальных городах.

Одновременно с отделкой избы и горницы плотники устраивали в красном углу треугольную полку из гладко тесаных толстых досок — божницу для икон, большей частью без каких-либо украшений. Но иной раз и здесь применялся резной орнамент геометрического характера, окаймляющий низ такой полки ритмичным узором прямолинейных и криволинейных очертаний, и тогда божница имела формы тябл в иконостасах старинных церквей или напоминала киот плотничной или столярной работы. В таких случаях обрамление киота большей частью состояло из двух гладких пилястр, архитрава, завершенного несложным карнизом, и нижней горизонтальной обвязки, имеющей небольшое количество резных украшений. Несколько икон различных размеров, металлических крестов и складней стояло в этих киотах и в качестве обязательного украшения свешивались концы нарядно вышитого полотенца.

Неотъемлемой частью интерьера крестьянского дома была посуда из глины, бересты, луба и дерева, среди которой встречались предметы, обращающие внимание своей формой и росписью. На воронцах мы видим различной величины и формы берестяные лукошки, короба, берестяные бутылки, деревянные и берестяные туеса, солонки, масленки и кошели — очень искусно сделанные, удобные в домашнем и дорожном обиходе. Глиняная посуда реже отличалась оригинальностью формы и почти всегда состояла из мисок, горшков и кринок различных размеров с поливой и без таковой, иногда расписанных. Впрочем, и среди этой посуды попадались предметы, полные художественного своеобразия. Чугунная утварь состояла главным образом из горшков такой формы, что их

удобно было поднять ухватом при вдвигании в русскую печь. Вся же фарфоровая посуда, приобретенная в городе, соответствовала вкусу деревенского жителя — в ней преобладала более яркая раскраска. Особое пристрастие крестьянин питал к самоварам, и материальное благополучие семьи измерялось количеством и размерами самоваров, гордо красующихся в горнице. Осветительные приборы старой деревни — светцы и подставки под них — стали скорее предметами музейными, нежели бытовыми. Лишь в очень глухих местах можно видеть в качестве реликвий минувшего прошлые железные светцы интересной формы, вделанные в печной столб русской печи (рис. 26). Такие объекты крестьянского прикладного искусства, как ларцы и подголовники, в резьбе которых много самобытного, легче изучать также в музейных собраниях, нежели в деревне, где они сейчас чрезвычайно редки. Гораздо чаще встречаются в избах и горницах резные и расписные прялки, палицы для выколачивания белья и рубели, украшенные выемчатой резьбой или расписанные. Мотивы резной орнаментики в большинстве случаев геометрические, а для росписи чаще всего взяты сюжеты из растительного мира, видоизмененные и стилизованные народной фантазией. Авторы росписи на предметах крестьянского обихода, большей частью случайные живописцы, захватившие в деревню и «покрасившие всем» прялки и разную утварь, или какие-нибудь местные специалисты, умело расписавшие архитектурные части внутренней обстановки избы и утварь. Но ведь народное искусство тем и характерно, что оно безыменно, и индивидуальные особенности отдельного художника в значительной мере подчиняются народным художественным традициям и нормам. Поэтому даже случайные деревенские художники оказывались в своем творчестве во власти установившихся традиций.

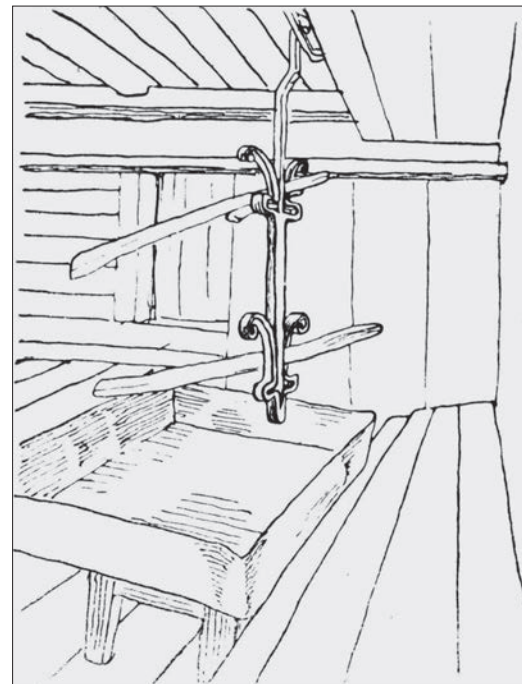

Рис. 26. Подвесной светец с лучинами и металлическим ящиком под ним в доме Соколова. Деревня Лесное Петраково Пошехонского района Ярославской области

Сени, занимающие середину дома, являются весьма существенной частью постройки, в особенности в северных районах, где жилые и хозяйственные сооружения находятся под одной кровлей. Здесь из сеней крестьянин попадает и в избу с горницей, и в кладовые подклета, и в сарай, и в клетки, и в скотный двор с хлевами, и на чердак. В сенях же стоят в летнее время кровати под пологами и занавесями, шкаф для молочных продуктов, кадка с чистой водой, иногда висячий шкафчик у стены, часто раковина и лоток. Если жилые помещения избы расположены в двух этажах, то и сени делаются двухъярусными. Кроме того, в сенях большое место отводится удобной широкой лестнице в два-три марша,

украшенной резными перилами, расписанными иной раз яркими веселыми тонами. Главная красота сеней заключается в их просторности. Лестницы придают сени особую нарядность и даже торжественность, напоминая просторные сени боярских хором XVI и XVII столетий. Красивы в сенях гладкие поверхности стен из крупных неотесанных бревен и широкие косяки дверей, прочно устроенный пол из толстых досок и потолок на матицах, а то и открытая солидная конструкция тесовой крыши. И не зря просторным сеним уделено столько внимания в народной поэзии, песнях и былинах.

Заканчивая характеристику интерьера крестьянского жилища, нам хотелось бы остановиться на том, где и кем изготавливалась мебель для деревни и насколько исполнители ее считались с пожеланиями крестьян или навязывали деревне свои вкусы и взгляды. Известно, что в некоторых губерниях России изготавливалась ходовая крестьянская мебель, которая распространялась по деревням водными и шоссейными трактами, попадая на базары. Особенно знамениты производством мебели для крестьян были Вятский район, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Вологодская, Пермская, Ярославская, Казанская и некоторые другие губернии. В некоторых из названных районов занимались специально производством сундуков и укладок, в других — изготовлением рам для крестьянских домов. В Вятском районе мебель отличалась отсутствием каких-либо резных украшений, а сундуки там изготавливались крашенные с оковкой железом. Крашенная мебель в русском стиле, выполнявшаяся в Семеновском уезде Нижегородской губернии, известная под названием «Семеновской», так же как и «Абрамцевская»¹⁷,

17 «Абрамцевская» мебель названа по имени усадьбы Абрамцево, где С. Мамонтовым при участии некоторых художников (В. Поленов, В. Васнецов, М. Врубель) были устроены художественные мастерские и в числе их столярная мастерская, изготавливавшая мебель в духе древнерусских форм.

из-за своей дороговизны крестьянами почти не приобреталась. Ее приобретали в качестве образцов для земских столярных мастерских. Большое значение для развития форм мебели имели отхожие промыслы. Деревенские столяры имели возможность заимствовать приглянувшиеся им формы мебели в городе. Кустарными столярными мастерскими специально для деревни изготавливались стелльные шкафчики, зыбки, поставцы и стулья.

Крестьяне, работавшие по несколько лет в столярных мастерских, принесли в деревню усвоенные ими в городах технические навыки и вкусы. Так проникли в деревню формы мебели в стиле барокко и классицизма.

Помимо мебели, привезенной из города, всегда существовала и мебель, изготавливавшаяся в деревнях своими специалистами по столярному делу. Эти мастера становились весьма популярными в целом деревенском округе, снабжая предметами своего производства значительное количество деревень. В большинстве случаев они были самоучками и, живя постоянно в деревне, не видя городских образцов, проявляли значительную творческую самостоятельность, создавая формы мебели. Так, например, в ряде деревень Лужского района Ленинградской области мы видим столы с резными подстолями и ножками, исполненные не так давно в деревне Староверский Луг местным столяром, научившимся своему ремеслу в деревне.

В заключение следует отметить, что во всех произведениях народного мебельного искусства выступает одна основная черта — творческая интерпретация любых художественных форм, приближение их к местным вкусам и требованиям.

Источники и литература

Источники

1. Иллюстративный фонд РЭМ. Колл. № 5230, 13144.
2. *Габе М. Р.* К столетию со дня рождения профессора Р. М. Габе. (машинопись, хранится в семейном архиве Б. И. Габе).

Труды Р. М. Габе

1. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Труды КИПС СССР. Л., 1930. № 16. С. 107–145.
2. Архитектурные формы в деревянном зодчестве и возможности применения их в колхозном строительстве // Проблемы архитектуры. М., 1937. Т. 2. Кн. 1. С. 337–363.
3. Карельское деревянное зодчество. М.: Гос. Archit. изд-во Акад. архитектуры СССР, 1941. 216 с.
4. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. М., 1955. Кн. 5. С. 81–104.

Литература о Р. М. Габе

1. Проф. Р. М. Габе: Некролог // Архитектура Ленинграда. 1939. № 1. С. 90.
2. *Зернов В. Б.* Неизвестные портреты известных художников-этнографов // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3: Шестые международные Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: Европейский дом, 2014. С. 406–411.
3. *Ивановская Н. И.* Исследователь народной архитектуры Р. М. Габе — представитель творческой интеллигенции

многонационального Петербурга // Этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые международные Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Науч. ред. Н. И. Ивановская, О. М. Фишман (отв. ред.) СПб.: Европейский дом, 2018. С. 374–384.

4. *Свирский А. Я.* Исследователь архитектуры Севера // Архитектура Ленинграда. 1940. № 2. С. 59–62.
5. *Шмакова В. Т.* Новые материалы по народному творчеству (графические работы Р. М. Габе) // Ежегодник ГИМ. 1962. М., 1964. С. 182–184.

Общие вопросы этнографии финноязычных народов Северо-Запада России

1. *Аксянова Т. А.* Финноязычные народы Северо-Западной России по данным физической антропологии: Соматология // Прибалтийско-финские народы России. / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 19–26.
2. *Высочков Л. В.* Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII — XIX в.) // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / Сост. и отв. ред. Н. В. Юхнева. Л.: Наука, 1989. С. 113–131.
3. *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1. О народах финского племени. СПб., 1776. С. 89.

4. *Золотарев Д. А.* Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Л., 1927. 119 с.
 5. Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области / Сост. и науч. ред. К. В. Чистов. СПб.: Лениздат, 1992. 190 с.
 6. *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
 7. *Ушаков Н. В.* Традиционное жилище финноязычных народов Ленинградской области начала XX в. // Современное финноугроведение. Опыт и проблемы: Сб. науч. тр. / Ред. О. М. Фишман. Л.: Государственный музей этнографии народов СССР. 1990. С. 49–53.
 8. *Успенский Д.* Ингры, ваты, ягрямя и саволаксы // Финский вестник. 1845. Т. II, отд. 4. С. 2–19.
 9. *Шлыгина Н. В., Конкка У. С.* Водь, ижора и финны Ленинградской области // Народы Европейской части СССР / Под общ. ред. С. П. Толстова. Т. 2. М.: Наука, 1964. С. 310–328.
 10. *Языков Д.* О финских жителях Санкт-Петербургской губернии // Русский исторический сборник Общества истории и древностей Российских. 1841. Т. 4. С. 300–325.
 11. Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман (науч. ред.), М. А. Засецкая, Г. А. Исаченко и др. СПб.: Издательский Дом «Инкери», 2017. 655 с.
- Водь**
1. *Дмитриев А. В.* Водская топонимика в историко-культурном аспекте // Псковский регионологический журнал. 2007. № 4. С. 110–118.
 2. *Заднепровская А. Ю.* Материалы для изучения культуры воды // Материалы по этнографии. Т. II.: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 67–73.
 3. *Конькова О. И.* Водь // Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области / Отв. ред. К. В. Чистов. СПб.: Лениздат, 2002. С. 71–88.
 4. *Конькова О. И.* Водь. Очерки истории культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 254 с.
 5. *Королькова А. В.* Древний народ водь // Балтийский щит. 2006. № 3 (33). С. 17–19.
 6. *Ленсу Я. Я.* Материалы по говорам воды // Труды КИПС СССР. Л., 1930. № 16. С. 201 – 305.
 7. Предания и сказки водского народа. Vad'd'aa rahvaa jutud ja kaazgad / Сост. О. И. Конькова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 144 с.
 8. *Рябинин Е. А.* Чудь Водской пятины // Древности славян и финно-угров. СПб.: Наука, 1992. С. 143–151.
 9. *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода: результаты археологических исследований 1971–1991 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 260 с.
 10. *Шлыгина Н. В.* Водь // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия. 1994. С. 126
 11. *Ariste P.* Vadjalaste laule. Eest. NSV Teaduste Akad.; Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Tallinn: [s.n.], 1960. 86 lk.

Ижора

1. *Агеева Р. А.* Ижорский язык // Языки народов России. Красная книга / Гл. ред. В. П. Нерознак. М.: Academia, 2002. С. 75–79.
2. *Габе Р. М.* Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Труды КИПС СССР. Л., 1930. № 16. С. 107–162.
3. *Гаген-Торн Н. И.* О «бабьем празднике» у ижор (Ленинградского района) // Этнография. 1930. № 3. С. 69–79.
4. *Золотарев Д. А.* У ижор (Экспедиционные впечатления) // Труды Ленинградского общества изучения местного края. Л.: ЛОИМК. 1927. Т. I. С. 139–148.
5. *Кёппен П. И.* Селения, обитаемые ижорами С.-Петербургской губернии // Учёные записки Императорской академии наук по I и III отделениям. 1853. Т. II, вып. 3. С. 413–422.
6. *Киуру Э. С., Шлыгина Н. В.* Ижора // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред.: Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 592–620.
7. *Конькова О. И.* Ижора // Мы живём на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области / Сост. и науч. ред. К. В. Чистов. СПб.: Лениздат, 1992. С. 89–109.
8. *Конькова О. И.* Ижора: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 248 с.
9. *Конькова О. И.* Ижора и корела: проблема ранней дифференциации // Русский Север. К проблемам локальных групп / Под ред. Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 43–62.
10. *Конькова О. И.* Исследования ижорских средневековых могильников. Итоги и перспективы // Современное финноугроведение: Опыт и проблемы: Сб. науч. тр. / Ред. О. М. Фишман. Л.: Государственный музей этнографии народов СССР. 1990. С. 31–35.
11. *Королькова Л. В.* Народ Ижорской земли // Балтийский щит. 2006. № 1 (31). С. 27–29.
12. *Крюков А. В.* Ижоры Северной Ингерманландии // Нет родной сторонки краше...: Сб. статей и мат-ов науч.-просвет. конф., посвященной 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины великой ижорской сказительницы Ларин Параске (1834–1904) / Гл. ред. А. Дмитриев. СПб.: Инкери, 2006. С. 62–92.
13. *Крюков А. В.* Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Нестор. 2007. № 10. С. 275–282.
14. *Лаанест А.* Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Институт языка и литературы АН СССР, 1996. 183 с.
15. *Лаанест А.* Ижорский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия: В 3 т. / [Редкол.: В. Н. Ярцева (пред.) и др.] Т. 1. М.: Наука, 2001. С. 376–382.
16. *Прыткова Н. Ф.* Одежда ижор и води // Западнофинский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 306–340.
17. *Селитская И. А.* Библиография литературы на ижорском языке // Советское финноугроведение. 1965. № 4. С. 302–305.
18. *Фёдоров И. Т.* Расселение ижоры в XIX — XX веках // Советская этнография. 1983. № 5. С. 97–104.
19. *Шлыгина Н. В.* Ижорцы // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 159–161.
20. *Шлыгина Н. В.* Роль хозяйственных занятий в ассимиляции водско-ижорского населения в конце XIX — начале XX века // Советская этнография. 1965. С. 55–65.

Финны

1. *Александрова Е. Л., Браудзе М. М., Высоцкая В. А., Петрова Е. А.* История финской Евангелическо-лютеранской церкви Ингерманландии. СПб.: Гйоль, 2012. 400 с.
2. *Гильди Л. А., Браудзе М. М.* Книга памяти финнов, репрессированных за национальную принадлежность в СССР. Том 1. СПб.: Гйоль, 2010. 652 с.
3. *Граница и люди: Воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка: Сб. / Науч. ред. Е. А. Мельникова.* СПб.: Изд-во ЕУСПб, СПб., 2005. 484 с.
4. *Дубровина З. М.* Из истории финского населения Ленинградской области // Вестник ЛГУ. 1962. № 4. С. 110–120.
5. *Егоров В. А.* Эвримейсы Лесколовского сельсовета // Сборник ЛОИКФУН. Л.:1929. С. 31–48.
6. *Заднепровская А. Ю.* Ингерманландские финны // Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы / Отв. ред. Н. В. Ревуненкова, Н. В. Юхнева; науч. ред. И. И. Шангина. СПб.: Искусство, 2002. С. 528–541.
7. *Заднепровская А. Ю.* Об этнической культуре ингерманландских финнов // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: Сб. науч. тр. СПб.: РЭМ. 1994. С. 55–63.
8. *Зайцев Д. В.* Ингерманландская этническая общность: историко-правовой аспект статуса национальных меньшинств и коренных народов: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 21 с.
9. *Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации: Сб. мат-ов и док. / Сост. Е. И. Клементьев.* Петрозаводск, 2006. 257 с.
10. *История Ингерманландских финнов / Ред. М. Браудзе; пер. Д. Орехов.* СПб.: Гйоль, 2011. 510 с.
11. *Иванов М., Шадрунова Т., Вяйзя М.* Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии. СПб.: Гйоль, 2015. 128 с.
12. *Ингерманландия глазами Самули Паулахарью. Велоэкспедиция летом 1911 год / Пер. Я. Лапатки.* СПб.: Гйоль, 2014. 112 с.
13. *А. И. Кирьянен.* Ингерманландские финны и финский язык в Петербурге и Ленинградской области — современное положение // Российские финны: вчера, сегодня, завтра.: Мат-лы межрегион. науч. конф., посвященной 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2010. С. 14–24.
14. *Кокко В. А., Конькова О. И.* Ингерманландские финны: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН. 2009. 162 с.
15. *Королев А. В.* Финно-угорские народности СССР по данным переписи 1926 г. // Финноугроведение. 1931. № 1. С. 6.
16. *Королькова Л. В.* Ингерманландские финны // Балтийский щит. 2005. № 2 (25). С. 28–29.
17. *Крылов П. В.* Ингрия, Ингерманландцы и Церковь Ингрии в прошлом и настоящем. СПб.: Гйоль, 2012. 120 с.
18. *Крылов П. В.* Социальные трансформации 1990–2000-х гг. в судьбах ингерманландских финнов Ленинградской области: проблемы адаптации // Миноритетные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации. СПб.: Изд-во СПбНПИПТ. 2008. С. 118–142.
19. *Крылов П. В.* Религиозность ингерманландско-финского населения Ленинградской области в 1999–2000-е гг.

- // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий: Вторые Шёгреневские чтения: Сб. ст. / Ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 245–250.
20. *Крюков А. В.* О расположении, структуре и типологии финских деревень в Ингерманландии (1830–1930 гг.) // Петербургские чтения — 97: Петербург и Россия: Сб. ст. / Гл. ред. Т. А. Славина. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, СПб., СПб., 1997. С. 201–223.
21. *Лескинен М. В.* Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. // Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России: Сб. науч. ст. / Под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ, 2004. С. 154–191.
22. *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. СПб: ИИ РАН «Нестор-История», 2004. 450 с.
23. *Риехкалаинен Ю.* Ингерманландские финны. История и судьбы. Петрозаводск: Периодика, 2009. 173 с.
24. *Суни Л. В.* Ингерманландские финны: Исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы: Сб. ст. / Ред. Е. А. Нетылько. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та. 1998. С. 4–25.
25. *Суни Л. В., Киуру Э. С.* Финны // Мы живем на одной земле: население Петербурга и Ленинградской области / Отв. ред. К. В. Чистов. СПб.: Лениздат, 1992. С. 130–148.
26. *Суоминен Х.* Мозес Путро / Пер. Д. Орехова. СПб.: Гйоль, 2013. 98 с.
27. *Чистяков А. Ю.* Ингерманландские финны. XVII — начало XX вв. (история и этническая культура) / автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 25 с.
28. *Чистяков А. Ю.* Участие финских крестьян Санкт-Петербургской губернии в «питомническом промысле» на рубеже XIX и XX вв. // Петербургские чтения — 96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб. 1996. С. 436–438.
29. *Чистяков А. Ю.* Численность и расселение ингерманландских финнов (вторая половина XIX — начало XX в.) // Историческая этнография: Русский север и Ингерманландия: Сб. ст. / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 84–93.
30. *Чистяков А. Ю.* Этнические группы ингерманландских финнов в XVIII — XIX вв. // Петербургские чтения — 97: Петербург и Россия: Сб. ст. / Гл. ред. Т. А. Славина. СПб., 1997. С. 160–166.
31. *Шлыгина Н. В.* Возникновение финских поселений на территории Ингрии // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 34–47.
32. *Языков Д.* О финских жителях С.-Петербургской губернии // Русский исторический сборник. М., 1840. Т. 4. С. 300.
33. *Inkerin bibliografia. Luettelo vatjalaisia, inkeroisia ja Inkerin suomalaisia käsittävistä kirjallisuudesta / Toim. J. Elomaa.* Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1981. 126 s.
34. *Mustonen J.* Inkerin Suomalaiset // Inkerin suomalaiset seurakunnat. Liitteenä kartta nimihakemistoiineen. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1931. S. 22.

Оглавление

Н. И. Ивановская

К ЧИТАТЕЛЮ 4

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ Р.М. ГАБЕ — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕТЕРБУРГА 7

Р. М. Габе

МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОМУ ЗОДЧЕСТВУ
ЗАПАДНЫХ ФИННОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОКРУГА..... 17

АКВАРЕЛИ РУФИНА МИХАЙЛОВИЧА ГАБЕ..... 67

АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ В ДЕРЕВЕНСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ
ПРИМЕНЕНИЯ ИХ В КОЛХОЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ..... 125

ИНТЕРЬЕР КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА 143

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ 169

Вы можете заказать книги издательств
«Гйоль» и «Остров» по рабочим дням по
тел. +7 (921) 404-07-83 (Санкт-Петербург),
электронной почтой kirja@inkeri.ru,
на сайте www.inkeri.ru

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Автор-составитель: Н. И. Ивановская, кандидат исторических наук

Научный редактор: О. М. Фишман, доктор исторических наук

**Народная архитектура прибалтийско-финского
населения Северо-Запада России в чертежах и рисунках:**

Научное наследие **Р. М. Габё**

Дизайн и вёрстка: М. М. Браудзе

Сканирование рисунков: Я. И. Андреева

ISBN 978-5-90479-076-9

Подписано в печать 04.06.2019.

Формат 84×108/16. Печ. л. 18,48. Тираж 200 экз.